

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ X–XXI вв.**

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

**XXXII СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Рязань, 21–24 сентября 2010 г.

**Российская академия наук
Историко-филологическое отделение
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Институт славяноведения РАН
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ X–XXI вв.
ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**XXXII СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
*Рязань, 21–24 сентября 2010 г.***

Москва 2010

**XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы
проводится при финансовой поддержке РГНФ
Проект № 10-0114072г**

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (отв. ред.), В.А. Ильиных, А.И. Комиссаренко,
В.Д. Назаров, Н.В. Соколова, В.Я. Филимонов, Э.М. Шагин

Тезисы докладов и сообщений публикуются большей частью в том виде, в котором они представлены авторами. В отдельных случаях тезисы сокращены в связи с ограниченным объемом издания.

Оргкомитет

© Коллектив авторов, 2010

© Оргкомитетом Симпозиума по аграрной истории
Восточной Европы, 2010

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ
Киевская Русь – середина XIX в.

Е.Н. Швейковская (Москва)

**Источниковедческие аспекты
в трудах В.А. Александрова 1960–1970 годов***

В.А. Александров (1921–1994), ученик М.Н. Тихомирова, был видным исследователем российской истории XVII – начала XIX вв. В сфере его научных интересов находились концептуальные проблемы – освоение новых территорий, которыми прирастала Россия на Юге и в Сибири, типология сельских общин и их дееспособность как сословного института, роль обычного права, взаимодействие между властью и земско-мирскими сообществами в едином механизме местного управления.

Сотрудничество В.А. Александрова с Симпозиумом по аграрной истории было важной составляющей его научной деятельности. Он с 1960-х гг. участвовал во многих сессиях, был сопредседателем секции XVIII в. В 1976 г. по инициативе, исходящей от заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР И.Д. Ковальченко, он стал заместителем председателя оргкомитета Симпозиума по аграрной истории, и на этом посту В.А. действовал при последовательно сменявшихся председателях В.Т. Пашуто, В.Л. Янине, И.Д. Ковальченко. На сессиях в Ростове-на-Дону (1978), Воронеже (1980), Уфе (1982), Таллине (1984), Казани (1986) и Минске (1989) по его предложению уделялось внимание правовому положению крестьян и в этом ключе их отношениям с феодалами и государственной властью, а также комплексному историко-этнологическому рассмотрению общих тем, ставившихся на сессиях, в руководимой им секции XVIII в.

* Тезисы написаны в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» по проекту «Сельский социум России во взаимодействии и противостоянии на переходе от позднего средневековья к новому времени».

В 1970-х гг. ученый выступил со значимыми докладами в тематических секциях по истории сельской общины: «Сельская община и вотчина в позднефеодальной России XVIII – начала XIX в. (по материалам помещичьих инструкций)» – 1970 г. и «Рекрутская повинность и община крепостной деревни России XVIII – начала XIX в.» – 1974 г. На сессии 1980 г. он сделал доклад «Обычное право в отечественной дореволюционной науке и современная постановка проблемы». Темой об общине ученый стал заниматься с конца 1960-х гг. и ее сюжеты органично вписывал в проблемы симпозиума.

Ранее же значительное место в творчестве В.А. Александрова занимала эпопея освоения Сибири, а центральным трудом в этой области стала монография «Русское население Сибири XVII–XVIII в. Енисейский край» (М., 1964 г.). В своей научной практике В.А. следовал воспринятому от М.Н. Тихомирова методическому принципу приоритета архивных источников, а не историографических суждений и выводов. Учитывая установленную в историографии ведущую роль крестьянской колонизации в освоении Сибири, Александров в качестве главной задачи своей работы поставил вопросы о происхождении русских переселенцев при формировании постоянного населения, росте численности разных социальных групп, о землевладельческих порядках и хозяйственных навыках, которые приносили мигранты на новые места, а также об их передвижениях внутри осваиваемого региона и за его пределы.

Ответ на них потребовал привлечения солидной источниковой базы. Ученый опирался на документы ф. Сибирского приказа РГАДА как «ценнейший и самый обширный в нашей стране источник по истории Сибири конца XVI – начала XVII в.». Исследование базировалось на многообразной приказной документации, различных книгах: таможенных, дозорных, переписных, крестоприводных, отчасти ясачных по Мангазейскому, Енисейскому и Красноярскому уездам, которые составляли Енисейский край. Важна его установка на то, что одни и те же «виды документов имели решающее значение» при раскрытии совершенно разных вопросов.

Оценивая общую сохранность источниковой базы в хронологическом разрезе, В.А. Александров по мере изучения конкретных

тем сталкивался с отсутствием некоторых источников или лапидарностью имеющихся, относящихся чаще к первой половине XVII в. и констатировал «множество сохранившихся материалов от второй половины XVII в. и начала XVIII в.».

Главным из широко используемых видов источников стали разнотипные книги учета: переписные, дозорные, именные, таможенные. Их материал применялся для выяснения различных, нередко малоизученных тем. Одна из них – это образование оседлого русского населения в XVII – начале XVIII в. Ученый как раз столкнулся с отсутствием необходимого для такого исследования «вида источников» – переписных книг за первую половину XVII в. для Мангазейского уезда, а имеющиеся переписные книги уезда 1710 г., 1720 г. и перечневая роспись населения от 1721 г. вкуче показали только итоговые результаты этого процесса. Отсутствие писцовых и переписных книг до середины XVII в. по Енисейскому и Красноярскому уездам заставило В.А. прибегнуть к поиску иных источников. По сведениям переписных книг Енисейского уезда 1669 г., 1719 г., Красноярского уезда 1671 г., «табели» Сибирской губ., составленной по переписным книгам 1710 г., с дополнениями других источников были определены общая численность и рост русского населения. Данные о сельском населении В.А. почерпнул из дозорных книг Енисейского уезда 1685–1687 и 1689–1691 гг., неполных по составу, и дозорных же – Красноярского уезда 1700 г.

Дозорные и переписные книги были для В.А. основным типом источников при выяснении семейного строя русских поселенцев в Енисейском крае, впервые предпринятом в сибиреведческой литературе. Лишь массовый материал переписных и дозорных книг за вторую половину XVII – первую четверть XVIII в., позволил проследить сложные процессы формирования семей и развития их структуры у русских переселенцев на протяжении более чем полувека. По каждой из книг В.А. отмечает присущие ей информационные особенности и пробелы. Наибольшую ценность для ученого представила дозорная книга 1689–1691 гг. тем, что наряду с данными о мужском составе семей у посадских, служилых людей и крестьян в ней содержатся указания об их географическом и

социальном происхождении на «Руси», времени прихода в Сибирь и дате поверстания в тягло.

Высокая информативность дозорных книг: 1685–1687 и 1689–1691 гг. и переписной 1669 г. Енисейского уезда позволила В.А. раскрыть слабо изученную проблему о системе и характере землевладельческих порядков в Сибири. Рассмотрев имевшиеся в историографии точки зрения и особенно обстоятельно В.И. Шункова о ведущем значении «десятинной пашни» при выделе «собинного» участка земли, В.А. поставил мало проясненные вопросы: исчерпывалась ли база сибирского земледельца выделенной ему государевой «собинной» землей и был ли правительственный отвод земли единственным основанием для пользования ею. В этих целях он охарактеризовал самобытную форму коллективного землевладения, называемую «повальной», которую запечатлели дозорные книги в формулировках: «землей владеют вповал», «земля вповал» и др. В.А. особо выделил приводимые дозорной книгой 1685–1687 гг. сведения о земельных площадях в деревнях, о посевах в каждом хозяйстве.

Разновидностью используемых ученым учетных книг были именные крестьянские книги, которые он считал наиболее важным из источников по истории сибирского крестьянства. В них по деревням указаны поименно крестьяне и размеры обрабатываемой ими «государевой» пашни. Такие книги по Енисейскому уезду за 1664, 1668, 1669, 1691, 1703, 1712 гг., в сочетании с дозорной книгой 1680 г. дали материал для решения вопроса о социальных группах населения и для реконструкции состава крестьянских семей. По Красноярскому же уезду, как заметил ученый, крестьянских книг «сохранилось значительно меньше», и привлек наиболее раннюю из них за 1680 г., а также книги за 1687, 1690, 1698 гг. По именованным книгам енисейских крестьян 1660-х гг. В.А. раскрыл также сюжет о миграционных потоках. Две книги за 1664 и 1668 гг. вызвали у него сомнение в отношении достоверности итоговых данных, которые, по его убеждению, были завышены местными властями, столкнувшимися с бегством крестьян. Именные книги 1654, 1664, 1676 гг. в совокупности с переписной 1669 г.

ученый использовал для свидетельств о движении населения в сибирских пределах.

Таможенные книги, а в них промышленники при явке добытых мехов и при уходе на промысел указывали место своего происхождения, В.А. использовал для выяснения численности постоянного населения, которое не попадало в дозорные и переписные книги. Привлечение наиболее ранних из них по Мангазее и Туруханскому зимовью от 1630-х г. показало прочную поколенную связь промысловиков с сибирским севером и постепенное их оседание здесь к середине 1650-х гг. По данным таможенных книг 1663/64 и 1666/67 гг. Енисейского уезда в сочетании с другими источниками ученый судил о непостоянном населении края. Совокупный материал таможенного делопроизводства стал основанием для суждений и о географическом происхождении приходящего в Сибирь населения.

В.А. привлек также крестоприводную книгу 1676 г. воцарения Федора Алексеевича, сочетая ее с другими книгами и источниками для пополнения тех или иных данных при изучении численности и роста как складывающегося постоянного населения в уездах края, его категорий, так и непостоянного.

Сказанное позволяет вычлнить из исследовательского нарратива методические приемы ученого. При рассмотрении конкретных вопросов на основе одних и тех же источников он вкрапляет об определенных из них дополнительные особенности. Авторские ремарки в отношении источников относятся к общей сохранности тех или иных книг, принципам фиксации сведений, их полноты или неполноты, достоверности зафиксированных и итоговых данных. Широко ученый пользовался компаративным методом, применяя его к материалу внутри одного источника, сходным данным однотипных документов и сравнению разных источников. При этом он неоднократно прибегал к поименному сопоставлению лиц разных социальных групп формирующегося сибирского населения, например, по именованным крестьянским книгам разных лет. При отсутствии какой-либо разновидности книг ученый получал нужные данные опосредованным способом из источников иных видов,

в частности делопроизводственных. Исследовательская работа В.А. Александрова, конечно, не ограничивалась перечисленными видами источников и не исчерпывалась названными методами. Все это вкупе позволило ученому глубоко вникнуть в изучаемые процессы образования постоянного русского населения и экономического освоения Сибири.

К.М. Ячменихин (Чернигов, Украина)

Т.Н. Кандаурова (Москва)

**В. А. Федоров – участник Симпозиумов
по аграрной истории Восточной Европы**

История российского крестьянства была одним из направлений научных исследований профессора исторического факультета МГУ В.А. Федорова. Начиная с 1958 г., крестьянство владельческих имений являлось объектом изучения в его докторской диссертации и работах, которые были представлены на сессиях симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. С 1959 по 2002 г. В.А. Федоров был постоянным участником симпозиума и более 40 лет выступал на его сессиях «с разнообразными по тематике докладами и сообщениями». На протяжении многих лет руководил секцией по аграрной истории первой половины XIX в. Географические рамки исследований ученого определялись территорией Центрально-промышленного района России. Источниковую базу исследований составляли материалы центральных и местных архивов, а также работы ученых-предшественников.

Первая публикация В.А. Федорова в сборнике тезисов докладов и сообщений IX сессии симпозиума вышла в 1966 г. и называлась «Барщина и оброк в центрально-промышленных губерниях России в первой половине XIX в.», а доклад «Крестьянское движение в центрально-промышленных губерниях России в 1800 – 1860-х годах», сделанный на предыдущей VIII Московской сессии межреспубликанского симпозиума в сентябре 1965 г., был опубликован в «Ежегоднике» симпозиума за 1965 г. в 1970 г. В статье по докладу он поставил задачу «показать развитие крестьянской борьбы с начала XIX в. и до реформы 1861 г. в центрально-про-

мышленных губерниях России» на материалах центральных и местных архивов, а также материалов более ранних исследований. В данной работе автор осуществил «статистический анализ основных проявлений крестьянской борьбы – волнений и восстаний» крестьян семи губерний российского центра. Были определены причины усиления борьбы крестьян в дореформенные десятилетия и показана динамика крестьянских протестов, а также установлено, что «волнениями и восстаниями была охвачена незначительная часть крепостного крестьянства» центральной России.

В 1966 г. на сессии в Таллине Владимир Александрович выступал с докладом «Барщина и оброк в центрально-промышленных губерниях России в первой половине XIX в.». Он проследил на материалах вотчинных архивов, сводных материалов Генерального межевания конца XVIII в., описаний помещичьих имений 1858 г. и выборочно уставных грамот «общие тенденции развития феодальной ренты» в означенный период на материалах семи губерний центрально-промышленного района России». В данном регионе преобладающей формой феодальной ренты был оброк. Перевод крестьян на оброк означал в изучаемый период «не уменьшение, а, наоборот, увеличение нормы феодальной ренты». На следующей сессии симпозиума В.А. Федоров анализировал крестьянские наделы в Центрально-промышленных губерниях дореформенной России (Ежегодник за 1968 г.). В докладе он показал, что «размеры крестьянского надела зависели от конкретных местных условий: от исторически сложившегося экономического облика данного района, состава земельных угодий, густоты населения». Определенное значение также имели размеры помещичьих имений и формы феодальной эксплуатации. В помещичьей деревне надел устанавливался не по душам, а по тяглам. Была определена и структура крестьянских наделов. Подтверждался тезис о сокращении крестьянских наделов в исследуемом регионе. На XII сессии симпозиума в Риге (1970 г.) В.А. Федоров в соавторстве с В.И. Крутиковым представил доклад «Описания помещичьих имений 1858–1859 гг. как источник по истории помещичьего хозяйства и крестьянства накануне реформы 1861 г. (по мате-

риалам Тульской и Московской губерний)». В работе был осуществлен детальный источниковедческий анализ описаний имений уездов Тульской и Московской губерний.

В последующие годы после некоторого перерыва в трудах симпозиума В.А. Федоровым было опубликовано еще восемь исследований по истории российского крестьянства. Тематика исследований была разнообразной. Ученый исследовал уровень грамотности крестьян России в XIX в. (Уфа, 1984), историографию крестьянского движения в России периода разложения и кризиса крепостничества (Казань, 1986), влияние крестьянского промыслового отхода на демографическую ситуацию Москвы в конце XIX в. и городов и селений центрально-промышленного района в кон. XVIII – пер. пол. XIX вв. (Минск, 1989; Тамбов 1998), земледельческие орудия в Центральной России в первой половине XIX вв. (Арзамас, 1996), деятельность огородников-предпринимателей Ростовского уезда Ярославской губернии в пер. пол. XIX в. (Вологда, 2000). На сессии 2002 г. в Калуге В.А. Федоров анализировал монастырское землевладение в России в XIX – начале XX в.

Материалы сессий симпозиума вместе с другими исследованиями по означенной тематике позволяют в полной мере представить широту научных интересов ученого в области истории российского крестьянства, которая стала одним из основных направлений его научной деятельности, констатировать весомый вклад в развитие отечественной аграрной истории и показать приоритетные векторы исследований.

М.Б. Свердлов (Санкт-Петербург)

**Правда Русская как источник для изучения стратификации
древнерусского сельского населения
конца XI – первой трети XII в.**

Изучению Правды Русской (далее – ПР) как исторического источника, содержащего ценнейшие сведения о социально-экономической истории Древней Руси, посвящена огромная литература. В значительном числе работ ПР исследована источниковедчески.

Последовательный источниковедческий анализ позволяет ввести объективные критерии в изучение древнерусской сельской общины и стратификации сельского населения.

Уже русско-византийские договоры 911 и 944 гг. исходили из индивидуальной правовой ответственности за преступления и свободы распоряжения своим наследством русских (относящихся к Руси) людей. По договору 911 г., если «работающий» умирал в Византии без завещания, а «своих» (родственников) у него там не было, его «имение» следовало вернуть на Русь «малым ближикам», близким кровным родственникам. Таким сведениям об определяющем значении малосемейной организации соответствуют археологические материалы восточнославянских сельских поселений IX–X вв. лесостепной зоны с домами-полуземлянками площадью 10–20 кв. м., окруженными относящимися к каждому дому зерновыми и бытовыми ямами, а также хозяйственными постройками. Поэтому понятно, почему еще допускающая кровную месть ст. 1 так наз. Древнейшей Правды (ст. 1–17 Краткой Правды Русской, далее – КПр), изданной Ярославом в связи с событиями на Руси 1015–1018 гг., ограничивает круг мстителей только двумя поколениями. Через 40 лет архаическое право кровной мести будет запрещено Ярославичами.

КПр (ст. 1–43), изданная, по нашему мнению, в середине XI в., исходит из принципа индивидуальной ответственности за преступления. В ст. 19 КПр особо оговорено, что в случае убийства княжеского огнищанина, управляющего хозяйством княжеского двора, «в обиду», а также княжеского подъездного огромную сумму в 80 гривен (ок. 15,5 кг. серебра при весовой норме гривны 196 г. серебра и ок. 4 кг. – при весовой норме 51 г.) должен платить один убийца, «а людем», членам общины, – не нужно. По ст. 20, если огнищанина убьют «в разбои», а вервь, на земле которой произошло преступление, убийцу не ищет, то в этом случае должна заплатить община. То есть, община-вервь уже при первом своем упоминании в аутентичном историческом источнике середины XI в. является соседской или территориальной с определенным земельным владением, с функцией самоуправления, юридическим лицом перед государством, персонифицированным в князе.

Принцип индивидуальной и в редчайших случаях малосемейной правовой и имущественной ответственности сохранен в Пространной Русской Правде (далее – ПРП), изданной, вероятно, во второй половине 10-х – 20-е гг. XII в. В ней повторены юридические нормы, свидетельствующие о территориальном и юридическом статусе верви. Статьи об убийстве дополнены судебной нормой о нарушении права собственности. За такие преступления вервь платила или помогала выплачивать общинную «дикую виру» и продажу (ст. 3, 4, 70 ПРП). Но «головничество» убийца платил сам. За убийство «в разбое» «люди»-вервь не платят за «разбойника», а сам преступник с женой и детьми отдается на поток и разграбление. При этом член общины обладал свободой «вкладывания» в «дикую виру». Показательно название совместной платы верви за убийство – «дружина» (ст. 5–8 ПРП). Никаких признаков земельных переделов, имущественно уравнивавших крестьян, в источниках нет.

Таким образом, в соответствии с источниковедческим анализом ПР член соседской общины не был в нее интегрирован полностью. Основой социальных связей в ней являлись отношения не родственные, а самостоятельных индивидуумов и малых семей. Текстуальный анализ соответствующих статей КПр и ППр свидетельствует о совпадении их нормативного состава.

Определение такой сущности общины-верви объясняет, почему уже в древнерусский период в ней происходила социальная стратификация вследствие неустойчивости крестьянского хозяйства. Свободное сельское население – *смерды* оказывались в господском хозяйстве. Если кто-то заключал с господином *ряд*, то становился *рядовичем*, а кто-либо из свободных сельских общинников со второй половины XI – начала XII в. брал *купу* деньгами, возможно, подмогу зерном и земледельческими орудиями, то становился *закупом* – зависимым, который отрабатывал долг с процентами. У него сохранялись личное владение – *отарица* и права свободных людей, которые защищал княжеский суд. В отличие от более древней обобщенной характеристики правового статуса *рядовича* (ст. 25 КПр, ст. 14 ПРП), текст статей ПРП о *закупах* разработан обстоятельно. Эко-

номически зависимый *закуп* противопоставлен в них лично зависимым *холопам*. Текстуальный анализ позволяет установить последовательную защиту законом имущественных прав закупа, защиту его личности (ст. 56–62 ПРП), хотя существовали средства внеэкономического принуждения (ст. 62, 64 ПРП). Позднее появились «вдачи» – люди, взявшие «дачу» (ст. 111 ПРП).

Таким образом, источниковедческий анализ РП позволяет установить содержание эволюции ее нормативного состава как основного источника для изучения древнерусской сельской общины и начальных процессов стратификации свободного сельского населения в ее средневековых формах.

Л.Г. Степанова (Краснодар)

Применение картографического метода при изучении источников по аграрной истории средневековой России: новые поиски и перспективы

Изучение истории сельских поселений и процесса расселения, крестьянского землепользования и феодального землевладения, миграции населения и колонизации новых земель невозможно без локализации сведений исторических источников на карте. Картографический метод успешно применяется в исторических исследованиях на протяжении десятков лет. При изучении аграрной истории он позволяет лучше понять процессы, происходящие на определенной территории с учетом природных особенностей данной местности, ее ландшафта, коммуникационных путей, торговых связей. Пространственная локализация позволяет определить не только границы сельского расселения, конкретных поселений и уездов, но и выявить бывшее размещение хозяйств на местности, выделить живущие и заброшенные земли, определить земледельческие и неземледельческие угодья, сделать вывод о дальнейших тенденциях развития отдельных хозяйств и всего региона.

Однако картографический метод в исторической науке долгое время использовался только для локализации определенных объектов, поскольку карта выступала в исторических исследованиях в роли иллюстративного материала к изысканиям ученых.

Среди новейших исследований с применением картографического метода можно выделить работы по исторической географии и социально-экономической истории. Тем не менее, применение картографического метода в исторических исследованиях имеет свои «плюсы» и «минусы». С одной стороны, составленные на основании сведений массовых источников с использованием современных компьютерных технологий, карты позволяют проследить определенную динамику развития конкретной территории, выявить количественные характеристики исследуемых процессов. А с другой стороны, исследователи, применяющие картографический метод на практике, не всегда могут дать должную качественную оценку выявленным явлениям. Это связано с тем, что исследователи в основном используют так называемый картировочный подход, основанный на таких операциях картографического исследования как фильтрация и районирование. Однако более эффективным стоит признать модельный подход, основанный на выделении картографических образов и построении определенных структур.

Применение картографического метода в исторических исследованиях по аграрной истории России во многом связано с привлечением массовых данных писцовых книг и материалов Экономических примечаний к Генеральному межеванию. В работе с этими историческими источниками также в первую очередь проводится фильтрация материала, картографическая информация размещается по определенным территориям, имеющиеся сведения совмещаются со сведениями источников позднего времени и, в конечном счете, анализируются полученные данные. Однако модельный подход позволяет созданной карте выступить уже не только в виде наглядного материала, который нередко ранее становился конечным продуктом исследования, а создать реконструированную модель рассматриваемого явления, содержащую историческую информацию пока в свернутом, латентном состоянии. Историческая карта в таком случае рассматривается как информационная модель объекта изучения. При этом любую картографическую информацию нужно воспринимать как текст, имеющий свою струк-

туру и поддающийся дешифровке. Модельный подход, применяемый автором данного исследования при работе с писцовыми книгами конца XV – второй половины XVI в. с помощью картографического метода, позволяет уделить большее внимание содержательным аспектам решаемой задачи, уйти от чисто технического составления карты и, в то же время, добиться того, чтобы карта служила не только иллюстрацией к историческому исследованию, но и была непосредственным средством исторического анализа. В таком случае карта становится своеобразным «ключом» расшифровки скрытой информации, представленной в источниках в свернутом виде, а применение картографического метода помогает извлечь новую информацию из, казалось бы, давно знакомых исторических источников.

А.В. Беляков (Рязань)

Статус земельных владений служилых Чингисидов в России XV–XVII вв. Интерпретация источников

В Русском государстве XV–XVII вв. оказалось значительное число татарских царей и царевичей (Чингисидов). За рассматриваемый период их насчитывается около 150 человек мужчин, женщин и детей. Уже фактом своего присутствия они повышали ранг московских государей как царя царей. К тому же вместе с Чингисидами зачастую выезжали значительные военные отряды. Практически сразу же встал вопрос об их материальном содержании на новой родине. Обширные поместья в качестве такого обеспечения зафиксированы за татарскими царями и царевичами во 2-й половине XVI–XVII вв. На протяжении XVII в. происходил также рост купленных Чингисидами вотчин. Однако для более раннего периода данная ситуация не типична.

Начиная с середины XV в. Чингисидам начинают жаловать города с уездами или же отдельные дворцовые волости. Постепенно среди них сложилась своя иерархия. Однако о статусе данных пожалований до настоящего времени единого мнения нет. Можно выделить несколько точек зрения на данную проблему. П.П. Смирнов разделял города-вотчины на два типа: находящиеся в частном обладании по

земле и в частном обладании на иных основаниях, то есть сводящихся к праву сбора на себя доходов без нарушения структуры землевладения в государевых городах. Автор относит города, жалуемые в удел (юрт) царям и царевичам, ко второму типу. Но он рассматривает их только как источник доходов, не затрагивая проблемы обладания городами как возможное условие содержания царевичами собственных военных отрядов. С.Б. Веселовский, А.А. Зимин и М.Н. Тихомиров подчеркивали промежуточность положения татарских городов между кормлением и вотчиной. Р.Г. Скрынников пошел еще дальше полагая, что пожизненный характер владений ханов и мирз придавал им некоторые сходства с поместьями. С.Н. Кистерев отмечает, что статус держаний Чингисидов значительно отличается от статуса обычных кормленщиков. При этом он признает сходство юридического положения их владений с поместьями исключительно внешним: и то, и другое было великокняжеским пожалованием. Поэтому Кистерев в принципиальных положениях не отличает прав служилых царей и царевичей от прав служилых князей Рюриковичей и Гедиминовичей (если не обращать внимания на вотчинный характер владений некоторых из числа последних). Другие исследователи (Б.Р. Рахимзянов, О.А. Шватченко) признают их наследственными вотчинами-уделами. По их мнению, в 1572–1595 г. они были ликвидированы, хотя земли за ними сохранили на поместном праве. Справедливости ради следует отметить, что в данном случае они говорят о Касимове и романовских мирзах Юсуповых и Кутумовых. Но это несколько не объясняет статус пожалованных городов и территорий.

Однако отдельно сохранившиеся документы (в первую очередь московско-рязанские договорные грамоты конца XV в. и шертная грамота казанского царя Абд ал-Латифа 1508 г., данная им при пожаловании его Юрьевом Польским), а также некоторые косвенные данные (в первую очередь документы конца XVI – начала XVII в. и писцовые материалы) позволяют нам частично решить поставленную проблему.

По нашему мнению, главным отличием мусульманских «кормленщиков» или «волостелей» от православных служилых князей было то, что первые на раннем этапе были только конечными по-

лучателями доходов с пожалованных территорий, а вся полнота управления находилась в руках лиц, назначаемых из Москвы. Максимум на что могли рассчитывать Чингисиды, это контроль за сбором доходов и, возможно, самостоятельный сбор натуральных и денежных средств с не православного населения, если таковое имелось в пожалованных уездах и волостях. Об этом, в частности, говорит упоминание даруг (чиновник отвечающий за сбор ясака) в Касимове XV в. Православные феодалы, испомещенные на данных территориях явно не находились под их юрисдикцией. При этом следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода происходит постепенное приравнивание земельных держаний служилых Чингисидов к поместным пожалованиям. К началу XVII в. данный процесс в целом завершился.

В.Н. Козляков (Рязань)

**«Уложение» о крестьянах царя Василия Шуйского
9 марта 1607 г.: XVII или XVIII век?**

Изучение «Уложения» о крестьянах царя Василия Шуйского 9 марта 1607 г. относится к числу «вечных» сюжетов в истории крестьянского вопроса в России. Как известно, «Уложение» было обнаружено и впервые подготовлено к печати В.Н. Татищевым. В нем содержатся нормы о сыске беглых крестьян, ставшие основой для формирования крепостного порядка. Историки, начиная с Н.М. Карамзина, давно зная о проблеме «татищевских известий», разделились в своих оценках этого документа. В.О. Ключевский с доверием относился к «Уложению» (за исключением введения), а С.Ф. Платонов и С.Б. Веселовский, напротив, считали весь его текст сомнительным, испорченным переписчиком, если вообще не сфальсифицированным. В советской историографии, в работах И.И. Смирнова, В.И. Корецкого и других авторов «Уложение» рассматривается как «один из важнейших источников для истории русского крестьянства», доказывавший «закрепостительные тенденции» во времена «крестьянской войны». У составителей академического издания «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.» (1987), «подлинность норматив-

ной части уложения» сомнений не вызывала. В недавнее время к изучению «Уложения» обратился В.А. Аракчеев (2005), считающий автором вводной части В.Н. Татищева (или его корреспондентов), а редактором документа в целом – «человека XVIII в.».

Знаменитая преамбула уложения о крестьянах 1607 года все же может быть отчасти «реабилитирована». Ее текст верно передает смысл и историю политики закрепощения крестьян, которые трудно было бы восстановить сто с лишним лет спустя без опоры на современные источники. В преамбуле к Уложению говорится, что в 1607 году решили «подправить» законодательство о крестьянах, чтобы ликвидировать последствия вынужденного разрешения крестьянского перехода в голодные годы при царе Борисе Годунове. Смущающее исследователей упоминание во введении «освященного собора и царского сигклита», объясняется обстоятельствами принятия Уложения вслед за чрезвычайной церемонией «прощением и разрешением» жителей Москвы от их клятвопреступления, когда снова усилилась роль и значение власти патриарха. В грамоте патриарха Гермогена 5 февраля 1607 года, которой он приглашал опального патриарха Иова в Москву говорилось: «царь... советовав со мною, богомолцем своим, и со всем освященным собором, и с бояры, и с околничими, и с дворяны, и с приказными людьми, и со всем своим царским *сигклитом*» (выделено мною – В.К.; см.: ААЭ. Т. 2. № 67. С. 149). Слово «синклит» в источниках конца XVI – начала XVII в. появлялось тогда, когда законодательные акты принимались совместно царем, боярами и церковным собором и непосредственно касалось дел церкви, поэтому оно не обязательно было поздней стилистической вставкой. Скорее всего, Уложение сохранилось в составе патриаршей грамоты в Чердынь (откуда В.Н. Татищев получил его текст) и касалось оно только «домовой вотчины» патриарха Гермогена, других церковных, а также дворцовых и черносошных владений. Так, в тексте Уложения 1607 года говорится: «А примут коего холопа или крестьянина, или женку в царевы и великого князя села или волости, или в черные волости, или в патриарши, и святительские, и монастырские села...» (см.: Законодательные акты Русского госу-

дарства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 57. С. 76). В.Н. Татищев, а вслед за ним и другие исследователи, стали рассматривать это «Уложение» как общерусское, а его нормы распространили вообще на все категории крестьян.

Уложение удачно вписывается в правительственную программу мер по отношению к мятежным «мужикам». С.Ф. Платонов писал об его «точном соответствии обстоятельствам той минуты, к которой оно приурочено». Возможно, что меры по упорядочиванию дел с вывозом крестьян в дворцовых, черносошных, патриарших и владычных землях были связаны со сбором посошной рати для борьбы с войском Ивана Болотникова в 1607 г.

З.В. Дмитриева, Н.В. Башнин (Санкт-Петербург)
**О миграции населения монастырских вотчин
до и после Соборного уложения 1649 г.**

Монастырская хозяйственная документация (вотчинные переписи, вытные, окладные, оброчные, крупяные и другие книги хозяйственного учета) в совокупности с писцовыми, дозорными и переписными книгами дает возможность определить масштабы и характер миграции монастырских крестьян.

Антропонимические исследования последнего десятилетия показали не только резкое сокращение численности населения России в первые десятилетия XVII в, но и значительную подвижность крестьян-тяглецов. В монастырских вотчинах в течение 10–15 лет состав дворохозяев менялся до 90% (О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, З.В. Дмитриева, М.С. Черкасова, Т.В. Сазонова). Это явление было характерно как для крупных монастырских вотчин (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского монастырей), так и небольших обителей (Спасо-Каменного, Кирилло-Новоезерского, Дионисиева-Глушицкого монастырей). Миграционные процессы в «смутное время» определялись внешними факторами и отсутствием действующего законодательства, ограничивавшего переходы крестьян и обеспечивавшего сыск и возвращение беглых. При этом необходимо учитывать, что на показатели численности переселенцев (рассчитанные на материалах государственных ка-

дастров) могли влиять не только политические и экономические причины, но и полнота сведений дозорных книг 1610-х гг. Их использование для изучения движения народонаселения возможно только после определения степени достоверности этих данных, в частности, путем сравнения показателей государственных и вотчинных описаний, в том числе монастырских хозяйственных книг.

Во второй половине XVII в., в период относительно стабильного развития Российского государства и роста численности населения, после принятия Соборного уложения 1649 г, провозгласившего бессрочный сыск беглых, крепость крестьян земле и организацию государственного сыска, миграционные процессы в некоторых регионах не только не сокращаются, но и приобретают особый размах. С 1670-х гг. начинается массовая колонизация и хозяйственное освоение значительных территорий на Юго-Востоке, Юге, Доне, Нижнем Поволжье, Заволжье, Урале и Сибири за счет оттока населения из регионов Поморья и из центральной полосы России (В.И. Шунков, А.А. Преображенский, Я.Е. Водарский, П.А. Колесников, А.И. Копанев, Н.А. Горская и др.).

Миграционные процессы в 1660–1680-е гг. выявлены и на материалах монастырских вотчин, в районах, освоенных еще в XV–XVI вв. (Е.Н. Бакланова, З.В. Дмитриева, Н.В. Башнин и др.). В конце XVII – начале XVIII в. в вотчинах Троице-Сергиева монастыря, по подсчетам М.С. Черкасовой, постоянное население составляло не более 30%, причем следов запустения нет, приток «новопорядных крестьян» объясняется только передвижениями крестьян внутри вотчины. Однако установление характера миграционных процессов требует сплошного изучения имен крестьян-дворохозяев и жителей мужского пола (женщины, за исключением вдов – глав семей, в государственных и вотчинных переписях не учитывались) на основе материалов двух или более горизонтальных хронологических срезов. Исследование такого типа на материалах крупных монастырских вотчин до сих пор не проведено. Сложившаяся историографическая ситуация объясняется сохранностью источников и объемом первичного материала (например, в 1678 г. за Троице-Сергиевым монастырем значилось более 73 тыс. человек м.п., за Кирилло-Белозерским монастырем – более 11 тыс. человек м.п.).

Характер миграционных процессов после Смуты выявлен на основе антропонимических исследований крестьянских имен, проведенных по материалам средних монастырей. Так, Т.В. Сазонова получила следующие показатели движения населения в вотчинах Кирилло-Новозерского монастыря: после писцового описания 1620-х гг. к 1636 г. дворы «старожильцев» или их детей и братьев составляли более 70%, с 1638 г. к 1646 г. – 27,4%, с 1649 г. к 1657 г. – 86%, вместе с тем число вновь поселившихся и «исчезнувших» дворохозяев с 1649 г. превысило 50 человек (за монастырем в Белозерском уезде в 1649 г. значилось 117 дворов, в 1657 г. – 128 дворов). По росписи крестьян вотчины Дионисиева-Глушицкого монастыря, проведенной Н.В. Башниным, с конца 1620-х гг. за 20 лет численность населения увеличилась на 20%, но только третья часть населения осталась жить в границах вотчины, с 1648 г. по 1678 г. при дальнейшем росте численности населения процент ушедших крестьян составил значительный показатель – 70. Из вотчин Спасо-Каменного монастыря с 1680 г. по 1700 г. «убежало» (ушло) более 200 крестьян с семьями, в 1701 г. за монастырем значилось 442 двора (подсчеты О.Н. Адаменко).

Итак, сравнительное изучение монастырской учетной документации, материалов государственных кадастров и переписных книг показало, что миграционные процессы на протяжении всего XVII в. были обусловлены двумя факторами: 1) движением населения внутри вотчины, заселением заброшенных в кризисные годы земель, выбором лучших для эксплуатации земель, что было следствием реализации права крестьянина владеть своим наделом, передавать его по наследству и даже другим крестьянам за определенную плату, оформляя передачу «позема» и тягла, порядной грамотой; 2) переменой места жительства и уходом за пределы вотчины в обход действовавшего законодательства. Причины этого явления следует искать как в экономической целесообразности миграции трудовых ресурсов (уходы крестьян не приводили к запустению обрабатываемых земель), так и в психологии насельников средних монастырей – вчерашних выходцев из крестьян.

И.Л. Манькова (Екатеринбург)

**Писцовая книга Верхотурского уезда 1621 г. –
новый источник по истории крестьянской колонизации
Западной Сибири**

История колонизации и крестьянского освоения Западной Сибири имеет обширную историографию (труды П.Н. Буцинского, Н.Н. Оглоблина, А.А. Дмитриева, С.В. Бахрушина, В.И. Шункова, А.А. Преображенского и др.). Благодаря своему географическому положению Верхотурский уезд сыграл особую роль в этом процессе. Через его территорию проходила главная государева дорога в Сибирь, именно с него началось создание земледельческой базы за Уральским хребтом.

Основание города Верхотурья в 1598 г. положило начало заселению бассейна р. Туры и ее притоков. Известно, что первое описание этой территории было проведено по царскому указу Ф. Таракановым в 1621 г., следующая дозорная книга была составлена в 1624 г. М. Тюхиным. До недавнего времени исследователи располагали лишь фрагментом (8 листов) книги 1621 г. (опубликована А.А. Дмитриевым в 1897 г.), поэтому для панорамной характеристики раннего этапа освоения Верхотурского уезда использовали только книгу 1624 г. В ней зафиксированы имена дворовладельцев, размеры собственной запашки, покосов, государевой десятинной пашни и оброка.

Недавно в фонде Верхотурской приказной избы (РГАДА) был обнаружен список писцовой книги 1621 г. В этой рукописи конца XVII – начала XVIII вв. – 100 листов, начало и конец утрачены. Она содержит подробные сведения о значительной части крестьянского населения Верхотурья и Верхотурского у. В писцовой книге 1621 г. зафиксировано 140 крестьянских дворов. 31 крестьянин имел дворы рядом со своими пашнями в уезде, а также в остроге Верхотурья, где жили наездом. Завершается рукопись перечнем имен 33 пашенных крестьян, которые были внесены Ф. Таракановым в писцовую книгу как недавно поселившиеся на реках Нейве и Реже с условием предоставления им льготных лет. На утраченных листах в конце рукописи должно было быть еще 14 имен этой группы крестьян.

Книга 1621 г. позволяет сделать ряд наблюдений о процессе заселения урало-сибирских земель на раннем этапе колонизации. В частности, определить географию происхождения первых поколений верхотурских крестьян. Наибольшее количество крестьян пришло из Прикамья, меньше – с Русского Севера, Вятки, Москвы. Не менее важно, что удастся проследить хронологию переселенческих волн. В первые годы освоения верхотурского района правительство пыталось централизованно решить проблему заселения новых земель, используя в т.ч. принудительные методы переселения. В 1598/99 г. из Москвы было прислано 13 человек, в основном это были ссыльные литовские выходцы. В 1599/1600 г. с Вятки было призвано 16 крестьян. Можно выделить также 1601/02 и 1617/18 гг. как годы массового прибора крестьян.

В условиях относительного многоземелья крестьяне владели сравнительно большими участками земли, зачастую несколькими. Это обусловило определенную свободу распоряжения крестьянами земельными угодьями. Распространенным явлением были покупки крестьянами земельных участков у вогулов и посадских людей. Были случаи заклада земли, сдачи на оброк другому крестьянину, земельных вкладов в монастыри и церкви, перепродажи земли. Единственной формой ренты была обработка государственной десятинной пашни. Оброк взимался только с мельниц, промысловая и торговая деятельность, покосы не облагались налогом. За торговые операции крестьяне платили пошлины в соответствии с общими таможенными правилами. Если в хозяйствах использовались половники, то за них крестьяне платили годовой оброк 1,5 руб.

До 1621 г. не получило распространения такое условие порядка, как предоставление льготных лет, но всем крестьянам давалась подмога из казны за обработку государственной десятинной пашни в пропорции 6 руб. за 1 десятину. Обычной для этого времени была практика передачи части надела государственной пашни между крестьянами. В таких случаях тот, кто отдавал землю, был обязан дать получавшему участок и денежную подмогу согласно установленной пропорции. Если вместо беглого крестьянина община находила желавшего обрабатывать брошенную государеву пашню, то подмога давалась порутчиками.

П.В. Чеченков (Нижний Новгород)

Д.А. Черненко (Вологда)

Документальные источники о нижегородском служилом «городе» и землевладении в первой половине XVII в.*

В выступлении речь пойдет об исследовании феномена служилого «города» XVII в. на примере отдельной городской корпорации с опорой на компьютерные методы. В основе лежит идея сопоставительного рассмотрения, с одной стороны, материалов валовых описаний, а, с другой – десятиен, разборных книг и другой учетной документации Разрядного приказа. Перспективность этого подхода неоднократно подчеркивалась в историографии. Однако выработка и практическая реализация этой оптимальной модели исследования служилого «города», главной структурной ячейки провинциального дворянства России XVII в., так и не осуществлена в полной мере.

В ходе исследования созданы персональные базы данных служилого «города» и землевладельцев Нижегородского уезда. Это позволило выявить состав, численность дворянской корпорации, обеспеченность земель, крестьянами, денежным жалованием. В общих чертах прослежена история землевладения.

Генетически нижегородское служилое сообщества восходят ко временам великого княжества Нижегородского (сер. – втор. пол. XIV в.). В основном формирование и структурирование корпорации происходило в период казанских войн конца XV в. И особенно середины XVI в., завершившись к концу XVI в. Ее численность в следующем столетии колебалась вокруг трехсот человек. Заметные снижения этого показателя наблюдаются в конце XVI в. и на рубеже второго-третьего десятилетий XVII в. В течение первой четверти XVII столетия определилось положение ведущих дворянских родов. Их влияние носило в основном местный характер. Они не отличались ни знатной генеалогией, ни постоянными связями с верхушкой государева двора. Однако внутри своей корпорации их статус отличался устойчивостью. Хорошо видна преем-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-00388а)

ственность нижегородской служилой элиты первой половины XVII в. с предыдущим столетием. Из пяти – шести родов, составивших ядро нижегородского «выбора», три известны нам по материалам периода противоборства с Казанским ханством.

Землевладение местного дворянства в первой половине XVII в. (как оно восстанавливается по материалам Поместного приказа) отличалось тремя характерными особенностями: 1) исключительной дробностью, выраженной в преобладании «жеребьевых» поместий; 2) превалированием поместий над вотчинами (примерно в пропорции 10 к 1), причем подавляющую часть последних составляли недавние пожалования (за службу «за царя Василия Ивановича»); 3) преобладание мелкого землевладения – почти у половины из служилых землевладельцев размер дачи не превышал 100 четей «в поле». Большинство владений вспахивалась лишь на четверть, основную часть земельных угодий составляли перелог и лесная поросль. Сведения о «пашне паханой» четко согласуются с количеством дворов зависимого населения во владении (коэффициент корреляции составил 0,9).

«Служилая география» землевладения в Нижегородском уезде в этот период была достаточно широка. Кроме нижегородцев, здесь было испомещено значительное число представителей таких «городов», как Казань, Цивильск, Чебоксары, Свияжск, Муром и некоторых других. Также здесь располагались поместья разного рода служилых иноземцев.

На структуру служилого землевладения в Нижегородском уезде огромное влияние оказал процесс раздачи дворцовых земель. В Нижегородском уезде он происходил, несколько запаздывая по сравнению с другими районами. Дворцовые земли, заселенные в основном финно-угорским населением, располагались к югу и юго-востоку от Нижнего Новгорода и центрального Березопольского стана за рекой Кудьмой. Большинство этих земель с селами и деревнями, пашней, обширными лесными, в том числе бортными угодьями отошли не нижегородцам, а представителям знатнейших фамилий Московского государства. Здесь стало преобладать крупное вотчинное землевладение. И лишь небольшое число нижегородцев получило здесь вотчины, в основном из своих же поместий, а не из близлежащих дворцовых земель.

Э.Л. Дубман (Самара)

**Источниковедческие аспекты изучения миграционных
и демографических процессов на территории
Южного Средневолжья в XVII в.**

За вторую половину XVII в. южные районы Среднего Поволжья превратились из пустынного пространства промыслов и кочевий в хорошо защищенные, покрытые сравнительно плотной сетью сельских поселений, территории. Сложились такие крупные уезды как Симбирский, Самарский, закамская часть Казанского и другие. Однако, процесс трансформации культурно-хозяйственного облика региона, социально-экономического и военно-административного включения его в состав России крайне слабо изучен в отечественной историографии. Работы Г.И. Перетятковича увидели свет почти полтора века назад. Других же столь полных и комплексных исследований так и не появилось. Причины такого ярко выраженного «невнимания» к ранней истории Южного Средневолжья лежат на поверхности. Делопроизводство приказа Казанского дворца, местных городских и уездных учреждений практически не сохранилось. Единственная возможность возместить лакуны источников состоит в планомерной, фронтальной работе по «прочесыванию» центральных и местных архивохранилищ. Пример показала деятельность членов губернских ученых архивных комиссий и их организационных преемников – краеведческих обществ. Ее результатом стало выявление и публикация пласта новых материалов. В последующем (начиная с 1930-х гг.) серьезные попытки продолжить подобную кропотливую работу предпринимались лишь спорадически. К сожалению, даже эта накопленная к настоящему времени источниковая база используется слабо и непродуктивно. В вузовских центрах Южного Средневолжья так и не сложилось школы исследователей, интересы которых концентрировались бы на вопросах колонизации и ранней истории региона.

Между тем, накопленные к настоящему времени материалы, позволяют получить ряд новых как обобщающих, так и конкретных выводов, связанных с колонизационными и миграционными процессами, протекавшими на территории региона в середине

XVII – начале XVIII вв. Приведем несколько примеров. При рассмотрении процесса освоения нового региона особую значимость приобретает выявление специфики формирования сети сельских поселений на его территории. Накануне строительства Симбирско-Карсунской линии такой сети практически не существовало. Данные строельных и приходо-расходных книг 1650–1660 гг. содержат сведения лишь о начальном этапе массового расселения. Материалы переписной книги Симбирского уезда 1678 г. позволяют установить местоположение и принадлежность более сотни селений, сложившихся на его территории в условиях действия законодательства о «заказных городах». И наконец, описание оброчных рыбных угодий начала XVIII в. свидетельствует уже о почти трехстах сельских поселениях. При этом появление новых после переписи селений (до 200) происходило в условиях фактической отмены вышеуказанного законодательства. Отметим, что ни переписные, ни книги оброчных статей, специально, для реконструкции колонизационных и миграционных процессов на территории данного региона, не изучались.

Детально рассмотреть складывание крупной феодальной земельной собственности в регионе, где господствовало мелкое и среднепоместное землевладение служилых людей, можно только при фронтальном изучении делопроизводства как государственных учреждений, так и коллекций отдельных корпоративных или частных предпринимателей. Примером такой реконструкции является исследование формирования собственности церковно-монастырских корпораций. Подобную методику можно использовать при изучении становления в регионе на рубеже XVII – XVIII вв. землевладения привилегированных светских собственников.

В завершение хотелось бы отметить, что в условиях подобно-го «источникового голода» особую значимость приобретает использование материалов двух центральных учреждений – Печатного приказа с его пошлинными и беспошлинными книгами и Генерального двора в с. Преображенском. Работа с коллекциями последнего позволяет не только уточнить параметры феодального землевладения, но и определить состав военных гарнизонов и слу-

жилых корпораций по тем городам и уездам региона, по которым таких данных практически не выявлено.

Таким образом, постулат о скудости источниковой базы для рассматриваемого региона остается в силе. Однако совершенно очевидно, что существуют вполне реальные возможности компенсировать имеющиеся лакуны.

Ю.А. Мизис (Тамбов)

Источники по государственному регулированию землевладения служилых людей на Юге Русского государства в XVII в.

Центральное Черноземье в XVII в. активно подвергалось русской колонизации. Основным ядром новопоселенцев становилось мелкое военно-служилое сословие, представлявшее на протяжении всего столетия главную опору государственной власти в регионе. Оно несло свою службу за землю, которая выделялась отдельным массивом на общину мелких служилых людей или в поместье. Все взаимоотношения по распределению земли и землепользованию контролировали представители государевой власти на местах в лице воевод. От их деятельности остался значительный комплекс источников, которые позволяют проследить все детали этих процессов.

Отдельным видом документов по истории развития земледелия на юге Русского государства являются различные книги, ответственность за оформление которых возлагалась на воевод. Это «строельные», писцовые, переписные, разборные, жалованные, смотренные книги, в которых подробно расписывалось «людность» населенных пунктов, с указанием земельных наделов, поместных земель, выделенных каждому землевладельцу.

«Строельные» книги содержат информацию по возведенным городовым и полевым укреплениям, количеству артиллерии, образованию новых поселений уезда, размерам выдачи земельных наделов переселенцам. Они сами присматривали удобные участки, затем списывались с приказной избой. При отсутствии конкурентов воевода выдавал новопоселенцам разрешение на заселение новой

территории. При столкновении интересов нескольких групп местные власти должны были решить вопрос в пользу одной из сторон. Данные источники составлялись подьячими под контролем воевод и содержали достаточно объективную информацию.

Переписные книги создавались во время очередных переписей податного населения (переписи 1646 и 1674 гг.). Писцовые книги составлялись комиссиями писцов, собиравшими с каждого владельцев дворов сказки с указанием численности мужского населения и размера земельного надела и угодий. Подробно расписывались все виды пахотных, сенокосных, пустопорожных лесных и других владений. Качество информации в таких материалах исследователи неоднократно подвергали критике, и она требует дополнительной проверки. По материалам этих источников видно, что переселенцы мигрировали в новые уезды из уже освоенных районов, соседних или близких, таких как Шацкий, Ряжский, Лебедянский и другие уезды. Они были хорошо осведомлены о хозяйственных возможностях колонизируемых территорий, так как бывали здесь ранее в связи со своей экономической деятельностью.

Отдельным видом источников являлись «сказки», т.е. записи тех или других разъяснений как местных чиновников, так и местных же служилых людей. Они не имели строгой формы и зачастую прилагались к челобитным. Так во многих южнорусских городах регулярно проводились сборы сказок служилых людей об их службах, которые становились важным справочным материалом для местных и центральных чиновников. В них содержалась информация о числе жителей поселений, размерах поместий и земельных пожалований за службу, хозяйственной деятельности. Сказки также требуют перепроверки по другим источникам.

Крупный комплекс архивных документов представляют правительственные распоряжения, в основном грамоты из приказов от царского имени, как правило в ответ на челобитные с мест. Сохранилась огромная переписка служилых людей с правительственными приказами по земельным спорам. Среди таких материалов часто встречаются просьбы о наделении или перераспределении земли. Спорные случаи с документальными обоснованиями пре-

тензий рассматривались дьяками Разрядного приказа или Приказа Большого двorca. Выполнение же принятых решений делегировалось указными грамотами местным властям.

Воеводы также проверяли правомерность жалоб, их соответствие принятым законодательным нормам или сложившимся традициям. Для этого воеводы заставляли подьячих воеводской избы контролировать имеющуюся документацию и осуществлять выезды на места спорных территории. Часто при этом проводился опрос свидетелей в лице соседей, старост или десятников и пятидесятников. Только после перепроверки всех данных воевода принимал окончательное решение об удовлетворении таких просьб и отсылал отписку в соответствующий приказ.

При наделении землями служилых людей, а затем в процессе хозяйственной практики возникали конфликты по поводу распределения наделов, их границ, непропорционального выделения угодий и т.п. Нередко в первой инстанции их рассматривал и решал воевода.

Именно эта документация служила основным справочным материалом для контроля за распределением земельных участков при принятии окончательного решения дьяка приказов. Воеводы стремились добросовестно выполнить решения московских властей, имея крайне ограниченные возможности для мздоимства в данной сфере. Так в руках воевод оказывался рычаг экономического воздействия на местные корпорации служилых людей. Это влияние, связанное с получением и распределением пахотных и иных земельных угодий, становилось особо значимым в ситуациях внутрикорпоративных (поземельных, служебных, иных) и более широких социальных конфликтов.

М.С. Черкасова (Вологда)

**Архиерейские окладные книги как источник
по землевладению и народонаселению в XVII в.***

При изучении аграрной и демографической истории России XVII в. до сих пор недостаточно использовались документы церковного происхождения, в частности, окладные книги архиерей-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 09-01-00228а).

ских кафедр. В них, как и в писцовых книгах, содержатся сведения о структуре феодального землевладения, сельском расселении и населении. При этом объектом описаний являлось низовое звено церковной организации – сельский приход, а в его рамках – «всякие жилецкие дворы», а иногда ещё и «венцы».

Целью составления окладных книг было обложение приходов церковной данью (она же десятина). Имея, как и писцовые, поволостной принцип описания, окладные книги в отличие от них отмечают в каждой волости один-два храма, «что на стану». Это, несомненно, отражало ранние контуры промыслово-земледельческого освоения Вологодчины, его опорные пункты, служившие целям государственного и церковного налогообложения. Первая известная нам окладная книга (1628 г.) возникла в казённом приказе владыки, должностными лицами которого являлись старец-казначей и казенный дьяк. Две последующие книги (1647/48 и 1674/75 гг.) составили владычные дети боярские в ходе непосредственного дозора или досмотра приходских храмов и их верстания. Последнее имело смысл раскладки или корректировки дани и других платежей (например, «соборной гривны дворецкого») в архиерейскую казну. В конце книги 1647/48 г. имеется собственноручная подпись архиепископа Маркелла.

Первичной документацией для окладных книг являлись письменные «сказки» сельских священников. Они фиксировали число дворов в приходах, размеры церковной пашни и сенокосов, причём раздельно в каждом из трех полей, что само по себе исключало формализм в их учёте, как то нередко случалось в писцовых книгах. Могли учитываться и устные свидетельства самих прихожан, «всяких околных» людей. Заметим, что весьма разнообразные сведения о церковном землевладении и землепользовании в окладных книгах приводятся за то время, когда в переписных книгах, в силу их сугубо подворного характера, подобные показатели вообще исчезают. Обращение к окладным книгам открывает перспективу сопоставления структур землевладения и динамики народонаселения не только с правительственным кадастром XVII в., но и вотчинными частями монастырских описных книг, которые ныне особенно активно разрабатываются и издаются.

В результате обработки двух окладных книг епархии была вычленена сопоставимая совокупность из 158 приходов Первой и Заозерской половины Вологодского у. Общее число приходских дворов в 1640-е гг. составило 11,7 тыс., а в 1670-е гг. – 14,3 тыс., что отразило несомненный демографический рост уезда (на 17%), фиксируемый также государственными переписными книгами и монастырскими описями первой и второй половины столетия. Сравнение итогов по волостям и отдельным приходам конкретизирует отмеченный рост: особенно впечатляющ он в Первой половине уезда в 12-ти приходах, очерчиваемых «Малютинским помещьем Скуратова» (в Авнеге, Шилегде, Сухонском поречье), Верхвологодской, Маслянской волостях. В Заозерской половине аналогичный процесс фиксируется в 12-ти приходах «княж Ивановской вотчины Пенкова». Заметна сильная неравномерность в распределении населения между приходами: например, в одной только Кубенской вол. были приходы, насчитывающие 19, 53, 72, 120 дворов. Если в 1640-е годы размеры 53% приходов не превышали 60 дворов, то в 1670-е годы их доля сократилась до 40%, при этом возросло число многодворных приходов (по 100–200 и свыше дворов). Правда, в западных районах епархии (Белозерье, Чаронда, часть Каргопольщины) 72% приходов и в 1670-е годы включали не более 60-ти дворов.

На монастырских землях устанавливается полное соответствие вотчинного комплекса крестьянской общине и церковному сообществу («приходные люди – то же монастырские вотчины их крестьяне»). Специального исследования требует установление владельческой и церковно-приходской соотнесенности на светских землях, учитывая внедрение в послесмутное время на Вологодчину многих сотен служилых людей и поместно-вотчинных форм собственности, подвергавшихся семейным разделам.

Отчетливо виден домениальный характер вологодских сёл и селец – и на монастырских, и на светских землях размещались только дворы церковного причта, приказчиков, разных категорий работников на господской пашне и в животноводстве. Крестьянские же и бобыльские дворы были расщеплены по деревням и

починкам данного прихода. Своё место в структуре расселения занимали малые сельские монастыри и пустыни. Фиксация их немногочисленной братии, мизерного по масштабам хозяйства представляет своего рода миниатюрные описные книги в составе архиерейских окладных книг.

Н.В. Соколова (Москва)

Крестьянская община сквозь призму «теории конфликта»: источниковедческий аспект (на материалах монастырской деревни Центра России XVII – середины XVIII в.)

Советской историографией конфликт в монастырской деревне XVII-XVIII вв. рассматривался как исключительно социально-экономический, обусловленный классовым антагонизмом или противоречиями, являвшимися результатом процессов расслоения в самом крестьянстве. Следствием данного обстоятельства было 1) игнорирование источников, которые в указанную парадигму не укладывались, 2) невольное преувеличение значимости документов, где «классовая борьба» просматривалась наиболее отчетливо. Как представляется, многие ранее не использованные источники могут быть убедительно интерпретированы, если взглянуть на них сквозь призму социологической теории конфликта. Теория конфликта оформилась в 50-60-х гг. XX в. (концепция «позитивно-функционального конфликта» Л. Козер, «конфликтная модель общества» Р. Дарендорфа, «общая теория конфликта» К. Боулдинга) как противовес доминировавшему тогда структурному функционализму, представители которого делали упор на стабильности и равновесии социальной системы и выносили конфликты за пределы социальной системы как нечто несвойственное для нее. В последующие десятилетия теория конфликта получила развитие также в работах Д. Белла, М. Крозье, А. Турена, Ю. Гальтунга и др.

Как представляется, конфликтная парадигма имеет право на существование в исследованиях о крестьянской общине хотя бы потому, что сама по себе дихотомия «конфликт-консенсус» – а

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

именно с консенсусом существует наиболее устойчивая коннотация понятия «община» – ранее не изучалась применительно к крестьянскому миру в монастырской деревне рассматриваемого времени. Автором была предпринята попытка верификации на материале монастырских архивов основополагающих тезисов теории конфликта о том, что конфликты являются продуктом внутренней жизни общества и перманентным состоянием социального организма, о стабилизирующей роли конфликта для социальной системы, а также идей Р. Дарендорфа о том, что в рамках всех социальных институтов основной конфликт касается распределения скорее власти и авторитета, а не капитала, и что именно отношения господства и подчинения приводят к возникновению антагонистических интересов.

В работе использованы крестьянские челобитные, монастырская переписка, приходно-расходные книги (мирские и монастырские), «счетные списки» по ним, мирские и третейские приговоры, приговоры соборных старцев, наказные памяти, правые грамоты, крестьянские «сказки», материалы демографического и хозяйственного характера – подворные переписи, раскладки тягла и пр. Информативность источников, имеющих в распоряжении исследователя, изучающего конфликт, в который община была в той или иной форме вовлечена, различна применительно к разным его типам. Однако, по мнению К. Боулдинга, все конфликты имеют общие закономерности развития, следовательно, любую конфликтную ситуацию можно рассматривать в соответствии с неким общим «планом», включающим как изучение её *объективного* содержания: 1) участников конфликта; 2) предмета конфликта; 3) объекта конфликта, каковым может быть материальная (ресурс), социальная (власть) или духовная (идея, норма, принцип) ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся обе стороны конфликта; наконец 4) микро- и макросреды, т.е. условий, в которых действуют участники; так и исследование *субъективных* составляющих – устремлений сторон, стратегии и тактики их поведения, а также их восприятия конфликтной ситуации, иными словами тех информационных моделей конфликта, которые имеются

у каждой из сторон и в соответствии с которыми оппоненты организуют свое поведение в конфликте. Подобный подход позволяет не только разработать типологию конфликтов, в основе которой может лежать как выделение «субъектов» конфликта, так и классификация с точки зрения «объекта» конфликтного взаимодействия, но и выработать соответствующие принципы систематизации данных, извлеченных из самых разнообразных источников. Наиболее универсальными источниками должны быть признаны крестьянские челобитные и монастырская переписка, в которых находят отражение как межличностные конфликты, межгрупповые конфликты внутри общины или конфликты с внешней средой, так и конфликты разнообразные по объекту конфликтного взаимодействия – «экономические», «статусные», «ценностные». Следует отметить значимость приходно-расходных книг в качестве источника относительно «массовых» и однотипных свидетельств о некоторых разновидностях межкрестьянских конфликтов (в частности, связанных с перепашкой межи, свозом сена или потравами), что делает возможной оценку их абсолютной и относительной частоты. Важным итогом уже проделанной источниковедческой работы является установленная причинно-следственная связь между конфликтом и последовавшим после и вследствие него усложнением системы мирской документации и делопроизводства.

В целом источники наглядно иллюстрируют «обыденность» конфликта как такового в деревенской жизни. В ряде случаев удастся не только восстановить механизмы разрешения конфликтов, но и через текстологический анализ зафиксировать привычность, «рутинность» самой этой процедуры для её участников. Выявлены достаточно полные документальные комплексы по истории отдельной крестьянской общины, которые свидетельствуют о положительном влиянии конфликта на общую ситуацию в данном крестьянском сообществе, причём переход подспудного противостояния в активную фазу нередко оказывался выгоден не только крестьянам, но – в долгосрочной перспективе – и землевладельцу, т.к. позволял предотвратить дальнейшее обнищание непосредственных производителей, массовое сложение общинниками вытгного тягла «в мир» и побег.

А.Г. Иванов (Йошкар-Ола)

**Переписные книги и ревизские сказки
о размерах ясачных платежей общин марийских крестьян
первой четверти XVIII века**

Вопрос о достоверности и информативности данных переписных книг и ревизских сказок как документов фискально-податного и учетного характера применительно к различным регионам и социально-этническим группам российского крестьянства не потерял своей значимости.

Применительно к ясачному марийскому крестьянству региона Среднего Поволжья материалы ясачных переписей 1704, 1710, 1712 гг., ландратских книг 1716–1717 гг., ревизских сказок 1719–1723 гг. (РГАДА, ф. 350 – Ландратские книги и ревизские сказки), позволяют утверждать, что институт общинной самоорганизации земледельческого населения решающим образом влиял на полноту и достоверность сведений, подаваемых властям выборными сотниками, старостами, пятидесятниками, десятниками и рядовыми марийскими людьми. Подлинность своих показаний крестьянские должностные лица подтверждали марийской языческой клятвой «по своей вере и по шерти», что было равносильно присутствию приходского священника у православных русских крестьян.

Частичная неполнота и некоторая недостоверность данных о количестве ясачных дворов и численности ревизских душ были обусловлены стремлением сохранить жизнеспособность крестьянской семьи, что было характерно для всех категорий крестьян («утаивание» тяглых дворов, малолетних, престарелых, увечных, беглых, других ясачных людей и душ мужского пола). Однако эта погрешность не искажает общую картину и тенденцию демографических процессов в марийской деревне.

Наиболее полные и достоверные сведения переписные книги и ревизские сказки отразили о размерах ясачных платежей первой четверти XVIII века. Петровские преобразования, потребовавшие крайнего напряжения людских, материальных и финансовых ресурсов, сопровождались невиданным ростом государственных податей и повинностей податных сословий, в том числе ясачных

марийских крестьян. Резко увеличился объем денежных и хлебных ясачных платежей, были введены новые виды денежных сборов и рекрутчина, чрезмерно возросли тяжесть отработочных повинностей и трудовые мобилизации. Ландратские книги и ревизские сказки во всей полноте отразили рост ясачных платежей. При этом в различных уездах с марийским населением наблюдался дифференцированный размер ясака.

Ясачные марийские крестьяне Царевококшайского уезда в 1723 г. платили с каждого ясака по 6 руб. 10 алтын. Им же приходилось платить ясак «за свою черемису, которые померли и бежали», да вносить в казну «ржи по осьмине, муки по 2 четверти, овса по четверти» с ясака в год. В том же году ясачные марийцы Козьмодемьянского уезда всех видов сборов с каждого ясака ежегодно выплачивали по 14 руб. и хлеба по 2 четверти, ржи по осьмине, по 2 четверти овса. При этом ясачные платежи между различными крестьянскими общинами были неравномерными. Внутри Акпарсовой, Аказиной, Кобяшевой, Токсубаевой сотен и Тохпаевой, Яньгитовой пятидесятен 14 деревень-общин платили с каждого ясака по 9 руб., 20 марийских общин – по 11,5 руб., 8 – по 12 руб., 2 – по 12,5 руб., а 26 крестьянских общин – по 14 руб.

В целом, «пополнительные сказки» свидетельствуют о том, что ясачные марийцы разных общин и уездов Казанской губернии в 1722–1723 гг. платили в казну с 1 ясака от 6 руб. 30 коп. до 14 руб. Хлебные платежи составляли 2 четверти муки, 1 осьмину ржи и 2 четверти овса с каждого ясака. Сравнительно с 1697 г. денежная выплата увеличилась в 7–9 раз, а хлебная – в 2 раза. По сравнению с концом XVII века реально денежная часть ясака в первой четверти XVIII века с учетом обесценивания денег возросла примерно в 4 раза.

С.В. Черников (Липецк)

**Материалы подушных переписей Ингерманландии
1730–1760-х гг. как источник по землевладению
правлящей элиты России**

Данные ревизского учета достаточно прочно вошли в историческую литературу в качестве одного из важнейших источников

по демографии и землевладению России. Однако научно-познавательный потенциал этих материалов далеко не исчерпан.

Мы обработали материалы трех переписей по Ингерманландии (Санкт-Петербургский, Шлиссельбургский, Ямбургский, Копорский уу.): гвардии майора И. Шипова, а также II и III ревизий. Самыми крупными вотчинниками этого региона (более 1000 душ м.п.) в начале 1730-х гг. были Апраксины, Минихи; по II ревизии – Апраксины, Голицыны, Разумовские, Скавронские; по III – Апраксины, Вульфы, Жеребцовы, Мусины-Пушкины, Орловы, Разумовские, Салтыковы, Скавронские, Шереметевы, Шуваловы.

Вполне очевидно, что состав землевладельцев и распределение собственности на указанной территории напрямую зависели от изменений, происходивших во властной верхушке страны. Мы рассчитали коэффициенты линейной корреляции (r) между рядами данных, которые характеризуют размеры душевладения той или иной фамилии в Ингерманландии. Статистический анализ позволил сделать ряд важных выводов. Как оказалось, родовая структура собственности Петербургского региона 1730–1760-х гг. обладала крайне низкой стабильностью (r 0,2) даже по сравнению с активно заселяемыми уездами Черноземья. Это говорит о быстром обновлении правящего слоя и высокой зависимости благосостояния чиновной верхушки России от воли монарха. Развитие вотчинного фонда тех родов, которые имели своих представителей в Боярской Думе XVI–XVII вв. («думные фамилии»), отличалось большей предсказуемостью (r 0,65). Крупные состояния, традиции службы на высших государственных постах, брачные и патронажные связи внутри политической элиты, родство с представителями царствующего дома давали этим фамилиям существенное преимущество перед «новичками», пробившимися к власти только в XVIII веке.

Отметим, что при Анне Иоанновне структура землевладения изменилась гораздо меньше, чем в царствование Елизаветы Петровны (по всей совокупности вотчинников r 0,70 и 0,46; по «думным фамилиям» r 0,87 и 0,56, соответственно). Кроме того, именно в 1740–50-х гг. на территории Ингерманландии происходит сниже-

ние доли собственности, принадлежавшей «думным фамилиям». Так, если по данным переписи И. Шипова они владели 43% крепостных, по II ревизии – 39%, то по III – лишь 24%. Наибольшей устойчивостью отличалось землевладение тех родов, которые достигли думных чинов при Софье Алексеевне. В этот период в состав Думы вошли Апраксины, Головкины, Мусины-Пушкины и ряд других фамилий, составивших ближайшее окружение Петра I, а во время земельных раздач начала XVIII в. эта группа пользовалась несомненным приоритетом.

Анализ состава и имущественной обеспеченности высшего чиновного слоя страны показывает принципиальную ненадежность положения большинства представителей элиты в этот период. Незрелость сословных структур, «фрагментированность» российского общества и отсутствие четких границ между социальными группами давали верховной власти значительную свободу при формировании правящего слоя России. Несмотря на принятие Табели о рангах, которая провозглашала приоритет рациональных европейских принципов чиновничества, место служилого человека в обществе и государстве по-прежнему зависело от традиционных, патриархальных критериев: «личных взаимоотношений» с монархом, а также родственных и патронажных связей внутри элиты.

Ю.Н. Смирнов (Самара)

**Архивные материалы о крестьянском заселении
и аграрном освоении юго-востока Европейской России
во второй трети XVIII – середине XIX в.**

С 1730-х гг. началось превращение практически безлюдных пространств на юго-востоке Европейской России в важнейший земледельческий регион с многочисленным крестьянским населением. Через 120 лет в исторически короткий срок этот процесс в основном завершился, что отразилось в создании обширной завожской Самарской губернии (1851) в таком же статусе «внутренней губернии Империи», как и издавна обжитые территории центра России.

Изучение истории освоения этого края стало возможным благодаря выявлению значительного массива источников. Более 120

фондов, содержащих документальные источники по теме, обнаружены в столичных и областных архивах. Они включают документы самого разного содержания: законодательство и акты, деловую переписку и судопроизводство, анкеты, переписи и т.д.

Разнородность административной принадлежности рассматриваемой территории не способствовала скоплению документальных материалов в архиве какой-нибудь области. Этот период истории вообще недостаточно представлен в архивохранилищах губернских центров юго-востока Европейской России: Самары, Оренбурга, Ульяновска (Симбирска), Саратова, часто страдавших от пожаров и по другим причинам. Данное обстоятельство вынуждает обращаться к источникам, отложившимся в фондах центральных архивов страны – РГАДА, РГВИА и ГАРФ в Москве; РГИА и Научного архива РГО в Санкт-Петербурге, а также в рукописных отделах библиотек: РГБ, РНБ, БАН.

Источники по освоению новых земель в XVIII в. сохранились, прежде всего, в РГАДА. Здесь имеются фонды и дела ряда местных и временных учреждений, органов управления казенными, дворцовыми и церковными имуществами, которые действовали на заволжских территориях в пору их первоначального заселения, а также материалы первых трех ревизий. В фонде Сената особый интерес вызывают включения документов Оренбургской экспедиции, Башкирской комиссии, Следственной комиссии по делу В.Н. Татищева. Схожие источники имеются и в областном архиве Оренбурга, а дополнительные сведения, относящиеся к пограничным войскам юго-востока России, содержатся в РГВИА.

Источники, датируемые второй половиной XVIII в., в разных центральных и местных архивохранилищах представлены более широко. Наряду с делами казенных, дворцовых и прочих учреждений своим значением выделяются фонды крупных землевладельцев Орловых и Орловых-Давыдовых, Паниных и Салтыковых, других помещиков. Исключительную ценность имеют межевые дела и Экономические примечания к Генеральному и другим межеваниям.

Для первой половины XIX в. даже затруднительно перечислить все материалы, относящиеся к Заволжью, которые разбросаны

ны по архивам в фондах многочисленных центральных и местных органов власти. Переселенческое движение наиболее полно представлено в РГИА делами тех ведомств, которые непосредственно несли ответственность за его регулирование и поддержку, а именно Министерства финансов и Министерства государственных имуществ.

Кроме архивов органов государственного управления сохранились фонды научных обществ и учреждений (Вольного экономического и Русского географического общества, Военно-Ученого архива и губернских ученых архивных комиссий), где содержится ученая переписка, рукописи трудов, статистические сведения и прочие материалы. Не менее интересны личные фонды. Некоторые, принадлежавшие ученым и любителям старины (П.И. Кеппену, М.П. Погодину и т.д.), напоминают по составу архивы научных обществ. Другие связаны с именами литераторов и одновременно заволжских помещиков Г.Р. Державина, К.Д. Кавелина, Н.И. Второва и проч. Третьи относятся к служившим в изучаемом крае видным государственным деятелям В.А. Обручеву, В.А. Перовскому и др. Наконец, в разных архивных и библиотечных собраниях имеется ценный графический материал по нашей теме, в т.ч. рукописные карты, схемы и чертежи.

Архивные источники составили прочную основу для изучения заселения и освоения юго-востока Европейской России. Опыт работы с ними представлен в опубликованных работах, но потенциал их использования далеко не исчерпан.

В.А. Иванов (Калуга)

Формулярные (послужные) списки как источник сведений о землевладении местной дворянской бюрократии России в предреформенное время

Одним из важнейших факторов, определявших реалии служебной практики выходцев из дворянского сословия в структурах власти, было их имущественное положение, и в первую очередь, обладание крепостными (до реформы 1861 г.) и землей.

В последние десятилетия для изучения имущественного ценза разных групп российской бюрократии, истории широко привле-

кают такую разновидность массовой служебной документации, как формулярные (послужные) списки.

Необходимость строгого документирования сведений об имущественном положении должностного лица, состоявшего на гражданской службе («сколько имеет за собою мужеска пола душ людей <и> крестьян и в которых уездах»), предусматривалась уже первой формой послужного списка, введенной указом Правительствующего Сената от 31 января 1764 г. В последующий период состав этой информации конкретизировался и расширялся. Сенатским указом от 13 июля 1827 г. графа послужного списка об имущественном положении разделялась на четыре подграфы, в которые требовалось вносить сведения о наличии родового и приобретенного имения у самого чиновника, его родителей и жены, с указанием губернии и уезда, а также фабрики, заводы, ненаселенные земли (количество десятин), каменные и деревянные дома, с обозначением места их нахождения. Фиксация этой информации в таком же объеме предусматривалось и формуляром 1849 г., завершившем в основном складывание структуры служебного документа. Следует заметить, что в формуляр заносились сведения не только о владельцах, но и о совладельцах имения (нераздельное владение чиновника с матерью, отцом, сестрой, братом). При этом законодатель строжайше требовал от делопроизводителей вносить в формуляр точные и полные данные о родовом и приобретенном имении каждого чиновника.

Как видим, формуляр послужного списка предполагал внесение в него подробной и достоверной информации об имущественном цензе чиновников.

В данном сообщении предполагается изложить некоторые предварительные итоги источниковедческого анализа (представительность, полнота, достоверность) содержащейся в формулярных списках информации о душевладении потомственных дворян, состоявших на гражданской службе в губернских органах управления России в середине XIX в. Объектом исследования выступает созданная база массовых данных, извлеченных из нескольких сотен формулярных списков чиновников и канцелярских служите-

лей присутственных местах Московской и Калужской губерний, выявленных в центральном (РГИА) и местных (ЦИАМ, ГАКО) архивах страны.

Л.М. Артамонова (Самара)

**Записи устных преданий как ценные дополнения
к письменным источникам по истории
крестьянской миграции XVIII века в Заволжье**

Историко-топонимические предания об основании старинных селений вызывают интерес в свете расширения источниковой базы исследования миграционных и колонизационных процессов. Продуктивность их использования была показана при изучении лесостепного и степного Заволжья, т.е. территории на левобережье Волги от Закамья на севере до Прикаспия на юге и Приуралья на востоке, чье земледельческое освоение началось в XVIII в. Кроме выявления устных источников, потребовалась их сверка с документами. Собственно историческая достоверность преданий, если не брать в расчет их этнографическую, лингвистическую и фольклорную ценность, не может быть выявлена из них самих, а выясняется только в сопоставлении с письменными памятниками.

Устный источник становится важным дополнением к письменному при передаче бытовых деталей и имен первопоселенцев, объяснении топонимов и уточнении датировки, выявлении иных подробностей перехода на новые земли. Особенно убедительные результаты дает сравнение преданий с ревизскими сказками и наказами крестьян в Уложенную комиссию, материалами делопроизводства и судопроизводства, записками путешественников. При этом в каждом конкретном случае требуется учет как обстоятельств появления документов, так и условий бытования устной традиции, тщательное их сопоставление.

В настоящее время изучаемая устная традиция практически пресеклась и сохранилась только в виде записей прежде бытовавших рассказов. Сгруппировать предания можно по времени и обстоятельствам фиксации, а также по развернутости изложения. Наиболее ранние записи XIX – начала XX вв. встречаются в лето-

писях местных храмов и приходов, в периодических изданиях, статистических и справочных трудах. Более поздние, что были собраны в советское время, частично опубликованы, частично сохранились в экспедиционных отчетах. Записи могут иметь форму припоминания конкретных фактов, связанных с происхождением селения, его названия и окружающих топонимов. Однако рассказчик мог оформить предание как развернутое фабульное повествование с героическим, назидательным или бытовым сюжетом. Более исторически достоверными представляются предания 1) более ранние по времени записи; 2) зафиксированные людьми, что живут в описанных местах или тесно связаны с последними, а потому лучше знающими устную традицию, чем даже профессиональные исследователи, приезжавшие сюда ненадолго; 3) не вплетенные в ткань сложного по композиции рассказа.

Уже в XIX – начале XX вв. заметна была разница в достоверности преданий, зафиксированных в селениях, где имелись старинные документы на владение землей, и в селениях, где таковых не было. К последним относились бывшие помещичьи, монастырские, дворцовые владения, где дела о землевладении хранились не у крестьян, а у хозяев и управляющих. После утраты в советские годы земельных документов даже там, где они имелись, в записях преданий стало больше легендарных мотивов сомнительной исторической ценности.

Из этнических групп, осваивавших Заволжье, самый интересный корпус устных источников оставило чувашское население бассейна Черемшана, Сока, Самары и их притоков. Это связано с его принадлежностью исключительно к государственным крестьянам, чья устная традиция особенно долго и прочно опиралась на документы, хранящиеся в общинах и храмах. Кроме того, наказы в Уложенную комиссию представлены как раз от государственных крестьян, и в архивах сохранились, как правило, именно их ревизские сказки, что дает возможность сопоставления разных источников. Взаимодополняющие и уточняющие друг друга сведения устных и письменных источников заметно обогащают знания о заселении новых территорий в XVIII в.

А.И. Акманов (Уфа)

Документы Генерального межевания земель Оренбургской губернии – важный источник по социально-экономической истории Южного Урала первой половины XIX в.

В Российском государственном архиве древних актов хранятся материалы Генерального межевания земель в Российской империи. В них содержатся сведения по всему спектру аграрных отношений как по стране в целом, так и в ее регионах со второй половины XVIII до середины XIX в. Довольно содержательным является фонд Оренбургской межевой конторы, которая функционировала с 1798 по 1842 гг.

Весьма ценными для исследования истории региона представляют хранящиеся в этом фонде спорные дела. В них дана информация относительно практического межевания и оформления документации для владельцев или государственных учреждений, рассматриваются аргументы сторон с использованием различных правовых актов.

Среди спорных дел находятся тексты полевых записок землемеров, которые велись при межевании. Здесь содержатся извещения, направленные землемерами к населению, а также тексты клятвы поверенных людей от владельцев дач. Основное место в полевых записках занимают отчеты землемеров о движении их команд по периметру границ дачи. В записках указывались природно-географические ориентиры этих рубежей, фиксировались углы поворота границ и длина магистральных линий границ в верстах и саженьях. Полевые записки завершались подписями поверенных и понятых, присутствовавших при межевании. В некоторых спорных делах как приложение к полевым запискам приводятся планы соответствующих дач.

В этом же фонде находятся следственные дела по разбору конфликтных ситуаций, возникших по вине межевщиков: случаи нарушения землемерами принципов работы, самоуправства, отводов казенных угодий к частным владельцам.

Представляет интерес фонд «Планы дач Генерального межевания». В нем собраны специальные планы по дачам, генераль-

ные уездные планы и уездные атласы. Имеющаяся в этом же фонде Генеральная губернская карта в масштабе 1 дюйм 16 верстам позволяет четко представить границы уездов губернии.

Следует отметить, что землемеры составляли очень важный документ – межевую книгу дачи, которая выдавалась владельцам. В ней содержалось подробное письменное описание границ дачи с указанием площади дачи, характеристикой межевых знаков.

Большой интерес вызывают документы фонда «Экономических примечаний» к планам Генерального межевания земель. Они представляют собой составленные чиновниками межевых контор в 20 гг. XIX в. социально-экономические характеристики дач на основе сведений землемерных команд. В них содержится скрупулезное описание природно-климатических условий, флоры, фауны, земельных владений, этнической и социальной структуры, хозяйства населения каждой дачи. На основе их анализа можно воссоздать хозяйственный облик сел, дворянских поместий, заводов, социально-экономического положения различных групп населения не только дач, но уезда и губернии в целом. Эти материалы представлены в виде таблиц, где указаны порядковый номер дачи по уездному атласу, ее название и владелец (владельцы), площадь в десятинах, численность населения.

Важным компонентом «Экономических примечаний» являются краткие таблицы, которые содержат сведения о числе крепостей, заводов, сел, городов, численность населения по сословиям, структуре земельных владений по уездам и губернии.

Таким образом, документы Генерального межевания по Оренбургской губернии позволяют представить порядок организации земельных измерений, уровень социально-экономического развития обширного южноуральского региона в первой половине XIX века.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ II СЕКЦИИ
Вторая половина XIX – начало XX в.

В.Н. Ратушняк (Краснодар)

**Вклад П.Н. Зырянова в изучение
русской пореформенной общины**

Трудно, пожалуй, назвать еще такую проблему, которая вызывала бы столь животрепещущий и не ослабевающий интерес историков-аграрников как эволюция русской пореформенной общины. Среди тех, кто внес существенный вклад в ее разработку был П.Н. Зырянов. Свою первую научную работу, посвященную крестьянскому «миру» пореформенной России, он вынес на обсуждение такого квалифицированного научного сообщества как XIII сессия межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, которая проходила в г. Каунасе в сентябре 1971 г. Через три года он выступил с темой об обычном праве в пореформенной общине на XV сессии аграрного симпозиума в Вологде. Затем последовали его обобщающие публикации в ж. «История СССР», «Исторических записках», за рубежом. Завершающим аккордом, подводившим итоги многолетних изысканий в этом направлении, стало издание его фундаментальной монографии «Крестьянская община Европейской России 1907 – 1914 гг.» (М. 1992), защищенной в качестве докторской диссертации в Институте российской истории РАН. В ней автор высказал немало оригинальных суждений, которые нередко опровергали устоявшиеся и, казалось бы, незыблемые научные постулаты. Известно, что в советской историографии община предреволюционной России представлялась как весьма устаревший реликт, лежавший на пути аграрного прогресса страны. На обширном фактическом материале П.Н. Зырянов показал, что русская крестьянская община – очень сложное и многомерное явление, не исчерпываемое такими понятиями как «архаизм» и «пережиток». Так, чересполосица, которая представлялась во всех учебных пособиях как безуслов-

ное зло, оказывается имела свои положительные стороны и служила задачам жизнеобеспечения крестьянской семьи. Впервые в нашей литературе исследователь отметил различие в эволюции пореформенной общины черноземных и нечерноземных губерний. Во-первых, она постепенно утрачивала свои земельно-распределительные функции, во-вторых, даже усиливала их, вмешиваясь в сам процесс регулирования сельскохозяйственного производства. Однако господствующее положение в Европейской России по-прежнему сохраняла традиционная трехпольно-передельная общинная организация. В отличие от известных суждений о том, что земельные переделы тормозили развитие крестьянского хозяйства, Н.П. Зырянов сделал удачную попытку показать, что они к началу XX в. достигли настолько развитых форм, что внесли своеобразную лепту в земледельческую культуру крестьянства. В то же время переделы стали необычной формой протеста крестьян-общинников против уничтожения той организации, с которой они генетически были связаны всей своей предшествующей историей.

Община, как отметил П.Н. Зырянов, представляла собой чрезвычайно сложный общественный организм, не столь четко разделенный на классовые перегородки, как это нередко рисовалось марксистской историографией. Не последнее слово в общине играло размежевание крестьян на «стародушников» и «новодушников». Там же, где капиталистические формы организации хозяйства достигли определенных успехов, как это было, например, в ростовском огородном районе Ярославской губернии, казалось бы традиционная община действовала совсем не традиционно, следя за интенсивностью использования каждого участка, запрещая крестьянам сдавать землю в аренду, сгоняя с надела тех, кто не мог по-современному вести свое полевое хозяйство.

По-новому взглянул П.Н. Зырянов на ряд казалось бы незыблемых и устоявшихся научных выводов нашей аграрно-экономической историографии. В частности на положение о том, что из общины выходили главным образом представители крайних групп – богатые и бедные. Между тем, как показал исследователь, среди покидавших общину были в основном бедные домохозяева. Выразил он и сомне-

ния в правомерности вывода С.М. Дубровского, Г.А. Герасименко и др. о том, что столыпинская реформа проводилась в интересах «сельских капиталистов». По мнению П.Н. Зырянова, против этого вывода «работает» прежде всего принятое Временное дополнение к основному указу о воспрещении в пределах одного уезда сосредотачивать в одних руках более шести душевых наделов.

На богатом статистическом материале П.Н. Зырянов дал картину земельных переделов в Европейской России за 1913–1914 гг., обнаружил живучесть общины несмотря на настойчивое желание властей ее ликвидировать. Он показал сопротивление крестьянского «мира» разрушению общины за счет частичного восстановления ее земельного фонда с помощью покупок земли, переходя к многопольным севооборотам и предпринимательской деятельности.

Эти и другие научные наблюдения могут восприниматься по-разному, но, несомненно, одно – они значительно обогатили палитру отечественного общиноведения.

И.Н. Слепнев (Москва)

Источники по аграрной истории в трудах А.М. Анфимова

А.М. Анфимов написал десятки работ фундаментального характера. В числе наиболее значительных – монография о крупном помещицком хозяйстве (1969) и комплекс из двух монографий о крестьянском хозяйстве, вышедших в первой половине 1980-х гг. Последняя монография, в которой он фактически подвел итоги своей исследовательской работы, вышла посмертно в 2002 г. Вероятно, биографический фактор в значительной мере обусловил неутолимую жажду познания и неутомимость в весьма непростой и трудоемкой работе с источниками по социально-экономической истории России, легших в основу исследований А.М. Анфимова. В его личной судьбе, выходца из крестьянской среды, нашли преломление события Первой мировой и гражданской войн, трагические страницы истории советского крестьянства периода коллективизации. Начало расцвета творчества А.М. Анфимова пришлось на период демократической «оттепели» в истории советского общества. И конечно же, в отношении Андрея Матвеевича к работе с

источниками и в сделанных на основе их изучения выводах отразились личностные черты, свойственные поколению историков-фронтовиков, прошедших Великую Отечественную войну: честность, рыцарское отношение к науке, неподверженность влияниям текущей политической конъюнктуры.

Фундаментальность и успех исследовательской работы А.М. Анфимова обеспечивался комплексным, системным подходом к использованию источников. В ходе исследований он опирался на законодательные источники, прослеживая по материалам архивных фондов и процесс подготовки тех или иных законодательных актов. По свидетельству ленинградского архивиста Э.С. Паиной, в 1960-х гг. Анфимов был одним из немногих исследователей в стране, обращавшихся к архивам по аграрной истории. Особенно широко использовались им материалы государственной и земской статистики, труды и оценки современников, пресса исследуемого периода. И сегодня его работы могут служить примером применения классической методики исследования в области аграрной истории. Путем сводки данных из разных источников, экстраполяции и приведения их к сопоставимым значениям А.М. Анфимов создал блестящие образцы адаптации трудносопоставимых, разнородных источников к нуждам и потребностям историко-аграрных исследований.

Примером комплексного использования Анфимовым статистических публикаций, трудов и свидетельств современников может служить разработанный им сюжет о роли принудительного вовлечения крестьянства в товарно-денежные отношения, связанный с известной дискуссией начала 1960-х годов о мелкотоварном укладе. Введя в научный оборот данные статистики телесных наказаний в отношении крестьян – неплательщиков налогов, вместе с тем А.М. Анфимов подробно описал факторы «насильственной товаризации» (осенние продажи хлеба по заниженной цене с целью выплаты налогов, программирующие последующую покупку весной по более высокой цене, а также сопутствовавшую ей зимнюю наемку на основе минимальной заработной платы). В этой связи обращает внимание приводимое Анфимовым высказывание товарища министра финансов Ф.Г. Тернера о том, что нигде в цивилизованных странах налоги не

выбивались с применением физических наказаний. Важность и актуальность этих наработок А.М. Анфимова подчеркивает распространение в современной историографии упрощенного мнения о свободе вступления российского крестьянства в рыночные отношения.

Характерной чертой обращения А.М. Анфимова с источниками было критическое отношение к ним и тщательная их проверка. Как правило, обращение к статистике подразумевало пересчет итогов. Благодаря присущей ему особой тщательности и скрупулезности А.М. Анфимов фактически проникал в творческую лабораторию дореволюционных статистиков и, по-видимому, уже во многом интуитивно замечал пробелы и ошибки в опубликованных ими статистических данных. Благодаря этому А.М. Анфимову удалось скорректировать ряд ошибок дореволюционных статистических публикаций. Безусловно, это обстоятельство необходимо учитывать современным исследователям при новом обращении к источникам по аграрной истории.

Вместе с тем, вполне сознавая недостатки и слабые места дореволюционной статистики, А.М. Анфимов считал оправданным использование этого вида источников, справедливо заметив, что других данных у нас нет. Результатом тесного сотрудничества с одним из «последних могикан» дореволюционной российской статистики И.Ф. Макаровым стало издание статистики землевладения в России в 1906–1914 гг. Обширный опыт его работы с документально-статистическим материалом нашел отражение при подготовке и редактировании совместно с А.П. Корелиным известного справочника «Россия. 1913 год».

Значителен вклад А.М. Анфимова в серийную публикацию документов о крестьянском движении в России, которая и сегодня востребована в среде историков. Под его редакцией вышел сборник о крестьянском движении в 1914–1917 гг. В 1998 г. был издан сборник с документами за 1901–1904 гг., завершивший «дружининскую» серию и хронологически положивший начало публикации концептуально сформулированной В.П. Даниловым и Т. Шаниным другой крупной документальной серии – «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.».

Работы А.М. Анфимова о крестьянском и помещичьем хозяйстве носят всеохватывающий, энциклопедичный характер и без учета его достижений и всего комплекса привлеченных к анализу источников невозможно полноценное развитие аграрно-исторической науки.

Л.И. Земцов (Липецк)

**Решения волостных судов как источник
по истории крестьянства 60–70-х гг. XIX в.**

Многие проблемы истории крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. нуждаются в источниках, которые бы с наибольшей полнотой отразили те новые подходы, которые формируются в современной исторической науке. Обратим внимание на решения крестьянского волостного суда, существовавшего, во всех разрядах крестьянства, с 1861 по 1917 гг. В соответствии с законами (1861, 1889, 1912 гг.) постановления суда фиксировались в специальных книгах, которые сохранились, с большей или меньшей полнотой, во многих провинциальных архивах.

Решения волостных судей, основывавшиеся на устном обычном праве, отражали основополагающие установки крестьянства. Привлечение полной совокупности протоколов суда за определенный хронологический отрезок позволяет не только рассмотреть обычное право на материале конкретного общественного института, но и выяснить механизмы реального действия крестьянского суда, взаимодействие органов, составляющих крестьянское самоуправление, некоторые стороны мирской и хозяйственной жизни местного населения. Они дают основание выяснить динамику основных ценностей крестьянского населения Центра России.

Перемены в содержании «норм» устного права могут служить основанием для выводов об их приспособлении к формирующимся рыночным отношениям (процессу модернизации страны), о правомерности тех или иных реформаторских действий власти.

Расположение этого типа источника на междисциплинарном стыке истории, истории права, этнологии позволит глубже понять жизнь русского крестьянина пореформенного времени, оценить

распространенность тех или иных юридических обычаев, норм его поведения в реформирующейся России.

Информативность решений волостных судов значительно выше, чем можно предположить, исходя из требований соответствующих статей закона 1861 г., и их содержание позволяет обратить внимание на важные моменты истории крестьянства.

Так, например, общим местом в литературе второй половины XIX в., да и современной российской, является утверждение об ущемлении крестьянской общиной хозяйственной свободы домохозяина. Но, во-первых, для большинства крестьянства коллективные требования общины (мира) являлись необходимой мерой. Их необходимо принимать во внимание, даже при критической оценке исследователями. Во-вторых, как это показывают материалы волостных судов, наиболее активные крестьяне уже в 60–70-е гг. XIX в. обращались в крестьянский суд для решения «по справедливости» целого ряда вопросов жизни, в том числе – земельного и, даже, с жалобой на сельский сход.

Решение споров и тяжб, осуждение проступков крестьянским судом отчетливо демонстрирует формирование условий для становления новой системы отношений в деревне.

Изживание таких способов решения споров и тяжб, как божба или «грех пополам», появление с начала 1870-х гг. письменных расписок взамен устного обязательства и требование «бумажного факта» судом, рост количества жалоб, связанных с защитой достоинства личности, резкое уменьшение числа наказаний розгами – все это свидетельствует о малозаметных, но важных процессах в великорусской деревне пореформенного периода.

Отметим еще один возможный подход к содержательной стороне совокупности решений волостных судов. Эти протоколы есть один из редчайших массовых источников для рассмотрения вопроса, который оказался в центре внимания общественно-политической мысли России с 30-х гг. XIX в. – о самобытности русского исторического процесса, связанного со спецификой духовных ценностей крестьянского населения страны. Традиционные заявления о последних обычно опираются на общие представления со-

временников, ориентировавшихся на более или менее продолжительные контакты барина с крестьянином. Решения волостных судов с большой полнотой отразили поиск и народное воплощение мирских представлений о «правде» (и истине, и справедливости) в переложении на обыденные жизненные ситуации – в них прямо говорит и поступает сам русский крестьянин.

Н.М. Александров (Ярославль)

**Земельная перепись 1877–1878 гг. как источник
по изучению земельных реформ 60-х гг. XIX в.
(на материалах Верхнего Поволжья)**

Аграрные реформы, проведенные в 60-х гг. XIX в., являются основным элементом «Великих реформ», преобразовавших Россию, и долгие годы находятся под пристальным вниманием исследователей. Одним из наиболее обсуждаемых является вопрос: как далеко пошла власть по пути преобразований для достижения социально-экономического компромисса в России?

В ходе реализации реформ 1861, 1863 и 1866 годов земельные наделы помещичьих, удельных и государственных крестьян, как правило, оказались меньше необходимых для нормальной хозяйственной деятельности. Интересно выяснить, насколько было возможно увеличение крестьянских наделов при проведении реформ.

Источником для исследования данного вопроса могут служить материалы земельной переписи 1877–1878 гг. Сведения, содержащиеся в этом обследовании, широко используются историками, а сама перепись не раз была предметом специального источниковедческого анализа. В то же время ее данные содержат информацию, не заложенную напрямую в ее программу и поэтому часто остающуюся вне поля зрения специалистов.

Нами были проанализированы сведения о распределении земли, содержащиеся в выпуске, посвященном так называемой Московской промышленной области и относящиеся к губерниям Верхнего Поволжья: Владимирской, Костромской и Ярославской (Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881.).

На основе исследованных материалов было выявлено соотношение величины земельного фонда у разных групп собственников (помещиков, Удела, Казны) и размера предоставленного крестьянам душевого надела. Данные статистики показывают, что к моменту переписи помещики все еще сохраняли за собой значительную часть земельного фонда. Из соотношения помещичьих и крестьянских наделных земель в губерниях Верхнего Поволжья следует, что, во-первых, размер душевых наделов был прямо пропорционален величине помещичьей земельной собственности, т.е. крестьяне получили наибольший земельный надел там, где за помещиками осталось больше земли; во-вторых, во время проведения реформы душевые наделы могли быть значительно увеличены: средний душевой надел во Владимирской губернии составлял 3,6 дес., в Ярославской – 3,8 дес., в Костромской – 4,9 дес.

Наделы удельных и государственных крестьян так же были больше в районах, где эти ведомства располагали наибольшим земельным фондом. Кроме того, анализ землевладения показал, что в ряде уездов региона наделы удельных крестьян были меньше, чем помещичьих (как известно, в целом по России наблюдалась противоположная картина). Следует отметить, что в некоторых местностях встречалось отступление и от другой «общероссийской нормы»: превышение размеров надела удельных крестьян в сравнении с наделом государственных крестьян. Более того, в отдельных территориях из-за отсутствия у данных ведомств земли удельные и государственные крестьяне получили наделы меньше, чем крестьяне помещичьи.

Итак, материалы земельной переписи 1877–1878 г. показывают, что взвешенная оценка реформ, проводимых правительством Александра II, возможна лишь при детальном исследовании состояния земельного фонда на уровне отдельных местностей. Процесс наделения крестьян землей имел общую закономерность: где больше земли сохранил за собой бывший владелец, там размеры крестьянских наделов были наибольшими.

При этом реформа 1861 г. (когда напрямую затрагивались интересы дворян) могла быть проведена более радикально, т.к. запас

помещичьих земель позволял сделать это: за помещиками были сохранены значительные земли, вследствие чего и крестьянские наделы могли быть увеличены.

Реформы 1863 и 1866 годов проводились правительством более твердо. Для решения земельного вопроса в удельной и государственной деревне часто были полностью задействованы местные земельные ресурсы. К крестьянам отошли все прилегающие к их поселениям земли. Но даже это не помогло обеспечить их достаточным количеством земли. В этих случаях правительство ничего большего не могло сделать для улучшения земельной обеспеченности крестьян. Решение вопроса было возможно только путем переселения крестьян на новые территории, что на данном этапе аграрного реформирования не входило в планы правительства.

А.А. Севастьянова (Рязань)

**Крестьянские антропологические характеристики
по метрическим источникам рязанской и вятской округ
конца XVIII – начала XX вв.**

Примеры исследований исчезнувшей культуры повседневности крестьянского мира российских регионов, успешно состоявшие несколько десятилетий назад, связаны либо с этнографическими материалами, либо с памятниками крестьянского творчества (книжно-рукописной культуры, кодексами старообрядцев, записями песенного творчества, фольклора и т.д.).

Между тем существует источник, ресурсы которого все еще мало востребованы историками для культурных, демографических и антропонимических характеристик российского крестьянского мира, – это метрические книги и родственные им по происхождению источники: исповедные росписи и ревизские сказки. Конкретные наблюдения над историческими источниками такого рода рассматриваются в настоящем сообщении.

Генеалогические материалы содержат не только непосредственные данные о рожденных, умерших, вступивших в брак, прошедших причастие, учтенных ревизией людях. Есть в них и другая, ретроспективно-богатая информация, которая может быть ис-

пользована для историко-культурных или демографических характеристик крестьянского мира. Материалом рассмотрения в настоящей работе стали:

– архивный комплекс метрических книг и исповедных росписей сельской церкви приходских сел двух уездов Вятской губернии за время с 1779 по 1919 годы;

– архивный комплекс метрических книг одной из сельских церквей Сасовского (в некоторые годы – Елатомского) уезда Рязанской (в некоторые годы – Тамбовской) губернии за время с 1812 по 1900 годы;

– подборка метрических книг и материалов ревизий 5 сельских церквей Рязанского уезда Рязанской губернии за время с 1756 по 1908 годы, хранящихся в Государственном архиве Рязанской области.

Крестьяне изучавшихся приходов двух чрезвычайно удаленных друг от друга губерний принадлежали по своему статусу к разным категориям зависимого (до 1861 г.) или податного населения. Первое наблюдение, связанное с этим, отразилось и содержится в родовом «прозвании». Крестьянские семьи вятских починков, расположенных по реке Воя, были *государственными* (и, следовательно, очень рано имели родовые прозвания-фамилии, ставшие затем официальными фамилиями). Рязанские «казенные» крестьяне свои официальные фамилии получили заметно позднее вятских. Вплоть до середины XIX в. фамилии иногда взаимозаменились «уличными» прозваниями, то есть принятыми только внутри крестьянского микромира. Изредка они попадают в качестве «родовых» в официальные записи метрических книг.

В прозваниях рязанских «казенных» крестьян всегда присутствовали «патронимы», то есть часть имени собственного по отцу, будущая твердая фамилия. Иначе обстояло дело у *крепостных* крестьян северных земель Рязанской губернии и уезда, приходов сел Бусаево, Верея, отчасти Екшур и Барснево. Даже после отмены крепостного права в 1861 г. вплоть до конца 1870-х, а в отдельных случаях – и в начале 1880-х годов – священники записывали крестьян без фамильной части имени, что можно объяснить

продолжительной жизнью и служения в одной местности одного и того же священника. Пожилой священник, переживший недавнюю отмену крепостничества, не мог быстро принять новые правила записи применительно к крестьянам, которых он хорошо знал, и поэтому записывал их по-старому.

Отметим еще одну антропонимическую особенность: бытование в крестьянской среде редких имен. Их носители были настолько заметны в деревенской повседневности, что редкое имя и после смерти «хозяина» употреблялось в уличных прозваниях членов семьи, потомков, связанных с ними объектов и предметов. Так, редкое для рязанского крестьянина, родившегося в 1810 г., имя «Владимир», лишь однажды встреченное в изучавшихся метрических записях, употреблялось потом долгие годы в селе при обозначении его родственников: «Володины», «Владимировы»; и в уличных обозначениях – «Володин конец», «Володина улица», «Володин колодец».

Метрические книги могут стать превосходным источником, при условии хорошей их сохранности и комплектности, по демографии. Материалы рассматриваемых источников содержат важные сведения о причинах смертности в сельской местности и прежде всего от эпидемий, голода и недоедания, высока была детская смертность. Годы эпидемий холеры, скарлатины, кори, дизентерии в конкретной местности легко прослеживаются по записям метрических книг. Отметим, что по этим источникам можно не только получить конкретные периоды и годы таких бедствий в российской провинции, но и проследить, как на истории отдельного рода скажутся взрослая или детская смертность через одно-два поколения. Показатели рождаемости для местности и прихода становятся очень выразительны в годы Первой мировой войны и сразу после нее. Резкий спад записей о родившихся в 1914–1915 годах, продолжался, фактически, до 1917 года.

Записи о свидетелях в метрических книгах помогают восстанавливать историю и генеалогию семейных кланов. К семейно-родственно-брачным обычаям и традиции относится, в частности, следующее сделанное наблюдение. Анализ венчальных записей

вятских крестьян позволяет увидеть укоренившийся на Вятке-Вое порядок выдавать дочерей замуж в 20–23 года и даже в 25 лет, а сыновей – в 18–20 лет, в то время как средний возраст брачующихся по рязанским материалам совсем другой: 16–19 лет для невест, 18–20 лет для женихов. Замеченное различие в брачном возрасте может говорить о большем значении «женской рабочей силы» в вятском крае и, соответственно, меньшее – в рязанском. Этот и многие другие вопросы можно исследовать на основе анализа информации метрических книг и связанных с ними источников.

В.Б. Безгин (Тамбов)

Сход в повседневности русского села конца XIX века (на материалах Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева)

Документы фонда Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева Российского этнографического музея ещё недостаточно востребованы и изучены специалистами по отечественной истории. Корреспонденции жителей села, присланные в качестве ответов на вопросы программы этнографического исследования, содержат информацию о различных сторонах сельской повседневности конца XIX века.

Методика сбора информации и ее систематизация стали добротной основой для сопоставительного анализа, выяснения тенденций и обобщения событий крестьянской повседневности. Так, в ходе работы над материалом было установлено социальная принадлежность большинства информаторов, а также расположение населенных пунктов, являвшихся местом сбора сведений. В исследуемых источниках содержатся ценные сведения, раскрывающие состояние и содержание перемен в общинном укладе русского села конца XIX в.

Не закон, а обычаи и традиции играли в практике сходов ведущую роль. Обыкновенно на сход от каждой семьи приходило одно лицо, и многодушные дворы не пользовались предоставленным им законом правом посылать нескольких представителей. Безземельные крестьяне, а также лица, выкупившие свои участки с фактическим выделом из мирской земли, или совсем устранились от участия в сходах или пользовались на них правом голоса только по делам, не касающимся землепользования. Крестьяне, находящиеся под след-

ствием или судом, а также отданные по судебному решению под надзор общества, по закону были лишены права участвовать в сходе, на деле же часто на них допускались наравне с другими.

Участие в сходе крестьяне воспринимали не только как свое право, но и как обязанность. Селяне сознавали, что именно от них зависит решение принципиально важных вопросов жизнедеятельности общины. Из свидетельств очевидцев следует, что на сходах крестьяне держали себя вольно, если нет начальства, ругались, и непозволительные слова здесь были не редкость. На постороннего жителя, не знакомого с жизнью деревни, сходы производили впечатление случайно собравшейся толпы. Сами же крестьяне отлично разбирались в шуме и сутолоке и не могли себе представить, чтобы обсуждение дел миром могло бы происходить иначе.

Работой сельского схода руководил староста. Он открывал сходку, выносил вопросы для обсуждения и предлагал решения. Уважением и влиянием на сходе пользовались зажиточные, хозяйственные крестьяне. В деревне ценили тех, кто своим трудом, сметкой, рачительностью достиг жизненного успеха. Прислушивались на сходе и к мнению грамотных, образованных односельчан.

В историографии сложилось исключительно негативное мнение о роли «мироедов» в сельском самоуправлении. Такая оценка – следствие одностороннего подхода. Исследователи, указывая на факты использования «мироедами» своего положения в корыстных целях, не принимали в расчет их роль в функционировании общинного механизма. А она выражалась в том, что они, будучи людьми пожилыми, являлись носителями деревенских традиций и знатоками правовых обычаев села.

Сельский сход являлся традиционной формой крестьянского самоуправления. Характер решения повседневных вопросов деревенской жизни позволял наиболее полно учитывать интересы и нужды членов сельской общины. Это не исключало возможностей влияния на решения схода со стороны зажиточной части села, а также представителей власти. Порядок обсуждения и принятия решений на сходе давал возможность сохранять приоритет коллективных интересов.

Перемены в жизни села на рубеже XIX–XX веков коснулись и его общественного устройства. Нет, это не привело к отказу от традиции деревенского самоуправления, но состав сельских сходов претерпел изменения. Сельский сход значительно «помолодел» в результате процесса семейных разделов. По мере ослабления патриархальных устоев, выхода на сельскую арену нового поколения крестьян, не знавших крепостнических порядков, влияние деревенских патриархов на решения, принимаемые сходом, заметно поубавилось.

М.Д. Карпачев (Воронеж)

Земские исследования как источник по истории аграрных отношений в России конца XIX – начала XX в.

В конце XIX в. земские учреждения многих губерний России приступили к активному изучению экономического положения крестьянских и частновладельческих хозяйств. Главной причиной развития земских исследований стало обострение аграрного вопроса, причем особую остроту получила проблема «оскудения Черноземного центра России». Выдающимся организатором работ по изучению экономического положения деревни стал Ф.А. Щербина, два десятилетия (с 1884 по 1903 г.) стоявший во главе статистического бюро Воронежского губернского земства. Разработанные Щербиной и его коллегами методики сбора объективной информации оказались продуктивными: опубликованные в Воронеже статистические сборники (более 60) содержали достоверные сведения о реальном положении крестьянских и частновладельческих хозяйств. При этом выведение средних показателей землепользования, урожайности, доходности и эффективности сельской экономики являлось не слабостью, а достоинством статистических исследований воронежских земцев. Они не скрывали имущественного расслоения крестьянства, но при этом позволяли раскрыть определяющие тенденции в экономике и социальных отношениях в губернии.

Особую ценность имели публикации данных о крестьянских бюджетах, об источниках доходов и статьях расходов крестьянских хозяйств. Собранные воронежскими исследователями мате-

риалы убедительно показывали неизбежность низкой доходности земледелия при росте избыточности аграрного населения. Даже в богатой черноземами Воронежской губернии чистая доходность общинных крестьянских полей не превышала 5–10 рублей. Крестьянская бюджетная статистика содержала также надежную информацию о доле прямых и косвенных налогов в расходах крестьянских семей. Эти материалы свидетельствовали об умеренности прямых налогов, их доля в расходах крестьян, как правило, не превышала 10–15%. Рост недоимок в черноземной деревне объяснялся не тяжестью налогового бремени, а целым рядом других причин, низкой товарностью и доходностью общинного земледелия в первую очередь. Земские источники убедительно свидетельствовали, что архаичная структура российского общества, наиболее ярким проявлением которой являлось нараставшее аграрное перенаселение, являлась главным препятствием на пути экономического и социального развития русской деревни на рубеже XIX–XX вв.

Проведение столыпинской аграрной политики на местах было активно поддержано земскими специалистами. После указа 9 ноября 1906 г. сбор достоверной информации о протекавших в сельском хозяйстве процессах резко усилился. В ежегодные сельскохозяйственные обзоры губернии попадала тщательно отобранная и проверенная информация о посевах и урожаях продовольственных и фуражных культур, о движении цен, о мобилизации земельной собственности. Наряду с материалами землеустроительных комиссий данные земских статистиков являлись важным компонентом официальных отчетов губернаторов о социально-экономических итогах очередного года. Качество таких отчетов сомнений не вызывало; все основные цифровые показатели отражали результаты трудов как правительственных, так и независимых общественных экспертов.

Новым видом источников в годы столыпинской реформы следует признать отклики крестьян о приватизации надельной земли и землеустройстве. Такие отклики систематически собирались земскими агрономами. Особо следует отметить тех из них, которые ру-

ководили ознакомительными поездками общинников в районы с преобладанием подворного крестьянского землевладения. Составление крестьянами письменных отзывов о результатах осмотра культурных хозяйств чехов или немцев было обязательным условием участия в таких поездках. Сами же отклики составлялись по специально разработанным агрономами планам и с достаточной полнотой освещали отношение крестьян к организации товарного производства, к передовым технологиям обработки земли, сбора и переработки урожая, продуктов животноводства.

Содержание разнотипных источников позволяет констатировать наличие в русской деревне начала XX в. перспектив социального оздоровления, особенно на региональном уровне.

С.В. Беспалов (Москва)

«Записки» представителей дворянства как источник по аграрной истории России конца XIX – начала XX в.

К началу XX столетия наличие масштабного кризиса в аграрном секторе экономики России (в особенности её Центрально-Европейских губерний) становилось очевидным не только для оппозиционеров – либералов, неонародников, социалистов – но и для всё более значительного числа представителей российского дворянства, которое власть справедливо считала своей важнейшей социальной и политической опорой. Анализ многочисленных «Записок» и отчётов, направлявшихся на Высочайшее имя, руководителям ряда ведомств, председателям «Особых совещаний», а впоследствии и в Совет объединённого дворянства, позволяет утверждать, что как представители поместного дворянства, так и чиновники различного уровня стремились привлечь внимание высшей власти и лично Императора к этой проблеме и побудить их скорректировать экономическую и социальную политику во избежание дальнейшего обострения ситуации в российской деревне и в стране в целом.

Вполне естественно, что наиболее часто подобные суждения высказывались в 1905–1907 гг., когда значительная часть дворянства была охвачена паническими настроениями. Однако и в пред-

шествующее Первой российской революции десятилетие регулярно со стороны дворян раздавались призывы к власти задуматься о политических последствиях обострения аграрного кризиса и подвергнуть проводимую аграрную политику существенному пересмотру. При этом, однако, единства мнений в рядах дворянства не было. Если значительная часть представителей «первенствующего сословия» основной угрозой считала оскудение крестьянства и призывала власть предпринять комплекс как собственно экономических мероприятий, способных исправить ситуацию, так и реформ, призванных изменить правовой статус большинства населения страны, то другие считали основной проблемой критическое положение многих частновладельческих хозяйств и – главное – резкое сокращение масштабов помещичьего землевладения, что приводило, в свою очередь, к снижению политической и административной роли дворянства на местном (и не только) уровне.

Материалы направлявшихся во властные структуры в конце 1890-х – середине 1900-х гг. дворянских «записок» позволяют нам с уверенностью утверждать, что на рубеже XIX–XX вв. наличие в аграрном секторе российской экономики кризисных явлений осознавалось большинством представителей дворянства, причём как чиновниками различного уровня, так и крупными и средними землевладельцами. Многие из них приходили к выводу о том, что правительственная аграрная политика ведёт скорее к обострению кризиса, чем к его преодолению. Наконец, всё более явными для представителей дворянства становились не только сугубо экономические, но и возможные социально-политические последствия углубления кризиса правительственной аграрной политики, который они считали предпосылкой возможного масштабного политического кризиса в стране или даже революции. Однако, осознавая остроту ситуации и получая достаточно информации о масштабе проблемы, власти тем не менее вплоть до осени 1906 г. так и не решились приступить к кардинальному реформированию аграрных отношений.

В выступлении анализируются, в частности, «записки» Самарского губернатора А.С. Брянчанинова; управляющего Черниговской казённой палатой А.Н. Рождественского; Областного войска донско-

го предводителя дворянства В.И. Денисова; Камышинского уездного предводителя дворянства гр. Д.А. Олсуфьева; Гайсинского уездного предводителя дворянства Завойко; известных дворянских деятелей К.Ф. Головина и Г.А. Шечкова.

М.И. Роднов (Уфа)

Латентная информация сельскохозяйственных переписей конца XIX – начала XX в.

Изучение аграрной истории в немалой степени зависит от избранного масштаба исследования. Опыт собственных изысканий показывает, что для получения достоверных итогов губерния и даже уезд являются слишком крупной единицей измерения, они объединяют различающиеся территории и социально-экономические группы крестьянства, что влияет на результат и нередко сильно искажает его. Получить максимально точные данные позволяет обращение к первоисточнику – подворным карточкам сельскохозяйственных (земских и всероссийских) переписей. Опыт работы с этим источником приводит к выводу, что в качестве высшей единицы измерения лучше использовать волость, по волостным границам можно восстановить, к примеру, расположение качественно отличных социально-экономических «зон».

Обработка подворных карточек требует очень большого времени и трудовых усилий. Но сам источник открывает колоссальные возможности для познания российского крестьянства, позволяет собрать информацию по самому широкому кругу вопросов – от экономики до демографии, от этнического состава населения до выделения произвольно определённых историком групп жителей (духовенства, зажиточных слоёв или других).

Существует предубеждение, что подворные карточки плохо сохранились в архивах. На сегодняшний момент никто не собирал эту информацию, но мои отрывочные изыскания говорят о другом. Наряду с архивами, где до наших дней дошли лишь краткие итоги (Пермь, Оренбург), во многих городах имеются обширные коллекции. Так, в Самаре находятся первичные и итоговые данные по сельскохозяйственным переписям 1900, 1916, 1917 гг., материалы пе-

реписи 1912 г., а также подворные и поквартирные карточки городской переписи 1917 г. В вологодском архиве есть материалы переписей 1916 и 1917 гг., в том числе по самой Вологде, а по отдельным волостям документы обследований 1872, 1899, 1914 гг. В Казани сохранились подворные карточки земской переписи 1900–1901 гг., городской переписи 1917 г. В архиве Ярославля хранятся переписные листы всероссийской переписи 1897 г., подворные карточки местных обследований 1909–1910 гг. и др., сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., а также городской переписи 1917 г. Губернская коллекция подворных карточек переписи 1917 г. имеется в Пензе. Есть информация о наличии подобных коллекций и в других городах.

В 1980–1990-е гг. мною обработаны подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1917 г. по пяти из шести уездов Уфимской губернии (свыше 400 тыс. штук, без Мензелинского уезда). В Уфе имеются также пообщинные бланки, карточки городской переписи 1917 г. Сопоставление с другими источниками показывает очень высокую степень достоверности данных (сохранность по деревням в пределах 90–95%), пропуски немногочисленны, случаи отказов крестьян – менее пяти деревень на губернию. По итогам работы в уфимском архиве карточки переписи 1917 г. рассортированы по селениям и сейчас активно используются при генеалогических и краеведческих изысканиях, чего нет ни в одном архиве России. Недавно мною обработаны подворные карточки переписи 1920 г. по Белебеевскому уезду (свыше 100 тыс. штук). В результате выяснилась совершенно новая картина этнического состава населения края. В ходе переписи, проведённой Временным правительством, крестьянство не испытывало административного давления и свободно определяло свою национальную принадлежность.

Главное достоинство подворных карточек – в них до нас дошли ответы самих крестьян (домохозяев), а частые случаи исправлений показывают реальную свободу респондента. Но и подворные карточки требуют критического анализа. Во-первых, часть информации, которую требовалось получать от информатора, на самом деле статистики брали из поволостных книг (данные по землевладению). Во-вто-

рых, выборочное по нескольким волостям изучение почерков показало неодновременность записей. С карточкой нередко «работали» несколько переписчиков. И дежурно-обязательные сведения (село, община, сословие, национальность) заносились статистиками, ради ускорения процесса переписи, со слов не домохозяина, а представителя низовой администрации. То есть часть информации представляет собой точку зрения местных элит, а не самих крестьян, что влияет, например, на данные по этническому составу населения. Вообще сравнение земских и общегосударственных переписей показывает наличие двух типов переписей: «медленных» и «быстрых». В первом случае статистик имел время для длительной беседы, тщательного опроса домохозяина, во втором – нужно было спешить, что прямо влияло на характер и точность информации. Большое значение имели программа самой переписи, квалификация и убеждения переписного аппарата, региональные различия.

В целом, первичный материал земских и всероссийских переписей используется в современной науке недопустимо слабо, а это колоссальные массивы уникальных источников, которые позволят получить реальную картину положения российского крестьянства на рубеже XIX–XX вв.

В.Н. Никулин (Калининград)

Крестьянские промыслы конца XIX в. в «Материалах по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии» (к вопросу об информационном потенциале массовых источников)

«Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии» относятся к массовым источникам по истории крестьянства, они содержат многочисленные данные о тех или иных сторонах или чертах крестьянского хозяйства и о положении крестьян. Однотипность содержащейся в издании информации повышает его ценность. «Материалы...» были опубликованы в 17 выпусках и разделены на три части. Выпуски 1–8 содержат материал о крестьянском хозяйстве по всем уездам Петербургской губернии. Каждому уезду посвящен отдельный

выпуск. Во второй части издания – с 9 по 16 выпуски – помещены материалы о состоянии дел в частновладельческих хозяйствах, преимущественно, дворянских. Как и в первой части, по каждому уезду подготовлен отдельный выпуск. И, наконец, третья часть представляет собой отдельный 17-й выпуск, в котором сведены общие губернские данные по частновладельческим хозяйствам.

Фактическую базу данных издания составили материалы подворной переписи 1882–1883 гг., дополненные исследованиями, проведенными в 1885–1887 гг. Перепись 1882–1883 гг. была проведена в границах всей губернии одновременно. Это дает возможность сводить поуездные итоги. «Материалы...» содержат как цифровые данные, характеризующие различные параметры крестьянских промыслов, так и краткие к ним описательного характера комментарии авторов. Текстовый материал изложен по единой программе, что позволяет сопоставить данные по различным уездам губернии. В проведении переписи и подготовке материалов к публикации активную роль сыграли известные губернские статистики В. Яковенко, Н. Дроздов и С. Южаков. Так, земский статистик Н. Дроздов, готовивший выпуск по Лужскому уезду, отметил трудности в определении разницы между отхожими и местными промыслами.

В материалах С. Южакова о промыслах крестьян Ямбургского уезда зафиксировано, что находящиеся в городах на заработках крестьяне еще не совсем утратили связь со своей деревней. Эта связь проявлялась в сохранении надела и платеже податей.

Практически все выпуски «Материалов...» содержат сведения о существенном расслоении среди крестьян, занимавшихся промыслами, когда меньшинство становились предпринимателями, а большинство – наемными работниками.

«Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии» свидетельствуют о преобладании тех промыслов, становление и развитие которых находилось в прямой зависимости от природно-климатических условий, степени развития путей сообщения, расположения крестьянских поселений относительно крупных городов, возможностей местного рынка рабочей силы и хозяйственной конъюнктуры.

Анализ «Материалов по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии» позволяет сделать некоторые выводы, как о сильных, так и слабых их сторонах. Несомненно, что наличие единой программы по сбору сведений о промысловых занятиях крестьян Санкт-Петербургской губернии позволяет производить сопоставление данных по уездам. В источнике неплохо разработан материал об отхожих крестьянских промыслах, поскольку при их характеристике использовались не только сведения, представленные корреспондентами и полученные во время обхода, но и официальная статистика волостных правлений о количестве выданных паспортов и видов (по годам). Это дает возможность проследить динамику крестьянского отхода и распределение отходников по временам года. Для установления степени отрыва крестьян от земли большое значение имеет распределение документов по времени, на которое они были взяты (краткосрочные или долгосрочные). Однако «Материалы...» не содержат, как правило, характеристику крестьянских хозяйств, выделявших отхожих промышленников. Поэтому судить о положении крестьянского двора можно лишь на основании заключений общего, во многом описательного характера, в которых причина отхода земледельцев на заработки характеризовалась словами: уходят «из-за малоземелья», «из-за разорения», невозможности «уплатить подати из доходов от хозяйства». Кроме того, в источнике уходившие на заработки крестьяне не разделены, как правило, на социальные группы.

Земские данные о крестьянских промыслах не всегда полны, поскольку по отдельным волостям не были получены исходные сведения. Особенно серьезные лакуны встречаются в материале по местным неземледельческим занятиям крестьян. Преимущественно это описания отдельных промыслов по волостям либо уездам.

Э.М. Щагин (Москва)

**О корпусе статистических источников
по сельскому хозяйству Рязанщины
и степени их достоверности и репрезентативности**

Состав корпуса документов по социально-экономической статистике, характеризующих сельское хозяйство Рязанщины на ру-

беже XIX–XX вв., как и большинства других губерний Европейской части России того времени, весьма широк и разнообразен. Все подобного рода материалы для удобства их источниковедческой характеристики можно объединить в следующие основные группы: данные Всероссийских переписей населения; текущие земские, групповые и индивидуальные сведения о помещичьих и иных частновладельческих хозяйствах; аналогичного характера и происхождения о крестьянских хозяйствах.

Поскольку административно-территориальная (погубернская и пообластная) компонента первой группы источников освещена в литературе достаточно полно, а качественная характеристика данных, содержащихся в ней, мало чем существенно различается, детально рассматривать эту группу источников нет особой необходимости.

Предметно следует сказать об источниках по помещичьему хозяйству, которое вопреки бытующему мнению об их скупости достаточно многочисленны и разнообразны. Сюда относятся личные хозяйственные архивы, статьи и брошюры самих хозяев имений, описания отдельных экономий, сделанные для различных правительственных и других официальных изданий, оценочные ведомости частных хозяйств, заложенных в Дворянский поземельный банк, материалы опросов местных корреспондентов, организуемых различными ведомствами и, наконец, материалы земских обследований частновладельческих хозяйств. Достоинства и недостатки каждого из названных видов источников не одинаковы.

Наиболее точные и полные сведения содержат хранящиеся как в центральных, так и в местных архивах фонды помещичьих хозяйств. По документам, отложившимся в них, можно воссоздать картину состояния их имений в том или ином году, а также проследить за происходившими изменениями.

К сожалению, такие материалы весьма немногочисленны. Дело в том, что большинство помещиков не вело строгого хозяйственного учета, никаких счетных книг. Изучение имеющихся материалов осложнено тем, что личные фонды разбросаны по множеству архивохранилищ страны.

При исследовании экономического строя помещичьих хозяйств губернии определенную значимость приобретают описания отдельных имений, выполненные или самими владельцами их или правительственными чиновниками. Необходимо учитывать важное обстоятельство: едва ли не все описываемые хозяйства – не обычные рядовые имения, а, как правило, лучшие из них, предназначавшиеся для рекламы дворянского рационализаторства. Поэтому следует с большой осторожностью пользоваться сведениями описаний, чтобы не впасть в ошибку и не судить по отдельным успехам предпринимательства о высоком уровне капитализма в помещичьем хозяйстве

В наибольшей мере удовлетворяют требованиям достоверности и объективности те массовые статистические источники, которые содержат результаты сплошных, а не выборочных опросов, проводимых корреспондентами, и особенно данные таких земских обследований частновладельческих имений. В выступлении будет дана источниковедческая характеристика информации, содержащейся в этой группе документов.

Материалы земских подворных обследований служат, как известно, самым надежным источником и при научной разработке вопроса о тех процессах, которые имели место в крестьянском хозяйстве России интересующего нас времени. Российские, в том числе и рязанские, земские статистики конца XIX в. развернули большую работу по широкому и глубокому обследованию крестьянского хозяйства. Проведенные ими подворные переписи дали богатейший материал, проливающий свет на социально-экономическую действительность русской деревни.

Однако за очень небольшим исключением все они были сведены и обработаны далеко не лучшим образом. Для суждений о социальном развитии местной деревни наибольший интерес в 12-ти томах статистических сборников по Рязанской губернии представляют только сведения о распределении рабочих лошадей среди крестьян, а также суммарные цифры дворов, не имеющих надела или сдающих его в аренду, о тех, кто арендует вненадельную землю. Весь остальной материал состоит из средних пообщинных, по-

волостных, поездных и поразрядных данных, которые скрадывали процесс социального расслоения общины, затушевывали его, и все крестьянство, если верить им, выглядело как нечто монолитное, единое, чего на самом деле уже не было.

Для исследования социально-экономических отношений пришлось оперировать, хотя и сравнительно территориально ограниченным, но весьма достоверным, полным и разнообразным фактическим материалом, который удалось обнаружить в фонде губстаткомитета Госархива области. Речь идет о подворных карточках обследования крестьянских хозяйств ряда волостей Михайловского уезда, которое проводилось в связи с выявлением последствий неурожая в 1898 г.

Программа этого обследования была настолько удачно разработана, а данные, касающиеся экономики и социального состава крестьянского двора с такой тщательностью собраны, что этот источник приобретает для изучения эволюции местной деревни поистине уникальную ценность. Не менее важно и то, что район, подвергнутый обследованию, являлся весьма типичным для губернии в целом и, в особенности, для большинства ее преимущественно земледельческих уездов. *«В сущности, – признавали составители отчета о результатах переписи, – вся названная местность по своим внешним условиям, не отличается от других ... местностей губернии, никакими резкими особенностями и, в общем, может быть названа среднюю для Рязанской губернии (курсив наш – Э.Ш.).*

Проведенная группировка подворных карточек по торговой специализации отраслей крестьянского хозяйства дала возможность с большей точностью воссоздать картину действительного социального расслоения рязанского крестьянства на рубеже XIX и XX веков.

Следует также признать, что вполне доброкачественный информативный материал содержат и поселенные списки хозяйств, составляемые волостными правлениями, хранящиеся в областном архиве. Сопоставление его со сведениями подворных земских обследований убеждает нас в необходимости отказаться от огульной негативной оценки этого источника в советской литературе и активнее использовать его в современных крестьяноведческих исследованиях.

С.А. Пьянков (Екатеринбург)

Нормы потребления хлебов в исследованиях земских статистиков Пермской губернии конца XIX – начала XX в.

Выработка нормативов является необходимым условием для оценки уровня благосостояния общества и вместе с тем служит индикатором степени его развития. Опубликованные материалы подворной переписи 1890–1891 гг., охватившие 8 из 47 волостей Оханского уезда, показывают, что основу продовольственного бюджета крестьянского хозяйства составляли продукты полеводства. В среднем на 1 человека потреблялось 16,48 пуд. продовольственных хлебов, плюс 0,44 пуда приобреталось мукой, итого 16,94 пуд. Отметим, что данные, собранные указанной подворной переписью, не являются типичными и отражают количество потребляемых пищевых продуктов в условиях неурожая.

Объемы потребления находились в определенной зависимости от экономического состояния хозяйства, которая в свою очередь определялась числом работников и ценностью капитала, которым обладало хозяйство.

Исследование 1459 хозяйств Висимо-Уткинской и Висимо-Шайтанской волостей Верхотурского уезда 1901 г., проведенное в рамках оценочных работ губернского земства, показало, что потребление продуктов питания находилось в непосредственной зависимости от структуры и численного состава домохозяйства, его имущественной состоятельности. Душевое потребление в больших семьях в качественном и количественном отношении было лучшим. В расходной части денежного бюджета расходы на продукты питания составляли главную статью, достигая 49,9 %.

Исследование благосостояния крестьянских хозяйств Красноуфимского уезда заведующим оценочного бюро Пермского губернского земства Г.И. Баскина 1903 г. так же указывает, что уровень потребления на 1 душу был выше в больших крестьянских семьях, являвшихся экономически более состоятельными. Уровень экономической состоятельности в исследовании определялся размером посевной площади, приходившееся на 1 хозяйство, всего

исследователем было выделено 9 групп. Средние количественные данные показывают, что по мере увеличения посевной площади сокращалась относительная численность хозяйств без мужчин-работников, а по мере увеличения площади посева возрастала численность лошадей. Составленные бюджетные описания крестьянских дворов 2–7 посевных групп позволяют констатировать, что расход производимого продовольствия на личное потребление играл во всех хозяйствах наиболее важную роль. Количество потребляемых хлебов находилось в рамках удовлетворения самых насущных потребностей крестьянской семьи. Во всех группах рожь являлась самым важным продовольственным хлебом, пшеница потреблялась в меньшем количестве, но относительное значение ее возрастало при увеличении площади посева на хозяйство. Потребление хлебов в крестьянской семье с посевом до 2 дес. в среднем составляло 14,5 пуд. на едока, в том числе ржи – 11,4 пуд., в посевной группе 20,1–25 дес. на 1 едока приходилось 26,2 пуд. хлеба. Продовольственное обеспечение в крестьянских хозяйствах с малой площадью посева было ниже не только в количественном, но и в качественном отношении, доля картофеля как продовольственного продукта возрастала с уменьшением размера хозяйства.

Вопрос об определении продовольственной нормы в масштабах губернии был поставлен земскими статистиками в Пермской губернии только после неурожая 1901 г. и первоначально определялся в 15 пуд. на едока в год. Однако анкетное исследование земства, проведенное в августе 1903 г., показало, что годовая потребность в продовольствии населения была значительно выше. По показаниям 802 корреспондентов в среднем годовая потребность взрослого человека определялась 24,2 пуда хлебов, для подростка возрастом до 15 лет – 17,8 пуд., ребенку от 5 до 10 лет требовалось около 12,8 пудов, а на ребенка до 5 лет около 7,9 пудов. С 1904 г. продовольственная норма была повышена и определялась в 19 пуд. на человека, данная норма оставалась неизменной в последующие годы. Таковы минимальные потребности населения в продовольственных хлебах, обозначенные земскими статистиками.

А.Н. Курцев (Курск)

Информационный потенциал земской текущей сельскохозяйственной статистики по изучению миграций крестьян на примере Курской губернии за 1898–1905 гг.

Информационный потенциал любого исторического источника составляет органичное единство двух факторов: содержательная полнота и степень достоверности, которые зависят от сопутствующих условий происхождения носителя сведений, в особенности политических.

Специфика статистического источника, выраженная количественно–обобщенными результатами, предъявляет свои требования: учета методики сбора сведений, компетентности корреспондентов, соотношения собранного исходного и публикуемого итогового материалов, сохранения первого для обогащения второго и возможностей его перепроверки, а применительно к агростатистике и ее хронологических рамок – по сельскохозяйственным годам, к примеру, «1898 г.» занимал время с 1 сентября 1897 по 31 августа 1898 г.

В Курской губернии регулярное ведение с 1898 г. земской статистики сельского хозяйства и публикация его результатов в основном связаны с возглавлявшими Земство либеральными деятелями, считавшими необходимым «доподлинно знать хозяйственные и экономические нужды населения», преимущественно крестьянского.

Первый труд в пяти книгах «Текущая сельскохозяйственная статистика Курского губернского земства: 1898 г. в сельскохозяйственном отношении» они издали силами собственной типографии, получив разрешение губернской цензуры, тем более что ответственным редактором выступал сам председатель губземуправы Н.А. Полянский. Разработка данных и написание текста осуществлялись заведующим губстатотделением В.В. Башмачниковым с помощью нескольких земских сотрудников.

Первичные данные по особой программе (с обратным конвертом) собирались множеством «добровольных корреспондентов» с охватом всех 15 уездов губернии. К 1898 г. в этой «сети» было уже 1688 чел.: 25% представителей крестьянства, 23% духовенства, 17% учительства, 10% дворянства и др. Программа включала раз-

дел об отходе с широким кругом вопросов: от «Куда и на какие работы уходили крестьяне?» до продолжительности ухода и суммы заработанного.

Большинство ответов, исключая малозначимый и описательный материал, успешно обобщалось и соответственно публиковалось в цифровых перечнях с аналитическими комментариями, отвечая требованиям полноты и достоверности освещения отходничества.

Большим недостатком публикаций являлось использование их земскими составителями паспортной статистики волостных правлений как показателя развития отхожих заработков, несмотря на массовое получение паспортов и нелегальными переселенцами для выезда в Сибирь, и православными паломниками (упоминаемыми публикаторами), и рабочими из крестьян на местных заводах, включая сахарные в сельской местности (20 тыс. чел.).

Процесс земледельческого переселенчества получил в земской сельхозстатистике только эпизодическое освещение, причем исключительно на описательном уровне, учитывая существующие на него до 1906 г. цензурные ограничения.

Типичное обращение к этой теме содержит издание о 1900 г., где имелся раздел «Влияние отхода (и переселения) на повышение местных заработков: Записи гг. корреспондентов, относящиеся к ценам на рабочие руки», содержащий противоположные оценки – в т.ч. компетентную от крестьянина: «Цены на рабочие руки повысились по случаю постоянного переселения крестьян в Сибирь; кроме того, крестьяне уходят на разные заработки и на строящиеся заводы»; и паническую от дворянина: «Рабочие руки сильно вздорожали по случаю переселения большого количества нанимающегося народа в Томскую губернию».

Последним за восьмилетие стал труд «1905 год: Текущая сельскохозяйственная статистика Курского губернского земства» (В 5 кн. Курск, 1906), т.е. всего издали восемь работ. В 1906 г., испугавшись событий 1905 г., курское дворянство переизбрало земское руководство. Крайне правые, встав во главе Курского губземства, немедленно разогнали либеральную статслужбу и прекратили ведение земской агростатистики.

М.К. Стэльмах (Екатеринбург)

Модернизация продовольственного дела в России на рубеже XIX–XX вв.

В истории российского продовольственного законодательства рубеж XIX–XX вв. имеет особое значение. В этот период структурная организация продовольственной системы России и функционирование ее отдельных элементов подверглись существенным изменениям.

Хлебозапасная система совершенствовалась в течение всего XIX в. Затруднения были связаны с изменением социального положения крестьян вследствие отмены крепостного права. Если до его отмены за крепостных крестьян в случае неурожая отвечал помещик, то теперь эту роль стало выполнять государство, которое переложило эту обязанность на земства, но они не справились с должным обеспечением крестьян продовольствием. В результате из-за отсутствия контроля в течение первых десяти пореформенных лет сельские хлебные запасы полностью были исчерпаны – крестьяне самовольно разобрали хлеб из хлебозапасных магазинов. Поэтому правительство было застигнуто врасплох, когда случился голод 1891–1892 гг. Продовольственный устав 1834 г. показал свою несостоятельность в сфере продовольственного обеспечения российского общества.

Первым этапом реорганизации продовольственной системы было создание в 1892 г. «Устава об обеспечении народного продовольствия». Правящие круги признали его несовершенным и для его пересмотра 18 февраля 1893 г. Александр III утвердил Особую комиссию. В итоге ее семилетней работы появились «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утвержденные Николаем II 12 июня 1900 г. (второй этап реорганизации). «Временные правила» изъяли продовольственное дело из рук земства и передали его в ведение крестьянских учреждений. Попечение и общее руководство продовольственным делом возлагалось на губернаторов.

Меры помощи сельскому населению сводились к двум направлениям: накопление продовольственных средств в благополучные по урожайности годы и раздача их в ссуду и частично в безвозвратное по-

собие в периоды неурожая и других бедствий. На земские учреждения возлагались вспомогательные операции: оказание благотворительной помощи, устройство общественных работ и продажа хлеба по заготовительной цене. Продовольственные средства составлялись из общественных натуральных запасов и местных капиталов, из общегосударственного капитала, предназначенного для чрезвычайных случаев, когда местные средства оказывались недостаточными для удовлетворения потребностей населения в продовольствии и семенах. Таким образом, устанавливалась трехступенчатая система продовольственного дела, включающая общеимперский, губернский и местный продовольственные капиталы.

Закон 1900 г. не оправдал возлагавшихся на него правительством надежд; продовольственных запасов и капиталов оказалось недостаточно для удовлетворения нуждавшегося населения неурожайных губерний, и вновь потребовались многомиллионные затраты из государственного казначейства. В 1901 г. расходы правительства на продовольственные мероприятия достигли 35 млн руб., в 1905–1906 гг. – свыше 250 млн руб., в 1907 г. – 24 млн руб., в 1911 г. – 160 млн руб.

Крестьянские учреждения не справлялись с возложенными на них обязанностями по обеспечению продовольствием. На третьем этапе Министерством Внутренних Дел был инициирован пересмотр продовольственного дела в 1907 г. и рассмотрен законопроект о передаче продовольственного дела из крестьянских учреждений земским органам.

Тем не менее, созданная система продовольственной безопасности действовала относительно стабильно. Примером борьбы с последствиями неурожая могут служить события 1911 г. в Пермской губернии, когда случился полный неурожай хлебов и трав сравнимый только с 1890–1891 гг. (28 пудов с десятины, что ниже среднего в два раза). В борьбе с последствиями неурожая были задействованы местный, губернский, имперские продовольственные капиталы, организованы общественные работы, врачебно-питательная помощь, немалую роль сыграла благотворительная деятельность. Предпринятые меры помогли избежать страшного голода в губернии.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. шло становление производственного дела на законодательном уровне и в практической деятельности.

Ю.Б. Будкина (Рязань)

Источники для исследования взаимоотношений кредитной кооперации и местной администрации в Рязанской губернии в начале XX столетия

Одним из главных препятствий развитию кредитной кооперации в начале XX в. являлось, как известно, негативное отношение к ней местных властей. Подведомственная МВД, местная администрация рассматривала кооперативы, в том числе кредитные, преимущественно как общественные, а не хозяйственные организации.

Важно отметить, что указанная проблема недостаточно изучена как в масштабах всей страны, так и Рязанской губернии, хотя источников для этого достаточно. Что касается Рязанской губернии, то все основные источники можно условно разделить на 3 группы: архивные материалы, местные периодические издания, воспоминания современников.

Архивные материалы сосредоточены в богатейшем архивном хранилище центра России – Государственном архиве Рязанской области (ГАРО). Здесь отдельного внимания заслуживает фонд Канцелярии Рязанского губернатора (Ф. 5). Среди документов стоит выделить циркуляры губернаторов, рапорты уездных земских исправников под грифом «Секретно», направленные на выявление так называемой «политической благонадежности» кооператоров. Не менее важными являются сведения из указанного фонда о «вторжениях» местных органов власти в деятельность рязанской кредитной кооперации.

В архивном фонде Рязанского губернского жандармского управления (Ф. 1292) отложились циркуляры департамента полиции, политические обзоры Рязанской губернии, дела по наблюдению, розыску и обвинению жителей губернии, в частности членов кредитных кооперативов, в политической неблагонадежности. В этих документах четко прослеживается стремление преувеличить

влияние революционных идей и их носителей на кооперативы и обосновать необходимость постоянного контроля за кооперативными организациями.

Важные сведения публиковались в местной периодической печати (журнале «Вестник Рязанского губернского земства», губернской газете «Рязанская жизнь» и др.). Статьи и заметки отражали подозрительность местных властей Рязанской губернии к кредитным кооперативам особенно накануне Первой мировой войны. Об этом говорят многочисленные факты пресечения попыток организации губернского кооперативного союза, различные препятствия на пути развития культурно-просветительской деятельности кооперации. Так, немногочисленные разрешенные публичные мероприятия кооперативов проходили под бдительным надзором полиции, кооперативным библиотекам запрещалось выписывать периодические издания либеральной направленности, иметь любую литературу общественно-политического характера. Представители МВД в губернии крайне негативно относились и к инициативам, связанным с проведением кооперативных совещаний и съездов, налаживанию взаимодействия кооперации и земских органов. Уникальный источник – «очерк-воспоминание» первого губернского инспектора мелкого кредита П.А. Смирнова однозначно свидетельствует, что власти расценивали кредитную кооперацию в качестве потенциального противника режима.

Крестьянство в силу своей «темноты» и «забитости», часто не понимало очевидных выгод организации кредитных кооперативов. Нередко, особенно накануне и в ходе событий 1905 г., они, по словам того же П.А. Смирнова, с подачи представителей власти воспринимались исключительно как «революционные организации», участники которых «обязаны будут идти против правительства».

Таким образом, источники для изучения взаимоотношений кредитной кооперации и местной администрации в Рязанской губернии в начале XX в. достаточно разнообразны и подтверждают важность и целесообразность исследования данного вопроса в контексте анализа особенностей модернизационных процессов в России рубежа XIX–XX вв.

Т.Н. Сидоренко (Краснодар)

Источники изучения сельской кооперации Предкавказья начала XX в.

Изучение сельской кооперации в Предкавказье представляет особый интерес, так как этот регион был крупнейшим районом развитого аграрного капитализма в России в дореволюционный период. Быстрое развитие производительных сил и специализация хозяйства, более глубокая, чем в других регионах страны, социальная дифференциация способствовали широкому распространению здесь разнообразных видов кооперации.

Научно-обоснованные методы использования документальных источников, их систематизация и обработка являются необходимым условием объективности исторического исследования. При рассмотрении кооперативной проблематики используются такие же источники, что и в любом историко-экономическом исследовании – акты, статистические и описательные, но их применение имеет свои специфические особенности.

Для исследования создания и деятельности кооперативных организаций в первую очередь необходимы опубликованные документы, касающиеся правовой стороны кооперации: правительственные указы, положения, примерные уставы кооперативов.

Важной группой источников являются статистические материалы, позволяющие провести качественный анализ финансовой и торгово-посреднической деятельности кооперативов. Однако при исследовании такого многомерного явления как кооперация возникают определенные сложности при использовании разнообразных статистических данных (разноточия, искажения данных и др.). В связи с этим необходимо проводить большую работу по сопоставлению, проверке и отбору опубликованных данных о деятельности кооперации, выявлению наиболее достоверных источников.

К ценным источникам относятся опубликованные материалы кооперативных съездов, совещаний, собраний, на которых рассматривались актуальные вопросы деятельности кооперативов, а также материалы местных кооперативных и некооперативных журналов и газет, которые хорошо отражали повседневную жизнь кооперативов.

Для более полного и объективного исследования жизнедеятельности кооперативов различных видов необходимо использование материалов, содержащихся в фондах местных и центральных архивов (ГАКК г. Краснодар, ГАСК г. Ставрополь, РГВИА г. Москва, РГИА г. Санкт-Петербург и др.).

Наиболее сложной и трудоемкой для обработки является документация массового характера, хранящаяся в фондах местных архивов (дела об открытии кооперативов, годовые отчеты первичных кооперативных организаций и др.). Следует отметить, что в архивах не имеется достаточной информации по такому важному вопросу как имущественный статус и социальное положение членов кооперативов. Кроме того, в источниках по одному и тому же факту нередко содержится различный цифровой материал. Параллельное изучение архивных документов, статистических сборников и периодических кооперативных изданий позволяет уточнить ряд цифровых данных или выделить наиболее достоверные из них.

Из материалов РГВИА выделяются документы, содержащиеся в фонде Казачьего отдела Главного штаба (Ф. 400). В данном фонде хранится огромное количество ценных материалов, свидетельствующих о развитии кооперации в казачьих областях. К сожалению, многие дела, касающиеся проблем кооперативного движения, находятся в россыпи, что не позволяет их использовать.

Важная информация по истории развития кредитных кооперативов и сельскохозяйственных обществ Предкавказья выявлена в архивных материалах РГИА, а именно, в фондах управления по делам мелкого кредита (Ф. 582) и отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики (Ф. 395), а так же в фонде Департамента земледелия МЗ (Ф. 398). Архивные материалы существенно позволяют дополнить большой комплекс опубликованных материалов по истории кооперативного движения в изучаемом регионе.

Комплексное использование источников позволяет составить объективное представление о различных сторонах деятельности сельской кооперации в регионе, хотя не все исследуемые вопросы могут быть разрешены в равной степени по причине разной полноты источниковых данных.

Н.К. Фигуровская (Москва)

Материалы «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (1902–1905 гг.) как источник для исследования аграрной сферы России и путей ее реформирования

Проблемы развития сельского хозяйства, особое значение аграрного вопроса сопутствуют всей истории России, проходя через периоды крайнего обострения. Таким было и самое начало XX века.

В работах М.С. Симоновой, монографии «Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции» и статьях, введены в научный оборот и проанализированы материалы «Особого совещания...», раскрыты глубинные основы формирования аграрной политики правительства и причины официального признания общего кризиса крестьянского хозяйства. В статьях В.С. Дякина «С.Ю. Витте и двухтомник “Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства”», «Аграрный кризис и сельскохозяйственная политика С.Ю. Витте» отмечается, что при анализе работы «Особого совещания...» основной темой остается крестьянский вопрос, все другие проблемы, рассматривавшиеся Совещанием, необоснованно считаются второстепенными. Опираясь на труды этих выдающихся исследователей, необходимо подчеркнуть, что материалы Совещания сохраняют свое значение не только как ценный исторический источник, не полностью введенный в научный оборот, но и как опыт комплексного обсуждения проблем аграрного развития, охватывающий не просто отдельную отрасль экономики, но и всю обширную сферу жизнедеятельности сельского населения, аграрную инфраструктуру, взаимосвязи с народным хозяйством.

Проблематика Совещания формировалась и всесторонне готовилась в недрах Министерства финансов. Многие аналитические материалы были написаны известными экономистами, общественными деятелями, чиновниками по просьбе или поручению инициатора и председателя Совещания министра финансов С.Ю. Витте.

* Исследование ведется по проекту РФФИ № 09-06-00127а

Материалы содержали сведения о состоянии сельского хозяйства (Р.Э. Ленц), «Об изменении величины посевных площадей России за последние 20 лет» (П.М. Лохтин), «О неблагоприятных последствиях, господствующих в России систем полеводства... и о мерах к постепенному переходу к более правильному строю полевого хозяйства» (М.М. Федоров), что увязывалось с условиями мирового рынка, переходом к интенсивному ведению сельского хозяйства. Были представлены также сведения о перспективах животноводства и торговли его продуктами.

В представленных материалах и в процессе обсуждения отмечались многие отрицательные стороны общинного землевладения, предлагалось перейти к личной собственности на надельную землю или долгосрочной аренде, но не административными методами, а путем постепенного реформирования.

Совещание обсудило широчайший круг проблем: аренда земли, отхожие промыслы, местные пути сообщения, размещение зернохранилищ, элеваторов, сельских хлебных магазинов, финансовые вопросы: денежное обращение, косвенные налоги, кредит.

Совещание оставило, по оценке С.Ю. Витте, «массу разработанного материала, который... еще долго будет служить для различных проектов».

Д.В. Ковалёв (Москва)

Документы земельных органов Временного правительства как источник по истории подмосковного крестьянства

Важнейшей задачей местных земельных комитетов, сформированных Временным правительством весной 1917 г., должны были стать сбор и всестороннее изучение материалов, необходимых для полномасштабного реформирования аграрного строя страны. С этой целью при губернском земкоме создавалась специальная комиссия, куда наряду с его непосредственными сотрудниками входили представители агрономического совещания и статистического комитета земской управы. Основными направлениями работы комиссии являлись, прежде всего, анкетирование крестьянского населения и статистическое обследование земельного фонда; карто-

графическая сводка – составление волостных и уездных карт, отражающих все особенности земель по угодьям.

В основу используемых анкет легла программа вопросов, выработанная Главным земельным комитетом и разосланная во второй половине 1917 г. в губернские центры, где её в свою очередь подвергли некоторой доработке. В Подмосковье, впрочем, дополнения комиссии коснулись, главным образом, частных, связанных с приспособлением анкеты к особенностям региона.

Несмотря на то, что намеченные работы не удалось выполнить в полном объёме, деятельность сотрудников земельных органов во многих случаях оказалась достаточно плодотворной. Результаты анкетирования содержат сведения по самым различным сторонам хозяйственного уклада и общественно-политической жизни крестьянства: обеспеченность средствами производства (прежде всего, земельными угодьями), состояние последних, системы полеводства, степень развития неземледельческих промыслов, социальный состав крестьянского населения, а также настроения в связи с предстоящими преобразованиями.

К сожалению, лишь частично результаты этой работы в начале 1920-х гг. попали в печать, преимущественно губернскую. Кроме того, подробнейшая информация по крестьянскому вопросу, собранная земкомами, сохранилась в виде сводных таблиц, составленных на основе показаний опросных листов министерства земледелия, в личном фонде управляющего ЦСУ П.И. Попова в архиве экономики. В это время он возглавлял отдел сельскохозяйственной переписи министерства и непосредственно занимался обработкой опросных листов по изучению аграрного движения, направленных в губернские земельные комитеты, а уже оттуда – разосланных по уездам незадолго до свержения Временного правительства. События октября 1917 г. помешали завершить начатую работу, и к тому же во многих случаях местные земельные органы не были в достаточной степени информированы. Поэтому в большинстве своём анкетирование не было проведено. Однако сведения, полученные по ряду губерний, в том числе Московской, характеризуются относительной полнотой и дают вполне определённое представ-

ление о характере процессов, происходивших в сфере земельных отношений весной – летом 1917 г.

Тем не менее, обращение советских историков к этим документам было дозированным и ограничивалось известным конформизмом: крестьянские показания, зафиксированные статистиками, во многих отношениях диссонировали с официальными установками новой власти. Поэтому в исторических трудах данный источник использовался лишь в той мере, в какой он не противоречил позиции, утверждённой партийными идеологами.

Содержание материалов, подготовленных местными земельными комитетами по распоряжению Временного правительства в рамках разработки аграрной реформы в 1917 г., во многих отношениях уникально и отличается высокой степенью информативности, а потому имеет чрезвычайно важное значение для исследования социально-экономической и политической ситуации в российской деревне.

Т.М. Китанина (Санкт-Петербург)

Экономический разрыв с Германией и законодательные акты русского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период Первой мировой войны 1914–1916 гг.

В самом начале войны русское правительство приняло ряд административных мер, направленных на сохранение стабильности внутреннего, прежде всего продовольственного, рынка. Запретительный характер законодательных актов резко ограничил масштабы сельскохозяйственного экспорта из страны и в то же время строго регламентировал импорт в Россию товаров первой необходимости.

28 июля 1914 г. был издан высочайший указ, ограничивший коммерческие связи подданных иностранных государств с русской стороной. Вслед за тем, 12 августа последовал запрет экспорта зерна, кормовых культур, продуктов животноводства, лесных материалов и прочих видов промышленного сырья. Принятый 17 февраля 1915 г. закон расширил перечень товаров сельскохозяйственных отраслей, не подлежащих вывозу, как и отчуждение их иностранными подданными на внутреннем рынке.

Ряд законодательных постановлений коснулся непосредственно таможенных отношений. Экономические связи России и Германии были настолько прочны, что торговый коридор между странами не мог быть перекрыт одним росчерком пера. Он мог сужаться только постепенно, и для этого русскому правительству пришлось приложить немалые усилия.

Решительные таможенные запреты, введенные в защиту национальных интересов, получили право на жизнь в 1915 г. Положением Совета министров 28 февраля был принят так называемый «военный» тариф. Утратили юридическую силу конвенционные пошлины, установленные русско-германским торговым договором 29 января 1894 г. и дополнительной к нему конвенцией 1904 г. Но, как это ни парадоксально, полного экономического разрыва России с Германией не произошло. Отныне русско-германские коммерческие связи сохранялись «опосредствованно», в одностороннем порядке. Причиной тому послужила неурегулированность экономических отношений России с нейтральными государствами.

Расчеты союзников на голод в Германии в связи с прекращением русского хлебного экспорта не оправдались. Казалось бы, оснований для таких надежд было предостаточно, ибо за три военных года Германия сократила производство пшеницы на 44%, ржи – на 39%, овса – на 59%. Однако уже в первые месяцы военной кампании ей удалось приобрести через нейтральные государства около 30% обычного для страны хлебного импорта. Согласно консульским донесениям, именно русское продовольствие поступало в Германию через нейтральную Швецию и более того – из Финляндии, являвшейся неотъемлемой территорией России. Проблема требовала немедленного решения.

Но лишь 24 августа 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был создан Комитет из представителей ведомств «по ограничению снабжения и торговли неприятеля». Этот совещательный орган выработал ряд законодательных предложений, ставших частично основой для правительственного указа 24 октября 1916 г. о запрете торговых сношений с враждебными странами. Стало быть, российскому правительству понадобилось бо-

лее двух лет с начала войны для узаконения окончательного экономического разрыва с Германией.

Глубокие изменения общеевропейского экономического климата, как следствие военных действий, повлекли за собой тяжелые для России последствия. Резко снизились торговые операции, упала их ценность. Сокращение русского сельскохозяйственного экспорта, как количественное, так и ценностное (около трети товарооборота приходилось на долю Германии) произошло главным образом за счет падения хлебного вывоза. В 1913 г. русский хлебный экспорт составил 647,6 млн пуд и оценивался в 589,9 млн руб., в 1914 г. он сократился до 377 млн пуд, в 1915 г. – упал до критической отметки – 38,9 млн пуд. Нельзя забывать и о том, что одновременно согласно союзническим соглашениям русский хлеб поставлялся странам Антанты – Англии, Франции, Италии. Между тем хлебный экспорт являлся основным источником пополнения доходной части национального бюджета, обеспечивая промышленный импорт в условиях индустриализации и выплату процентов по внешним займам правительства. Неудивительно, что в годы войны существенно менялся торговый баланс вследствие стремительно возрастающего пассива.

Катя Бруиш (Гётттиген, Германия)

Организационно-производственное направление российской экономической мысли как вариант идеологии аграризма

Работы организационно-производственного направления российской экономической мысли долгое время были забытыми. Их заново открыли в контексте экономического диспута о путях развития стран «третьего мира». Западные социологи, экономисты и антропологи 1960–1970-х гг. считали чаяновскую модель инструментом изучения крестьянских хозяйств в Латинской Америке, Азии и Африке. Одновременно она рассматривалась как теоретическая альтернатива к теории модернизации, доминировавшей тогда в социальных науках Запада. Во время «перестройки» А.В. Чаянова и его единомышленников вспомнили и в России. Теперь их считали представителями ненасильственной, умеренной

модернизации российского сельского хозяйства на основе крестьянских хозяйств и кооперации. В их идеях видели также основу для возрождения российской деревни после преодоления колхозной системы. Сегодня историки, обращаясь к их работам, либо ищут информацию о положении российского крестьянства того времени, либо пытаются доказать, что путь сталинской коллективизации не был безальтернативным. Эти подходы совершенно оправданы, однако могут быть дополнены еще одним.

В течение XX века изучение истории науки вело к убеждению, что любая наука является частью человеческой культуры и истории. Наука никогда не развивается независимо от своего исторического контекста и, соответственно, сама является историческим феноменом. Поэтому абстрактные научные концепции и теории могут рассматриваться как своеобразный исторический источник, наряду с государственными договорами, деловыми бумагами, письмами и т.д.

С такой точки зрения научное наследие организационно-производственного направления мало изучено. Мы имеем множество работ, в которых чаяновская теория крестьянского хозяйства изучается на основе его сочинений. Эти работы способствуют «внутреннему» пониманию теории, однако они ничего не говорят нам о ее историчности, потому что они не выходят за ее собственные теоретические рамки. Учитывая достижения истории науки и знания, можно прийти к пониманию того, что изучая научное наследие организационно-производственного направления, мы автоматически изучаем, как экономисты-аграрники перевели свое восприятие сельского хозяйства на язык науки. Но в чем именно заключалось их восприятие сельского хозяйства? Ответ на этот вопрос выходит за рамки традиционной истории науки и охватывает «ненаучные» факторы, которые воздействовали на научное мышление этих экономистов, такие как интеллектуальная социализация, мировоззрение или политические взгляды. Научная деятельность А.В. Чайнова и его единомышленников также находилась под влиянием вненаучных факторов, от которых исторический субъект не может освободиться. Эта мысль ведет к новой оценке творчества данного направления. Я придерживаюсь мнения, что

экономическая теория крестьянского хозяйства была выражением российского варианта идеологии аграризма. Об аграризме принято говорить применительно к межвоенному периоду в таких странах, как Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния, где под влиянием крестьянских партий проводились земельные реформы. В контексте российской истории об аграризме не говорилось, потому что здесь не сформировалась крестьянская партия с подобной идеологией. К центральным признакам аграризма историки сегодня причисляют, среди прочего, убеждение, что крестьянское семейное хозяйство является основой сельского и народного хозяйства, одобрение кооперативного движения и надежду на демократическую самоорганизацию крестьян «снизу». Эти моменты являются определяющими и в дискурсе представителей организационно-производственного направления. Само оно видится частью более широкого общественного движения, выступавшего за модернизацию российской деревни на основе крестьянского хозяйства и кооперации. Аграризм в России начала XX века присутствует, таким образом, не в виде крестьянской партии, а в виде неформального общественного течения, охватывавшего агрономов, статистиков, экономистов и других лиц развивавшейся тогда общественности. С этой точки зрения организационно-производственное направление представляется научной ветвью российского аграризма.

И.Е. Кознова (Москва)

**Хозяйствование на земле как культурная память:
источниковедческий аспект
(конец XIX – начало XXI в.)**

Хозяйствование на земле – это те «социальные рамки», которые организуют профанно-сакральное единство крестьянской жизни. Ритмы земледельческой культуры определяли устойчивые компоненты сознания и поведения русских крестьян: память-традиция имела нормативный, обрядово-ритуальный характер, репродуктивная функция прошлого находила выражение в формуле «наши деды и прадеды жили, и мы так будем». Эти основополагающие принципы жизнедеятельности подверглись значительным трансформациям в XX в.

Изучение социально-культурных оснований крестьянского хозяйствования и их изменений в условиях активной урбанизации связано с обсуждением вопросов характера, отбора, представительности, сопоставимости источников и методики их изучения.

Формы проявления памяти, т.е. присутствия прошлого в настоящем, многообразны. Выступая как наследие предыдущих эпох, прошлое несет в настоящее (а настоящее затем решает, что необходимо для будущего) продукты материальной и духовной культуры.

Крестьянская культура в своей основе и основных проявлениях – устная, поэтому источниками являются сама среда обитания; предметы материальной культуры, включая жилище, утварь, скот, инвентарь; язык; обычаи и обряды; фольклор. Исследователи могут опираться на этнографические описания, устные свидетельства, материалы социологических исследований, документы официальных органов. Письменных источников, исходящих из самой крестьянской среды, гораздо меньше. Тем не менее, наряду с доку-

ментами коллективного происхождения (приговоры, наказания, воззвания, прошения, жалобы и т.п.), существуют документы личного происхождения (письма, воспоминания, биографические и автобиографические описания, дневники), вышедшие из-под пера крестьян.

При анализе источников важно учитывать критерии, по которым рассматриваются те или иные документы, представляющие действие памяти. Среди критериев может быть такой, как соотношение коллективного и индивидуального опыта. Фольклор – классическая форма выражения коллективной памяти. В зависимости от жанра фольклора он способен нести в себе информацию как об универсальных сторонах памяти, так и событийных. Это же относится и к письменным документам. Вычленение универсального выделяется через внутреннюю организацию структуры нарратива, его семантику и т.д.

Еще одним критерием, на основании которого можно анализировать источники памяти, является соотношение спонтанного и организованного в меморатах. При анализе воспоминаний, собранных методом «устной истории», следует учитывать характер организации интервью и степень его формализации.

Важен вопрос верификации исторических свидетельств о прошлом самому историческому прошлому. В документах, представляющих проявление крестьянского образа жизни, рассмотренных с позиции памяти, важны неточности, нестыковки, лакуны, одним словом, все то, что позволяет говорить именно о контекстуальных особенностях памяти, актуализации прошлого для потребностей настоящего. Важно показать обратный процесс: что и как из того, что сохранилось в памяти, происходило в реальной действительности.

Если говорить об информационной ценности источников памяти, то следует иметь в виду следующее. Например, информационную ценность можно рассматривать с событийной стороны – насколько полно сохранилась память о тех или иных событиях. Можно – с точки зрения сохранения ценностно-смысловых моментов. Разные источники по-разному представляют стороны памяти. Письма – это моментальная, сиюминутная реакция на что-то, на

пример, на действия власти, или просто потребность высказаться. Но в силу моментальности реакции, в них проявляются самые яркие моменты памяти. Дневники также выражают проявления памяти. Это проспективная память. Воспоминания – это ретроспективная память. При этом на человека, который вспоминает, давит груз его сегодняшних представлений, привычек, настроений.

В.М. Рынков (Новосибирск)

**Делопроизводственная документация
земельных органов сибирской контрреволюции:
новая грань информационного потенциала**

В отечественной историографии одной из приоритетных задач являлась реконструкция земельных преобразований периода революции 1917 г. и первых послереволюционных лет. Но исследователи всегда испытывали дефицит достоверной информации, пытаясь восстановить картину подчас буквально по крупицам. Разрушения служебной дисциплины и бесконечная перестройка земельных органов привели делопроизводство в плачевное состояние, и документы не полно сохранилось в архивах.

В последние полтора десятилетия усилился интерес к периоду антибольшевистских правительств. Однако острие внимания было нацелено на анализ известных документов, отражавших борьбу вокруг выработки аграрного законодательства Временного сибирского и Российского правительств. Между тем отложилась довольно значительная документация местных земельных органов за вторую половину 1918 и 1919 г., которая весьма подробно характеризует аграрные отношения в короткий период революции и установления советской власти.

Одни из них (переселенческие управления, управления земледелия и государственных имуществ, лесничества) продолжали существовать с дореволюционных времен. В этом случае документы антибольшевистского периода находятся в общем фонде вперемжку с более ранним делопроизводством. Их выявление – дело трудоемкое и используются они исследователями весьма фрагментарно. Зато такая документация весьма содержательно характери-

зует генезис текущих конфликтов, который, как правило, прослеживался с первых месяцев революции. С земельной политики революционных органов сходит глянец, часто свойственный документам советского происхождения.

Задачу возвращения захваченных земельных угодий прежним владельцам или пользователям Временное сибирское правительство возложило на специальные комиссии. Они состояли из представителей различных ведомств и общественных организаций и должны были заниматься восстановлением имущественных прав, нарушенных при советской власти. Одни комиссии завершили свою работу в первые месяцы 1919 г., деятельность других продолжалась до лета. Протоколы их заседаний в основном посвящены детальному разбору земельных конфликтов предшествовавшего периода.

Дальнейшее разрешение земельных конфликтов в аграрной сфере передавалось в ведение губернских и уездных земельных советов, учрежденных в составе соответствующих земств. Сохранившееся делопроизводство свидетельствует об их активной работе с осени 1918 г. до лета 1919 г. Выделялись два основных направления деятельности: разбор текущих земельных конфликтов и мероприятия по расширению крестьянского землепользования. Первое из них обусловило тот факт, что журналы и протоколы заседаний земельных советов зафиксировали последствия советской земельной политики. Губернские по земельным делам советы провели за год по 15–20 заседаний, которые в некоторых случаях длились по 2–3 дня; активность уездных советов была различной.

В результате сложились крупные комплексы протокольно-резолютивных документов, насыщенных информацией об аграрных отношениях в предшествующее антибольшевистскому перевороту время. В сумме они дают достаточно емкую картину массовых порубок леса, уничтожения крупных земледельческих и скотоводческих частных хозяйств Сибири, активизации внутрикрестьянских, чаще всего межсословных и межэтнических конфликтов, которые в советский период облекались в оболочку классово-борьбы.

Делопроизводство земельных советов и комиссий по возвращению имений разбросано по разным архивам. Сохранность ори-

гинальных протоколно-резолютивных документов далеко не полная. Она восполняется за счет того, что земские управы обычно старались информировать друг друга о характере своей работы, рассылая в соседние губернии и области копии журналов заседаний. Именно поэтому в местных архивах часто можно обнаружить документацию из соседних регионов.

Нельзя сказать, что исследователи не обращались к этим источникам. Анализируя советскую аграрную политику, Э.М. Шагин и Н.Ф. Иванцова опирались, в том числе, и на делопроизводство комиссий по возвращению имений. Но в целом данная совокупность разнообразных исторических источников осталась невостребованной, хотя может существенно расширить наши представления о ходе и последствиях революционных преобразований в аграрной сфере.

Д.А. Сафонов (Оренбург)

**Социальная активность и общественное сознание
российского крестьянства:
проблема источников и их репрезентативности**

На протяжении всего «советского» периода тема «классовой борьбы» крестьянства была одной из ключевых, причем основное внимание уделялось открытым выступлениям. Примерно с 1970-х годов особое внимание стало уделяться взглядам и представлениям крестьян. Оба направления взаимодополняли друг друга: конкретные проявления протеста служили подтверждением существовавших взглядов, обращение к внутреннему миру крестьянства позволяло лучше понять мотивы реальных событий. В результате создания знаменитой «дружининской» «Хроники» был очерчен круг фондов центральных управленческих структур, где гарантированно можно было найти искомую информацию. Архивный поиск, осуществленный на местах, подтвердил результативность подхода. Однако это можно констатировать только в отношении крестьянской активности. Большинство исследований по проблеме крестьянского сознания было уязвимо как раз из-за источников. Авторы чаще всего использовали их выборочно, в соответствии с поставленной темой и авторской задачей. При этом все определяла сверхзадача – показать нарастание

революционной активности крестьянства и, соответственно, его сознательности. Вопрос об источниках практически каждый исследователь решал самостоятельно. Отдельные попытки обобщить опыт вряд ли можно считать успешными.

Безусловное преобладание источников из определенного круга обеспечило однотипность подачи информации и методики ее обработки. В то же время исследователи невольно стали в определенном смысле заложниками этого. В итоге в основе любой работы по крестьянскому движению советского периода лежал изначальный тезис: в противостоянии крестьянства и царских властей положительное начало всегда за крестьянами. Второй важный момент: село, община воспринималась как общность – нечто единое, выступающее единым фронтом против внешнего мира. Отсюда и протест деревни – един; единым получалось и крестьянское мировоззрение. И хотя уже в пореформенный период, не говоря уж о начале XX века, расслоение крестьянства, даже в масштабе одной отдельно взятой деревни, было наблюдаемым фактом, все же стереотип оценки крестьянского мировоззрения срабатывал. Вот почему в конкретных случаях информационные пробелы легко заполнялись по аналогии: и активные действия и воззрения крестьян были достаточно прогнозируемы.

И, наконец, самое важное – при рассмотрении проблемы брался период только до революции 1917-го. Когда в 1990-х годах идеологические запреты рухнули, то казалось, что логичнее всего продолжать изучение крестьянской активности по существующей схеме, просто игнорируя итоговый рубеж 26 октября 1917 г.

Первые же попытки показали, что круг источников, приемы и методы их анализа по сути сохранились. В основном осталась той же схема поиска информации: она поступала прежде всего от карательных органов. Собственно крестьянскую активность рассматривать по прежней схеме было еще возможно, но вот с сознанием произошли удивительные метаморфозы. Прежняя крестьянская общность едва ли не в одночасье исчезла, разделилась на кулаков/бедняков с прогнозируемыми взглядами и даже с заданными формами поведения. Достаточно было определить, к какой группе

относятся данные крестьяне, чтобы получить ответы на все прочие вопросы. И сегодня крестьянство изучается либо «до», либо «после» революции. Между тем получается, что по сути единое на протяжении многих десятилетий крестьянское сознание в период смуты внезапно «дробится» по основным социальным группам, с тем, чтобы вновь унифицироваться в колхозной деревне – при том, что все это происходит на протяжении жизни одного поколения. Именно поэтому мы полагаем необходимым выйти за рамки устоявшихся периодов. Привлечение новой, появившейся после революции, информации, как то периодика, массовые источники из крестьянской среды (решения сходов, собраний и проч.), мемуары не упростит решения задачи, но позволит приблизиться к пониманию сложнейшего явления – общественного сознания основной массы населения нашей страны.

О.М. Вербицкая (Москва)

Крестьянские бюджеты в XX в.

Бюджетная статистика – важнейший вид документальных источников по экономической истории, отражающий не только материальное положение семей, уровень потребления, численный состав, но и баланс рабочего и свободного времени, организацию семейного хозяйства и т.д. Выборочные статистические обследования семейных бюджетов содержат также детальные сведения о доходах по виду (зарплата, оплата труда в колхозе и других сферах, доходы от личного подсобного хозяйства), о расходах по отдельным статьям (покупка продовольственных и промышленных товаров и др.).

Бюджетные обследования в СССР были начаты летом 1919 г., после принятия Советским правительством решения о производстве монографического «описания различных по экономическому строению крестьянских хозяйств». В соответствии с этим обследования на местах производились губернскими статистическими бюро по инструкциям ЦСУ. Был разработан весьма подробный бланк описания отобранных хозяйств, включавший 25 таблиц, суммировавших материал по различным сторонам жизнедеятельности хозяйства.

Даже простой перечень их названий убеждает, что бюджеты обследуемых хозяйств изучались весьма серьезно и глубоко.

Обследование производилось на основе опроса членов семей с использованием сведений о доходах, расходах и потреблении. Таким образом, достигалась максимально возможная полнота и достоверность данных. В основе бюджетных обследований был выборочный метод, посредством которого из генеральной совокупности выделялось определенное число семей (выборка), обследование которых обеспечивало необходимую репрезентативность полученных данных.

Репрезентативность выборки по отношению к генеральной совокупности обеспечивалась путем отбора различных по жизненному уровню типов семей. С целью получения реальной динамики показателей благосостояния обследования проводились регулярно в одних и тех же семьях. Единство программы обследования позволяло получить разноплановые статистические сведения о бюджетах семей по отдельным общественным группам с возможностью их сопоставления.

В советской истории бюджетной статистики крестьянских семей четко выделяются 3 этапа, отличающиеся не только масштабами и глубиной обследования, но и мерой научного обобщения полученных данных.

Первый – 1919–1929 гг. – плодотворный период изучения бюджетов крестьянских хозяйств, совершенствования методики обследования и обобщения полученных данных. Наряду с масштабными обследованиями и широкой публикацией итогов региональных обследований крестьянских бюджетов выходят теоретические работы по отдельным сторонам развития сельского хозяйства.

Второй – 1930–1950 гг. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в 1930-е гг. проводятся спорадически, по сокращенной программе и с достаточно отрывочными сведениями; они требуют дополнительной аналитической проработки. В военные годы спектр обследования бюджетов стал значительно богаче: от численного состава семьи, использования труда по сферам приложения, до оборота сельхозпродуктов в ЛПХ, доходно-расходных статей, включая потребление и питание.

Третий этап – 1960-е – первая половина 1980-х гг. Продолжается масштабное обследование колхозных семей; постепенно меняется не только глубина изучения бюджетов, но и резко сокращается объем сообщаемого статистического материала. Взамен детальных и достаточно объемных цифровых таблиц по традиционному кругу вопросов расширяется сфера «аналитических записок» и отчетов, исчезают обобщающие материалы по РСФСР. Ко второй половине 1980-х гг. статистика обследований бюджетов семей колхозников и рабочих совхозов полностью свертывается. В архивохранилищах материалов по более позднему периоду нет. Со вступлением в компьютерную эру материал бюджетных обследований, периодически проводящихся, хранится уже на электронных носителях, и на хранение в госархивы более не поступает.

В.А. Саблин (Вологда)

Нормативно-правовая основа земельной аренды в российской деревне в 1917–1920-е годы

Уничтожение в ходе аграрной революции 1917–1921 гг. частных форм землевладения и уравнительный передел земли приводили к постепенному замиранию арендных отношений в деревне. Декрет о земле и, в особенности, «Основной закон о социализации земли» 1918 г. исходили из категорического запрещения аренды, как одной из форм частного оборота земли.

Законодательное запрещение аренды земли не могло устранить условий, порождавших ее развитие в крестьянской среде. Более того, наделение землей всех желающих породило в деревне значительное число малосильных дворов, не способных существовать без сдачи в аренду своих наделов. Поэтому сохранялись скрытые формы аренды земли.

Закон о трудовом землепользовании (май 1922 г.) и Земельный кодекс РСФСР (декабрь 1922 г.) разрешали на определенных условиях «трудовую аренду земли». Для крестьянских хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий либо по причине недостатка у них инвентаря или рабочей силы, а также ее убыли допускалась сдача всей или части земли в аренду за уплату

деньгами, продуктами или другими видами вознаграждения. В развитие указанных норм по аренде на протяжении 1920-х гг. было опубликовано множество подзаконных актов. С 1922 по 1924 г. законодательство исходило из общего для всех 1920-х гг. трудового принципа землепользования, поэтому предполагало определенные условия, обеспечивавшие отношения аренды. Сдача земли в аренду не разрешалась для дворов, полностью прекращавших ведение самостоятельного хозяйства по причине переселения или перехода к другим занятиям. Категорически запрещалась субаренда. Согласно циркуляру НКЗ от 24 мая 1925 г. сданная в аренду земля изымалась и пользование землей вообще прекращалось при условии утраты двором «трудового строя, т.е. когда все наличные трудоспособные члены хозяйства не принимают непосредственного участия в работе по дальнейшему ведению хозяйства». Данное требование, равно как и первое, существенным образом коснулось распространенного в деревне промыслового отхода. Раньше промысловые хозяйства могли всей семьей жить на стороне, а так как право на землю за ними сохранялось, то они ее сдавали ежегодно в аренду и на долгий срок. В начале 1920-х гг., если отсутствующее хозяйство не обрабатывало само землю в течение двух лет, то оно теряло право на нее. Это обстоятельство сужало арендный внутриселенный фонд.

Важным условием договора аренды являлось то, что обязательства, связанные с использованием арендуемой землей, переносились на арендатора (съемщика) земли: «Падающие на сельское хозяйство сдатчика сборы, налоги и повинности в течение срока аренды уплачиваются арендатором в части, соответствующей количеству арендованной им земли».

Таким образом, законодательство первой половины 1920-х гг. в вопросах аренды всецело исходило из интересов беднейших слоев деревни – основных сдатчиков земли в то время. Между тем ряд положений законодательства вступал в противоречие с другими правовыми актами (в частности, с Кодексом законов о труде, разрешавшим применение «вспомогательного наемного труда»). Чрезмерно короткий срок аренды не являлся стимулом к рачитель-

ному использованию арендуемого участка и т.п. Эти и другие обстоятельства, в конечном счете, оборачивались против того же сдатчика земли.

20 мая 1925 г. III съезд Советов СССР изменил условия аренды земли. Был расширен минимальный срок аренды до двух севооборотов при многополье и на срок не выше 12 лет при трех- и четырехполье. Допускался наемный труд при обработке арендуемых участков. Земельным обществам предоставлялось право сдавать в аренду «отдельным землепользователям» свободные участки, допускалась аренда участков из государственных фондовых земель на срок до 12 лет. Рекомендованные изменения нашли отражение в Земельном кодексе РСФСР в 1926 г. Тем самым на время были обеспечены наиболее оптимальные по условиям нэпа возможности для развития арендных отношений.

XV съезд ВКП (б), прошедший в декабре 1927 г., положил начало постепенному свертыванию «либеральной» фазы нэпа. Взятый правящей партией курс на обобществление деревни упирался в ранее существовавшее земельное законодательство, поэтому власть активно взялась за его «исправление». Принимается решение о постепенном сокращении «площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где аренда ведет к росту кулацких элементов». Срок аренды земли ограничивался шестью годами и т.д.

Данные директивы нашли отражение в новом земельном законе «Общие начала землепользования и землеустройства», принятом 15 декабря 1928 г. Закон запретил кулакам сдавать землю в аренду. Крестьянин, регулярно сдававший землю в аренду, лишался этой земли, если по истечении установленного предельного срока не приступал к ее обработке. Ужесточались условия аренды, усиливался контроль сельсовета за этими отношениями и т.д. В конечном итоге, по мере насаждения колхозов и ликвидации «кулацких» хозяйств право заменялось политикой, отступало на задний план. По этой причине на протяжении 1917–1920-х гг. условий для масштабной коммерциализации крестьянского земледелия в стране не сложилось. Сами же отношения аренды-сдачи земли сохраняли в основе своей докапиталистический, потребительский характер.

А.В. Голубев (Москва)

Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (На примере внешнеполитических представлений первой четверти XX века)

В начале XX в. происходят поистине революционные изменения в восприятии внешнего мира. Прежде всего, интерес к миру (а в некоторой степени – и знание о происходящем в мире) перестают быть привилегией лишь образованных или полуобразованных слов и захватывают широкие массы населения, крестьянства в том числе. Во-вторых, отмечается постепенное вытеснение традиционных этнических стереотипов стереотипами с ярко выраженной политической окраской, или внешнеполитическими стереотипами.

Вместе с тем в стране, где основная масса населения обладала лишь элементарной грамотностью или просто оставалась неграмотной, формой бытования и проявления внешнеполитических стереотипов являлись слухи.

«Сведения о нашей внутренней и внешней политике, о событиях международной жизни деревня черпает не из газет» – говорилось в одной из брошюр 1920-х годов. По мнению автора брошюры, для крестьянства главным источником информации были слухи, которые зачастую сознательно создавал и распространял классовый враг.

Как утверждал В.В. Кабанов, слухи являются одним из интереснейших источников по изучению отечественного сознания; в его курсе лекций по источниковедению им посвящен специальный параграф. Впрочем, авторы коллективного труда по источниковедению советского общества говорят о слухах лишь в связи с характеристикой таких видов источников, как информационные документы власти или мемуары, дневники, письма. Другими словами, слухи становятся историческим источником тогда, когда они фиксируются в той или иной форме. Это точка зрения представляется более обоснованной.

Даже рассматривая слухи в качестве самостоятельного источника, исследователь все равно не может обойти вниманием специфику документа, в котором они отразились. В любом случае, только при комплексном подходе, учитывающем содержание тех или иных слухов, степень их распространенности и обстоятельства,

при которых они были зафиксированы, возможно с достаточной степенью достоверности реконструировать представления советского общества о внешнем мире.

Если говорить о восприятии внешнего мира в деревне, то там несомненно преобладали слухи о военной опасности. Конечно, среди досужих разговоров встречались и оценки политического или социально-экономического положения на Западе (иногда разительно отличавшиеся от официальных), и критические сравнения, но они вызывали заведомо меньший интерес населения.

Здесь можно ввести еще один классификатор, а именно, различать «слухи» и «толки». При том, что эти слова часто употребляются как синонимы, они отличаются в одном важном нюансе. Слухи прежде всего несут в себе какую-то информацию, предположительно новую для реципиента; толки же представляют собой обсуждение уже известной информации, формулирование того или иного отношения к ней. С этой точки зрения большая часть слухов, бытовавших в деревне, относилась к теме военной опасности, в то время как толки трактовали возможные причины и последствия войны, затрагивая, впрочем, и более широкие сюжеты, связанные с внешним миром. Конечно, на практике слухи и толки далеко не всегда можно разделить; как правило, слухи уже включают в себя элемент оценки, в то время как толки, помимо обсуждения, представляют собой и обмен информацией. Тем не менее, особенно по мере расширения источниковой базы, это различие в некоторых случаях стоит учитывать.

Изучение слухов, доминировавших в советском обществе 1920-х годов, позволяет сделать ряд выводов об этом обществе. Оно предстает расколотым, социально, политически, психологически неустойчивым; готовым поверить любым слухам, прежде всего – связанным с военной опасностью. В этом обществе, подавляющее большинство которого составляли крестьяне, в связи с недоверием к официальной пропаганде, именно слухи оказались основным средством социальной коммуникации – и одновременно важным индикатором, позволявшим власти, что называется, держать руку на пульсе общества.

В.А. Ильиных (Новосибирск)

**Сельскохозяйственные переписи конца 1910-х – 1920-х гг.:
поправки на недоучет посевов**

Сельскохозяйственные переписи являются основным источником реконструкции динамики сельского хозяйства России конца 1910-х – 1920-х гг. Во второй половине 1920-х гг. при публикации их материалов данные о посевных площадях корректировались поправочными коэффициентами, введение которых связывалось с преуменьшением крестьянами размеров посевов в своих хозяйствах.

Недоучет посевов впервые был зафиксирован в ходе имеющих локальный характер повторных выборочных опросов. Сопоставление по одноименным крестьянским хозяйствам карточек весенних сельхозпереписей с материалами начатых в 1923 г. систематических бюджетных обследований предоставило специалистам более представительный массив информации о недоучете. Бюджетные обследования точнее регистрировали размеры посевов, т.к. проводились тщательнее и более квалифицированным персоналом. Более высокой являлась и «правдивость» их респондентов.

Дальнейшая работа с крестьянскими бюджетами показала, что искренность владельцев обследуемых дворов не была абсолютной. Т.н. проверка балансовым методом, которая заключалась в приведении сообщаемых респондентами сведений в соответствие с зафиксированными по итогам бюджетного года показателями прихода и расхода продукции растениеводства, выявила занижение истинных размеров посева.

Используя крестьянские бюджеты для установления общего размера недоучета, специалисты, тем не менее, считали, что в силу фиксации базовых результатов по относительно небольшой выборке они недостаточно репрезентативны. В связи с этим с 1925 г. стали проводиться специальные контрольные обмеры посевных площадей, которые по сравнению с бюджетными обследованиями выявили еще больший недоучет.

Соответственно изменялись методики определения величин недоучета. В начале 1920-х гг. она, как правило, устанавливалась на основе экспертных оценок; в середине – по итогам сравнения

весенних сельхозпереписей и бюджетных обследований; в конце десятилетия – с упором на результаты контрольных обмеров. По мере совершенствования методики, поступления и обработки нового материала ранее принятые величины поправок пересматривались.

«Плавающий» характер поправочных коэффициентов наглядно можно продемонстрировать на сибирских материалах. Первым в Сибири официальным изданием, в котором сведения о размерах посевов за ряд предыдущих лет корректировались с учетом поправок, стал вышедший в 1926 г. «Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю». Его составителями были приняты следующие общерегиональные поправки: для 1916 и 1917 гг. – 10%, 1920 г. – 15, 1921 г. – 25, 1922 г. – 37,2, 1923 г. – 32,2, 1924 г. – 24,9, 1925 г. – 26, 1926 г. – 16,7%.

В мае 1929 г. в Сибкрайплане была завершена подготовка подборки материалов «Статистические сведения о народном хозяйстве Сибирского края за 1925–1928 гг.». Введенные в нее поправки на 1925 г. были увеличены до 39,3%, на 1926 г. – до 22,2, а на 1927 и 1928 гг. были установлены в размере 18,1 и 15,1% соответственно. Для 1916–1924 гг. поправочные коэффициенты не пересчитывались. В 1930 г. вышел статсправочник «Сибирский край», в котором приводились сведения о размерах посевов в регионе за 1927–1929 гг. Принятые его составителями поправки на недоучет составляли для 1927 г. – 18,4%, для 1928 и 1929 гг. – 14,5%.

В связи с тем, что зафиксированное в Материалах Сибплана изменение поправочных коэффициентов для 1925–1926 гг. до недавнего времени исследователям известно не было, при реконструкции динамики посевных площадей использовались несопоставимые данные. По 1925 и 1926 гг. брались данные из «Сборника статистико-экономических сведений», а по последующим годам – рассчитанные по измененной методике данные из статсправочника «Сибирский край».

Исходя из имеющейся в настоящее время в нашем распоряжении источниковой базы, более корректной представляется следующая динамика изменения посевных площадей в регионе: 1917 г. – 6557 тыс. дес., 1920 г. – 6711 тыс. дес., 1921 г. – 5435 тыс. дес.,

1922 г. – 4080 тыс. дес., 1923 г. – 4942 тыс. дес., 1924 г. – 5187 тыс. дес., 1925 г. – 5974 тыс. дес., 1926 г. – 6786 тыс. дес., 1927 г. – 7113 тыс. дес., 1928 г. – 7438 тыс. дес., 1929 г. – 7902 тыс. дес.

В.Я. Филимонов (Калуга)

Материалы волостных обследований 1925 года как источник изучения деревенской микроистории

Материалы волостных обследований, проводимых в 1920-е годы, – достаточно известный историкам вид источника. Еще в ходе проведения обследований их результаты широко пропагандировались партийными публицистами (А.М. Большаков, М. Хатаевич, Н. Росницкий и др.), и в последующие годы эти материалы привлекали внимание исследователей. Однако их изучение проходило преимущественно в контексте проблемы строительства и оживления деятельности органов советской власти на селе.

В этой связи нельзя не отметить, что круг вопросов, отраженных в рассматриваемых источниках, объем содержащейся в них информации выходят за рамки проблемы государственного строительства и позволяют раскрыть многие стороны жизни деревни тех лет. Так, анкеты обследования, проводимого в 1925 г., содержали более 200 вопросов для изучения. Среди них: народонаселение, экономическое положение, средства связи, кустарные промыслы, торговля, культурно-просветительные учреждения, школы, медицинские учреждения, противопожарные мероприятия, борьба с преступностью и др. Сведения, содержащиеся в анкетах зачастую носят описательный характер, тем не менее, позволяют увидеть обстоятельства деревенской жизни тех лет, деревенскую повседневность глазами очевидцев и участников событий, что дает возможность исследовать этот вид источника при изучении деревенской микроистории (в границах отдельной волости).

Конечно, анализируя материалы обследований, следует критически относиться к ряду содержащихся в них фактических данных статистического характера. В первую очередь это касается земельных ресурсов, форм землепользования, промыслов, отходничества и др. В этой связи показательна запись в одной из анкет:

«границы земель укрупненной волости не определены, официальных актов и планов в вике нет».

Нельзя не учитывать организационные издержки при проведении обследований. Так, Калужским губисполкомом в 1925 г. проведение обследований было поручено учителям школ, при этом работу необходимо было завершить в течение недели. Это приводило к тому, что в ряде пунктов анкет участники обследования отмечали: «сведений нет из-за отсутствия времени».

Обследование проводилось выборочным методом: по одной волости от каждого уезда. Однако критерии отбора волостей для обследования не были сколько-нибудь аргументированы.

В целом около 2/3 анкет обследования могут быть признаны достаточно информативными. Так, из 11 анкет обследования, проведенного в 1925 г. в Калужской губернии только 7 были признаны Губисполкомом соответствующими требованиям (при этом только одна анкета была отмечена как образцовая – Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда).

Материалы обследований свидетельствуют о неоднозначной оценке результатов укрупнения волостей, проведенного в 1924 г. Стремление сократить расходы на содержание аппарата привело к трудностям, связанным с удаленностью волостных центров от поселений и сельских советов, что затрудняло взаимосвязь местной власти с населением.

Итоги обследований широко освещались на страницах местной печати, обсуждались на различных уровнях власти. Изучение этих «сопутствующих» материалов позволят более аргументировано оценить репрезентативность анкет обследований, как источников изучения деревенской микроистории.

И.Б. Белова (Калуга)

Источники по проблеме переселения крестьян из Калужской губернии в районы Сибири в 1920 г.

В середине 1920 г. Советское правительство вынужденно вернулось к дореволюционной практике переселения крестьян Центральной России в районы Сибири. В телеграмме наркомзема

С.П. Середы от 25 июня 1920 г. содержалось разрешение «немедленно приступить к организации хоdacества в Тульской, Рязанской, Калужской и Воронежской губерниях», сообщалась дата начала перевозок – 5 июля 1920 г., определялось количество ходоков – не более 7,5 тыс. чел. на губернию, одновременно высылались образцы хоdacеских и переселенческих удостоверений.

Вопрос о переселении крестьянских семей из Калужской губернии в 1920 г. остаётся до настоящего времени малоизученным, количество переселенцев неизвестно. Это объясняется почти полным отсутствием документов этого периода в Госархиве Калужской области в фондах Губернского, уездных и волземотделов, на которые возлагалась непосредственная работа по проведению в жизнь переселенческой политики. В указанных фондах содержатся лишь фрагментарные сведения по данной проблеме.

Вместе с тем, искомые источники по изучению процесса и итогов переселения 1920 г. находятся в фондах Губернского и уездных управлений по эвакуации населения (бывшие пленбежи). Эти управления и осуществляли мероприятия, связанные с перевозкой ходоков и переселенцев в этот период. Источники можно условно разделить на следующие группы: 1) телефонограммы, копии постановлений СНК, Совета обороны, приказов Наркомзема, Центрэвака руководящего характера по вопросам переселения крестьян в Сибирь; 2) протоколы заседаний, доклады, отчёты уездных земельных отделов, уездэваков, содержащие разнообразную информацию о численности, половозрастной структуре, составе переселенческих групп, организации процесса переселения, его условиях; 3) межведомственная переписка уездных и волостных земельных отделов, ликвидационных комиссий освещает процедуру «ликвидации имущества» переселенцев (продажу земли, строений, живого и мёртвого инвентаря); содержит сведения о переселенцах, в т.ч. вернувшихся обратно, и отводе им земли в 1921 г.; 4) заявления крестьян о выдаче им разных видов хоdacеских и переселенческих удостоверений, дающие представления о динамике процесса переселения. Удостоверения вернувшихся ходоков, сдаваемые в уездные земотделы в обмен на переселенческие, содержат сведения о количестве десятин отведённой им земли в местах «нового водворения», данные о

возрасте, составе семьи, месте жительства ходока, маршруте следования (в удостоверениях делались отметки в регистрационных пунктах на железнодорожных станциях); 5) В отдельную группу можно выделить Анкеты об организации и деятельности местных структур по переселению в районы Сибири, которые содержат вопросы о суммах, израсходованных на переселение, количестве выданных ходаческих и переселенческих удостоверений и др. Из одного только Жиздринского уезда за вторую половину 1920 г. было отправлено около 4,5 тыс. ходоков и переселенцев, а в начале 1921 г. было приостановлено переселение ещё почти 2 тыс. чел.

В начале января 1921 г. переселение было приостановлено из-за обострения политической обстановки как в западносибирском, так и в других регионах страны. К этому моменту на железных дорогах ввиду «сильных снежных заносов и отсутствия топлива» скопилось до 2 тыс. вагонов с 50 тыс. переселенцев. Вагоны не отапливались, отсутствовало продовольствие и медицинская помощь. В этой связи всем местным земотделам и управлениям по эвакуации населения было предложено немедленно осуществить целый ряд мер по приостановке переселения «до более тёплого и благоприятного времени».

Таким образом, архивные материалы местных управлений по эвакуации населения, впервые вводимые в научный оборот, позволяют реконструировать процесс переселения крестьянских семей из Калужской губернии в районы Сибири в 1920 г. и расширяют представление о переселенческих процессах в Центральном регионе России в 1920 г.

Е.Г. Иванова (Калуга)

Источники по истории Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи

Крестьянская взаимопомощь была характерной чертой сельской жизни на протяжении всего исторического пути России. Она регулировалась системой традиционных норм поведения и была неотъемлемой составляющей повседневной жизни крестьянской общины. В обстановке перехода России к новой экономической политике идея общественной взаимопомощи нашла практическое

воплощение в форме Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ). Они были созданы в соответствии с декретом от 14 мая 1921 года, стали важными звеньями системы социального обеспечения на селе, заняли заметное место среди общественно-политических институтов деревни, в результате чего взаимопомощь переросла традиционные рамки и превратилась в разветвлённую организацию, в которой отражались и преломлялись социально-экономические проблемы деревни 1920-х гг.

Источники по истории крестьянской взаимопомощи отличаются разнообразием: законодательные акты, документы партийно-государственных органов, материалы делопроизводства партийных, государственных, хозяйственных и общественных организаций, в том числе ККОВ, как опубликованные, так и архивные, периодическая печать, мемуарная литература. Обилие источников приводит к тому, что выявление информации о кресткомах подчас носит случайный, эпизодический характер, а это затрудняет систематизацию собранных материалов.

Необходимость изучения широкого спектра источников объясняется, прежде всего, отсутствием собственного фонда КОВ в центральных архивах. Сведения о наиболее раннем периоде деятельности ККОВ, особенностях становления системы организаций взаимопомощи в 1921–1922 гг., собраны в фонде Народного комиссариата социального обеспечения ГАРФ. Большая часть материалов из этого фонда, относящаяся к 1923–1934 гг., была утрачена во время Великой Отечественной войны, поэтому исключительно важную роль играет изучение документов местных архивов.

О значительно лучшей сохранности документации на местах свидетельствует наличие в Калужском и Брянском государственных архивах отдельных фондов губернских ККОВ, в архиве же Брянской области – фондов уездных ККОВ. В них имеются заверенные копии постановлений и приказов, циркуляров и другие делопроизводственные документы ЦК КОВ и НКССО РСФСР, не сохранившиеся в центральных архивах. Здесь же содержится значительный пласт источников, принадлежащих местным руководящим органам. Особенности процесса образования и работы низовых

ячеек взаимопомощи отражают протоколы заседаний сельских советов, приговоры сельских сходов, материалы волостных обследований. Эти источники различны по степени информативности и достоверности. Так, к примеру, отчёты губКОВ и ЦК КОВ создавались на основе материалов, предоставленных уездными, волостными и сельскими кресткомами и содержали сведения по всем направлениям деятельности: о числе комитетов взаимопомощи в губерниях, о размерах их материальных и денежных фондов и источниках их формирования, о видах помощи, оказываемой крестьянству, о численности предприятий и величине общественных запасек. При этом для улучшения показателей в отчёты более высокого уровня вносились поправки и обобщения, поэтому наибольшей достоверностью отличаются отчёты низовых комитетов.

Своеобразным источником, позволяющим выявить крестьянские настроения в целом и в отношении Комитетов крестьянской взаимопомощи в частности, являются сводки ВЧК – ОГПУ. С 1924 года информация о состоянии КОВ выделялась в особую графу, что даёт возможность расширить наши представления о нарушениях законности, о хищениях и растратах в Комитетах, об отношении сельского населения к сотрудникам кресткомов. Особенностью данного вида документации является то, что приводимые там сведения интерпретировались под воздействием текущих политических установок.

Взаимное дополнение материалов местных и центральных архивов, их комплексный анализ позволяют более глубоко и всесторонне исследовать проблему организации Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи.

О.В. Плеханова (Рязань)

Фонды сельских советов как источник изучения дифференциации налогообложения крестьянских хозяйств во второй половине 20-х гг. XX в. (по материалам Московской, Рязанской, Тульской губерний)

Переход к реконструктивным процессам и одновременное развитие рыночных отношений в аграрном секторе повлекли за собой изменение системы налогообложения в сельском хозяйстве во вто-

рой половине 1920-х гг. Фонды сельских советов Государственных архивов Рязанской и Тульской областей, Центрального государственного архива Московской области позволяют составить представление об экономическом и платежеспособном состоянии крестьянского хозяйства исследуемого региона. В них содержатся сведения областного масштаба об уровне развития крестьянского хозяйства, проведении кампаний по сбору сельхозналога, статистический материал о налоговых сборах с крестьян. Эти данные позволяют проанализировать налоговую политику с учетом специфических особенностей аграрного сектора. Московская, Рязанская, Тульская губернии в силу сходных исторических и природно-географических признаков входили в Центральный промышленный район, где социально-экономическая политика правительства была выражена более отчетливо, чем в других регионах страны.

Для сельскохозяйственных районов этих губерний было характерно аграрное перенаселение и потребляющий характер крестьянских хозяйств. Нормы дифференцировались по губерниям, уездам с учетом доходности хозяйств. Начисление проводилось в рублях. Материалы пофамильных учетных карточек плательщиков единого сельхозналога, составляемые сельскими учетными комиссиями, свидетельствуют о том, что предметом обложения была пашня, крупный рогатый и мелкий скот, заливные луга, доходы от неземледельческих заработков, доходы от сада и огорода. В Рязанской губернии при обложении сельхозналогом учитывалась социальная дифференциация: с бедняка взималось 2 коп. с каждого рубля, с зажиточного – 20 коп. Беспосевные хозяйства Тульской губернии в 90% случаев стали платить налога меньше. В Московской губернии средние хозяйства платили налога по 10 руб. 4 коп., хозяйства выше среднего по 15 руб. 30 коп., а крупные по 34 руб. 11 коп. Причем середняцкие хозяйства стали уплачивать налога меньше, чем в 1925/26 г., а крупные – больше. В 1927/28 гг. в соответствии с принципом дифференциации по Московской губернии ставки налога были уменьшены для бедняцкой группы на одного едока от 40 до 20 руб.; для середняцких с 12 руб. до 6 руб. Данные учетных карточек говорят о неуклонном повышении сельхознало-

га для зажиточных хозяйств к концу 20-х гг. В Рязанской губернии, чем выше был доход крестьянского хозяйства, тем выше была сумма налога: с дохода свыше 150 руб. хозяйство должно было заплатить 4 руб. 75 коп., с дохода в 300 руб. – 11 руб.; в 300–500 руб. – 40 руб. По данным учетных карточек прослеживается и система дополнительных скидок. Для хозяйств с одним едоком налог снижался на 30% против исчисленной суммы, с двумя едоками – на 20%. В условиях роста промышленности и аграрного перенаселения такая политика приводила к нежеланию крестьян заниматься сельским хозяйством, оттоку рабочих рук в город.

Увеличение сельхозналога предусматривалось на 1928/29 г. за счет повышения обложения неземледельческих заработков. Из их числа облагался личный труд по найму, отхожие промыслы, кустарные и ремесленные промыслы с применением наемных рабочих. Анализ материалов фондов сельских советов свидетельствуют, что налоговая политика не учитывала специфику сельского хозяйства и российской деревни как особого социального сообщества.

Документы носят сложный многоаспектный характер. Недостатком их является неполная сохранность данных за каждый хозяйственный год, что не дает возможности проследить эволюцию доходов конкретных крестьянских хозяйств второй половины 20-х гг. XX в.

В. С. Жукова (Вологда)

Источники по социальной дифференциации крестьянства России в 1920-е годы

С переходом к нэпу центральное место в дискуссиях по аграрным вопросам заняла проблема дифференциации крестьянских хозяйств, их устойчивость, эффективность, организационно-производственные формы. Экономисты большевистской ориентации (Л. Крицман, П. Гайстер, М. Кубанин) считали неизбежным расслоение сельских товаропроизводителей и воспроизводство капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Соответственно политика большевиков в деревне должна была учитывать данный аспект, вставал вопрос об используемых методах при определении крестьянских хозяйств в ту или иную группу.

В 1920-е годы проводились обследования крестьянских хозяйств. Они были организованы для изучения социально-экономических процессов внутри крестьянства, характера изменений производственных отношений и классового состава.

Наиболее оперативными формами статистико-экономических источников были статистическая периодика («Бюллетень ЦСУ», «Вестник статистики», «Статистика труда»), а также сведения, публикуемые на страницах таких изданий, как «Власть Советов», «Известия ЦК РКП (б)». Нередко в центре и на местах выходили специальные статистические сборники.

Большой интерес для исследователей материального положения крестьян Европейского Севера России имеют неопубликованные первичные материалы обследований крестьянских хозяйств, которые отложились в центральных и местных архивах (РГАЭ. Ф. 1562; ГАРФ. Ф. 374, 406; ГАВО. Ф. 143, 213; ГААО. Ф. 187, 220, 398, 2163; Отдел ДСПИ. ГААО. Ф. 1). Они подразделяются на несколько видов: материалы по статистике сельскохозяйственного производства (весенние и осенние переписи) за 1922/23, 1925/26, 1928/29 гг., динамические (гнездовые) переписи за 1927/28, 1928/29 гг., монографические описания крестьянских хозяйств 1919/20 г., бюджетные обследования 1923/24, 1926/27 гг. Динамические (гнездовые) переписи – ежегодные обследования одних и тех же хозяйств в одних и тех же волостях (гнездах-районах). Они являются наиболее массовым источником среди выборочных обследований деревни. Бюджетные обследования крестьянских дворов содержат подробную информацию о крестьянском хозяйстве и семье. Эти обследования предусматривали детализированное описание всего, что имело хозяйство, регистрировали приходы и расходы двора, рыночный оборот продуктов, личное потребление, а также бюджет времени, затрачиваемого крестьянами на ту или иную деятельность.

Опираясь на эти данные, все крестьянские хозяйства делились по экономической состоятельности на три типа: кулацкое, бедняцкое и середняцкое хозяйства. Основной принцип группировки крестьянских хозяйств, используемый для обработки бюджетных

материалов, был по посевным группам. Многие критиковали данный принцип дифференциации. Так, В.И. Ленин отмечал, что определить социальную принадлежность крестьянина на основании данных о количестве посевных площадей или скота практически невозможно. Л.Н. Литошенко указывал на то, что при использовании данной группировки нужно ставить именно те цели, которые она может решить, в частности распределение хозяйств по размерам. Так, в анализе пространственной характеристики хозяйства можно выделить основные закономерности в развитии крупного, среднего и мелкого хозяйства. В силу технико-экономической зависимости размеры посевной площади связаны с наличием средств производства, которыми располагает хозяйство, а их количество неким образом оказывает влияние на общую доходность. Группируя хозяйства по посеву, мы имеем общую для разных районов закономерность: при увеличении посева увеличивается число работников, голов скота, построек, инвентаря. Изучение материалов бюджетной статистики дает возможность утверждать, что к концу 1920-х гг. не было глубокого и резкого социального расслоения. Противоположные социальные группы крестьянства – сельский пролетариат и кулачество составляли незначительную часть сельских обывателей.

И.В. Гончарова (Орел)

**Сельскохозяйственная статистика и проблема расслоения
крестьянства накануне коллективизации
(на материале Центрального Черноземья)**

Важнейшим вопросом, волновавшим партийное руководство в 1920-е гг., было социальное расслоение деревни. Советская власть этой непростой проблеме, встроеной в сложную систему внутريدеревенских отношений, обусловленной не только экономически, но и эмоционально, и этически крестьянским сообществом, придала политическую окраску. В первой половине 1920-х гг. планомерного изучения расслоения деревни не велось. Задачи модернизации заставили большевиков пересмотреть социальную политику на селе. Социалистическое преобразование де-

ревни было невозможно без формирования социальной базы, фаворитизации бедноты и изоляции зажиточного крестьянства. Изучение расслоения деревни, таким образом, приобретало роль политического заказа.

Статистические исследования в Орловской губернии начались с динамического обследования крестьянских хозяйств в 1926 году, разработанного по предложенным ЦСУ качественным типологическим признакам (схема А.И. Хрящевой). Выделялось 5 типов крестьянских хозяйств: 1) предпринимательские; 2) полупредпринимательские; 3) самостоятельные; 4-5) зависимые.

Проблема расслоения крестьянских хозяйств в конце 1920-х гг. стала задачей номер один для партийных теоретиков и статистиков, при этом политические установки во многом опосредовали статистические выкладки. В.П. Данилов обращает внимание на смену руководства сельскохозяйственной статистикой в декабре 1925 г. «Стариков-земцев» П.И. Попова и А.И. Хрящеву сменили молодые и исполнительные В.С. Немчинов и А.И. Гайстер. Как следствие, предоставление политике угодных ей сведений.

Свидетельством тому является полемика, развернувшаяся на страницах журнала «Хозяйство ЦЧО». Дискуссия вокруг методов исчисления социальных групп в крестьянстве была завуалированной дискуссией о численности кулаков в черноземной деревне. Перед статистиками стояла нелегкая задача: как в бедном, оскудевающем районе насчитать необходимую для Москвы цифру кулацких хозяйств. Как следствие – использование многочисленных манипуляций.

В «Хозяйстве ЦЧО» № 1 за 1929 г. была опубликована статья И. Варгафтика «О расслоении». В ней описывался метод определения крайних групп в сельском хозяйстве по признакам: 1) отделения средств производства от рабочей силы; 2) присвоение прибавочной стоимости. Схема обследования строилась, исходя из установок Крицмана и Немчинова, отказывавшихся от «натуральных» показателей схемы Хрящевой, на основе которой вычислялась социальная структура в годы нэпа. Процент кулаков натягивался искусственно, путем если не подтасовки, то, по крайней мере, выгодной, но весьма сомни-

тельной статистической комбинации способом манипуляции различными критериями (стоимость средств производства, найм, посевная площадь и т.д.). При этом анализа репрезентативности данных динамических гнезд для Воронежского округа, где проводилось обследования, не было, и совершенно не учитывалась хозяйственная разница между округами, входившими в ЦЧО.

Оппонентом Варгафтика выступил С. Алексеев. Он исходил из того, что «расслоение крестьянского хозяйства в ЦЧО протекает в специфических условиях оскудения области, которые накладывают своеобразный отпечаток как на формы расслоенности крестьянского хозяйства, так и на темп процессов расслоения». В ЦЧО обеспеченных тягловой силой зажиточных хозяйств было в 8 раз меньше, чем в РСФСР. Отсюда следовал вывод, что подходить к исследованию классового состава деревни ЦЧО с союзной меркой нельзя.

Алексеев критиковал Варгафтика за стремление подкорректировать прямые статистические данные с 2,5% до 4,27%. Вторичное выделение мелко-капиталистических хозяйств в два с половиной раза превосходило число хозяйств, отнесенных к кулацкой верхушке по прямым подсчетам. Такая внушительная поправка стала возможной вследствие смешения разных принципов исследования – «принципов основной типологической схемы» и натуральных.

Таким образом, печатная полемика вскрывала механизмы статистических манипуляций для достижения необходимых «контрольных цифр» кулаков в бедной черноземной деревне.

О.А. Сухова (Пенза)

**Информационные сводки ОГПУ и проблемы
властно-политического регулирования в 1920-е гг.:
методика и методология изучения**

Современный уровень развития источниковедения и методологии исторической науки позволяет иначе оценивать репрезентативность и достоверность отчетной документации региональных отделов ОГПУ о содержании массовых настроений. Даже с учетом всех претензий критического характера, «обвинений» в отсутствии единообразия в критериальном и территориальном отношении, субъекти-

визме и тенденциозности оценок, неравномерности мониторинга суждений по содержательной компоненте, научная ценность документов подобного рода представляется весьма высокой.

Информация ментального характера почти никогда не представлена в «чистом» виде, поэтому при работе с текстом возникает проблема ее «расшифровки», поиска подлинного смысла, нередко противоречащего как формальному выражению значения, так и его интерпретации субъектами исторического процесса. Научная истина в этом отношении может быть достигнута только путем привлечения всей совокупности источников и их всестороннего системного анализа, создания методологической основы, научной гипотезы, позволяющей осуществить отбор ведущих ситуаций и максимизацию возможностей вспомогательных доказательств, что ведет к выявлению наиболее достоверной объяснительной модели. При этом характер и направленность трансформации социальных чаяний следует рассматривать в проекции на конкретно-историческую ситуацию, в которой реализуются те или иные поведенческие стереотипы, но обязательно с учетом ретроспективного метода изучения вопроса.

Информационные сводки воспроизводят, пусть и в адаптированном для властей виде, содержание социальных представлений по определенным проблемам современности. Однако, выстраивание системы аргументов в пользу тезиса об установлении тотального контроля над социальными системами и отработки механизмов властно-политического регулирования («меры приняты») отнюдь не исчерпывает всего значения данного источника.

Одной из функций ОГПУ в рассматриваемый период выступал мониторинг внутривластной доктрины на предмет соответствия массовым ожиданиям, чтобы впоследствии путем манипуляции последними обеспечить надежные гарантии стабильности властных институтов. В этом отношении «любую имперски-патерналистскую систему можно представить как информационное пространство, которое “работает” в условиях постоянной сакрализованной подпитки». Усиление же значения мифа в революционную эпоху как косвенное свидетельство архаизации общественно-

го сознания признается сегодня все большим числом исследователей. Вряд ли можно считать случайным тот факт, что «пролетарская» революция реактуализировала лексику (включая церковнославянскую), восходящую к XV–XVII вв.

Встраивание крестьянства в новую политическую реальность было не такой уж простой задачей: в основе массовых социальных представлений прочно покоилась архаика, государство же разрабатывало модель «гиперрывка» в рамках ускоренной модернизации. Это глубинное противоречие могло разрешиться для страны очередным системным кризисом. Поэтому властным структурам предстояло выполнить важную миссию: выявить те рекреационные сферы крестьянского сознания, которые, несмотря на явную архаичность, помогут избежать конфликта ценностных ориентаций и снизить социальное напряжение. Перспектива превращения деревни в «жертву» индустриального рывка требовала построения жесткой вертикали власти с высокой степенью дисциплинарной ответственности. Компенсирующим фактором выступали «чистки» и репрессии в отношении низового аппарата управления, борьба с бюрократизацией и «комчванством», с «каракулевыми воротничками» как политика, соответствовавшая принципам эгалитаризма.

Системный анализ такого вида источников, как информационные сводки ОГПУ, позволяет не только получить достоверное суждение о содержании социальных представлений, но и найти надежное обоснование той модели социально-политического взаимодействия, что была реализована в стране в 1920-е – 1930-е гг.

М.М. Кудюкина (Москва)

**Демографическая статистика голода 1932–1933 гг.
(по материалам Российского государственного архива экономики)**

Изучение проблем голода 1932–1933 гг. стало особенно актуальным в связи 75-летней годовщиной этих событий и требованием Украины признать «голодомор» геноцидом украинского народа. Нет единого мнения по поводу количества жертв голода – оценки ученых колеблются в диапазоне 3–7,5 млн человек, из которых, по мнению большинства исследователей, примерно поло-

вину составляли жители Украины. Столь существенное расхождение во взглядах связано не только с применением различных методик подсчета, но и с тем, что данные по естественному движению населения (рождаемости и смертности) были рассекречены сравнительно недавно и, несмотря на повышенный интерес исследователей к этим материалам, до сих пор еще далеко не полностью введены в научный оборот. Основной массив данных по народонаселению СССР за этот период хранится в фонде Центрального статистического управления СССР в РГАЭ.

С определенной долей условности документы, изучение которых может уточнить представления о количестве жертв голода (в том числе и по различным регионам страны), делятся на три группы: 1. данные по естественному движению населения, 2. аналитические материалы о состоянии учета населения, подготовленные сотрудниками ЦУНХУ и 3. материалы по механическому движению населения.

Таблицы по естественному движению, подготовленные региональными управлениями народно-хозяйственного учета и ЦУНХУ, содержат материалы о рождаемости и смертности населения по годам, месяцам, регионам СССР, возрасту, полу, социальному положению, национальности, в сельской местности и городах, а также сводные данные по стране в целом и по годам. Полнота и достоверность этих сведений справедливо подвергаются критике, во-первых, из-за несовершенной системы учета естественного движения населения, что приводило к недоучету как рождаемости, так и смертности; во-вторых, не на всех территориях СССР существовала развитая сеть ЗАГСов; в-третьих, в причинах смерти было запрещено указывать «смерть от голода»; в-четвертых, книги ЗАГСов были уничтожены, что лишает возможности оценивать достоверность итоговых данных сравнением их с первичными материалами. Тем не менее эти недостатки частично компенсируются возможностью сопоставления сведений ЦУНХУ, Наркомфина и НКВД и, главным образом, анализа содержания приложенных к таблицам справок, сопроводительных писем и примечаний, разъясняющих степень охвата населения, условия сбора сведений и т. д. Кроме того, недоучет населения доисчислялся ЦУНХУ. О масштабах и географии голода

позволяют судить и данные Отдела статистики здравоохранения о распространенности инфекционных и эпидемических заболеваний, неизбежно вызываемых голодом.

Значительный интерес представляют аналитические материалы о состоянии учета народонаселения, подготовленные в УНХУ РСФСР и ЦУНХУ. В них содержатся оценки достоверности статистики и состояния учета народонаселения, в том числе в конце 1920 – начале 1930 гг., т.е. еще до начала голода, результаты проверки учета населения в 1933 г. в различных регионах, в том числе и голодавших. Особое место занимают аналитические материалы, подготовленные как специалистами ЦУНХУ, Госплана, так и НКВД, объясняющие результаты переписи 1937 г., показавшей недостаточный прирост населения по сравнению с предварительными расчетами, наряду с другими факторами и неучтенной избыточной смертностью 1933 г.

Материалы о механическом движении населения содержат сведения о миграции населения, в том числе из сельских местностей в города, из голодающих регионов в более благополучные. Эти данные также позволяют уточнить оценку количества безвозвратных потерь населения в голодающих регионах, исключив из числа убыли сельского населения мигрантов в другие регионы и города.

Таким образом, несмотря на то, что вряд ли когда-нибудь полностью утихнут дискуссии о точном количестве жертв голода в регионах страны и в СССР в целом, тщательный анализ материалов, хранящихся в фондах РГАЭ, позволит более аргументированно и взвешенно анализировать прошлое.

Е.М. Тимошечкина (Воронеж)

Сводки районных административных отделений и окружного административного отдела как источник для исследования противодействия крестьянства проведению политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО

Для регулярной связи центрального аппарата НКВД с местными административными органами и получения своевременной полной информации об их деятельности согласно циркуляру НКВД РСФСР от

3 декабря 1929 г. «О постановке информационной работы в административных органах» окружные административные отделы обязывались собирать сведения от районных административных отделений, суммировать их и обобщать в ежемесячные информационные сводки. Они составлялись административными органами и в Борисоглебском округе ЦЧО. Часть из них отложилась в фондах Государственного архива Воронежской области и Государственного общественно-политического архива Воронежской области и в настоящее время доступна для исследовательской работы. Среди многочисленных тем в сводках нашли отражение настроения различных слоев населения в связи с проводимыми властью мероприятиями и случаи массовых выступлений против них. Содержащиеся в сводках материалы целесообразно использовать для исследования противодействия крестьян проводимой в деревне политике ликвидации кулачества как класса на территории округа в 1930 г.

Сводки административных органов относятся к числу информационно насыщенных видов исторических источников. Их высокая ценность выражается в том, что они содержат многочисленные конкретные факты, подробности, детали излагаемых событий и действий их участников, причем таких подробных сведений о сопротивлении крестьян нет в других документах районных и окружных органов власти, более того сводки РАО и ОкраО существенно дополняют и некоторые сообщения об этом органов ОГПУ.

При изучении сводок перед исследователем стоит, прежде всего, задача выяснения степени достоверности отраженных в них фактов. С этой целью проводилось сопоставление их с другими источниками, например, такими как письма, докладные записки, протоколы заседаний партийных и советских организаций, жалобы и заявления крестьян, материалы следственных дел.

Содержательный анализ отраженной в документах информации позволяет установить мотивы, побуждавшие крестьян оказывать противодействие раскулачиванию и многообразию проявления этого противодействия. В результате изучения сводок удалось выявить, что крестьяне не давали арестовывать кулаков, конфисковывать у них имущество, выселять семьи раскулаченных из мест

постоянного проживания, предпринимали попытки вернуть отобранное имущество их бывшим хозяевам.

Критическая оценка приведенных в сводках высказываний и заявлений крестьян позволяет судить, насколько обоснованными и разумными были требования крестьян в каждом отдельном случае, а также определить, соответствует ли характеру этих требований данная им политическая оценка. Анализ фактического материала сводок позволяет заключить, что протестное поведение крестьян носило стихийный характер и не было результатом деятельности контрреволюционных организаций, а являлось вынужденной ответной реакцией на насильственные действия власти.

Информационные сводки содержат, на наш взгляд, достаточно данных для получения обобщенной картины противодействия сельского населения раскулачиванию в целом по округу и объективных выводов о причинах сопротивления крестьян власти, его размахе и массовом характере.

Сводки районных административных отделений и Борисоглебского окружного административного отдела, впервые вводимые в научный оборот, существенно дополняют уже известный круг источников не только по истории конкретного региона – Центрального Черноземья, но и по истории коллективизации и раскулачивания в СССР.

В.В. Наухацкий (Ростов-на-Дону)

**Политотделы МТС Северо-Кавказского края:
проблема источников**

В современной исторической литературе не только произошла смена теоретических постулатов, но и существенно изменилась направленность в отборе конкретно-исторического материала по истории коллективизации. Акцент сделан главным образом на негативных сторонах истории коллективизации, её драматических и трагических страницах. Такой подход к изучению прошлого не позволяет отразить всю палитру исторического пути советского крестьянства.

В этой связи обратим внимание на субъективизм в подборе архивных материалов при характеристике деятельности политотде-

лов. Причём, данный принцип был присущ как советской литературе, которая привлекала архивные данные о позитивных сторонах деятельности политотделов, так и не чужд некоторым современным авторам, стремящимся опубликовать архивные документы, которые отражали бы исключительно негативный, противоправный, насильственный характер деятельности политотделов. В советский период такой подход был следствием идеологического диктата, а в настоящее время отражает стремление ввести в научный оборот ранее недоступные источники, а также доминирование в общественном сознании либеральных установок.

Привлечение ранее секретных архивных документов о деятельности политотделов МТС края позволяет существенно расширить наши представления о ходе коллективизации, состоянии крестьянских хозяйств и аграрного производства в начале 1930-х годов, репрессиях в деревне, настроениях колхозников и единоличников, антиколхозных и антисоветских выступлениях, хлебозаготовках, продовольственном положении, голоде и мерах борьбы с ним, становлении форм организации производства и управления в колхозах, формировании региональной колхозной элиты, колхозной повседневности.

Наибольший интерес с точки зрения анализа названных проблем в регионе представляют политдонесения политотделов МТС, в том числе итоговые за 1933 г., сводки о работе политотделов края, спецсводки, спецсообщения, справки Информационного отдела полномочного представительства ОГПУ Северо-Кавказского края и ряд других документов. В этих документах содержатся сведения о продовольственных трудностях, голоде и его жертвах в регионе, о состоянии трудовых ресурсов колхозов, о мерах помощи крестьянам в преодолении голода и его последствий. Хотя в документах отсутствует сводная статистика по голоду, они представляют несомненный интерес для анализа проблемы.

Привлечение документов политотделов позволяет судить о настроениях крестьян и их отношении к колхозному строительству, даёт возможность изучить, с одной стороны, вопрос о социальной опоре большевиков в деревне во время коллективизации, а с другой – действительные масштабы и характер сопротивления

крестьян, не признававших колхозное строительство. Источники позволяют увидеть не только масштабы гражданского противостояния в деревне, но и сдвиги в психологии и мотивации поведения крестьянства. Эти же источники помогают понять роль органов ОГПУ в создании колхозов.

Архивные документы позволяют расширить наши представления о результатах деятельности политотделов МТС Северо-Кавказского края, которая носила противоречивый характер. С одной стороны, они активно проводили в жизнь жесткие установки власти и насаждали командные методы руководства, с другой стороны, боролись с уравниловкой и обезличкой, организовывали хозрасчетные бригады, внедряли индивидуальную и бригадную сдельную оплату труда. Именно такая многогранность деятельности политотделов МТС привела к становлению хозяйственного механизма колхозной системы.

Изучение архивных документов по истории политотделов МТС показывает, что в их деятельности противоречиво соединились прагматические мотивы разрешения жизненных проблем деревни; догматические установки о классовых врагах, недопустимости товарно-денежных отношений и преимуществах коллективного хозяйства; реализация установок центра об обеспечении приоритета государственных интересов над интересами крестьянства.

М.Н. Глумная (Вологда)

**Социальная структура колхозного социума
в делопроизводственной документации партийных органов
(на материалах колхозов Европейского Севера России 1930-х гг.)**

Советское государство играло активную роль в формировании новой социальной структуры деревни. Большой массив информации, отражающий этот процесс, отложился в делопроизводственной документации партийных органов республиканского, краевого уровня. Особый интерес представляют делопроизводственные источники управленческого характера: протокольная документация, отчетные и информационные документы. Ценность этих источников не только в их массовости и доступности

для исследователя, но и в достаточно высокой степени репрезентативности и достоверности.

Так, в фондах областных комитетов партии сохранился значительный пласт разного рода докладных и информационных записок уполномоченных по сельскохозяйственным кампаниям, инструкторов сельскохозяйственных отделов.

Как правило, командированный в район инструктор или уполномоченный получал информацию не только в результате общения с районными руководителями или изучения разного рода управленческой документации на местах, но и лично посещал несколько колхозов, принимал участие в колхозных собраниях, общался с колхозниками. И хотя интерпретация тех или иных фактов в устах таких проверяющих имела определенную идеологическую заданность, тем не менее, воссоздать реалии колхозной жизни на основании этих документов возможно.

Целью направления инструкторов и уполномоченных в районы было оказание помощи на местах в организации сельскохозяйственных кампаний, ликвидация разного рода нарушений и «прорывов». Особое внимание уделялось «человеческому» фактору в обеспечении успеха кампаний. Поэтому записки содержат качественные характеристики управленческих кадров колхозов, информацию о передовиках сельского хозяйства, о взаимоотношениях между различными категориями колхозников. Документы рисуют достаточно неприглядную картину положения дел в колхозах, однако серьезных различий в объеме «негатива» в записках «внешних» проверяющих, с одной стороны, и отчетах райкомов партии, с другой, что позволило бы говорить о сокрытии информации, не выявлено. Личность уполномоченного, его прямые должностные обязанности, уровень культуры и пр. оказывали определенное влияние на содержание записок. Отсюда – в записках, составленных, например, финансовыми работниками особое внимание уделялось финансовому состоянию колхозов и финансовой дисциплине колхозных руководителей.

В целом названные документы дают представление о складывавшихся в колхозном социуме группах, позволяет выявить характерные для них поведенческие модели и практики.

Не меньший интерес представляют стенограммы совещаний и слетов колхозников-ударников, стахановцев, а также совещаний при партийных и земельных органах по тем или иным вопросам сельского хозяйства. Хотя в конце 1930-х гг. значительную часть выступлений колхозников на подобных форумах составляют словословия в адрес руководителей партии, все же источники позволяют вычленить основные линии групповой и личностной самоидентификации разных категорий колхозников. Особенно выпукло это проявляется у «передовиков» («ударников», «стахановцев»), самоидентификация которых во многом шла под влиянием властной номинации.

Среди других видов делопроизводственной документации, позволяющей увидеть формирующуюся в 1930-е гг. систему социальных связей и групп в колхозной деревне, следует назвать материалы обследований колхозов специальными комиссиями в составе представителей районных (областных) партийных и советских органов, а также заявления колхозников на имя руководителей региональных (республиканских, союзных) партийных и советских органов. Особую группу среди последних составляет переписка ударников с партийными комитетами. Это своего рода письма-анкеты, в которых содержатся ответы на вопросы, поставленные партийными органами.

Разумеется, изучение социальной структуры села предполагает привлечение и других видов источников.

Н.Г. Кедров (Санкт-Петербург)

**Крестьянские «письма во власть»
как форма политической репрезентации
(на материалах северной деревни 1930-х годов)**

Под «письмами во власть» в современной исторической литературе принято понимать широкий комплекс различного рода заявлений, прошений, жалоб и ходатайств граждан СССР в органы власти, партийным вождям и редакции советских газет. Эти документы уже давно используются историками для изучения различных аспектов истории советского общества (в том числе и полити-

ческих представлений крестьянства). В качестве инструмента анализа «писем во власть» обычно применяются различные социологические методы, в частности контент-анализ. Акцентируя внимание на коллективных представлениях, выраженных в самих письмах, в этих исследованиях не всегда в полной мере учитывается специфика коммуникационного акта, в ходе которого представления были выражены в дискурсе.

Рассмотрим «письма во власть» как форму политической репрезентации. Репрезентациями являются символические практики выражения субъектом своих представлений. Можно выделить три уровня политической репрезентации. Первый – уровень формальной репрезентации, соответствует представлениям, выраженным индивидом непосредственно в дискурсе (он отражен в содержании писем). Второй уровень – прагматика репрезентации, связан с теми целями, которые ставил перед собой индивид в акте выражения образа. Наконец, третий уровень обозначим как надпрагматический. Он включает в себе те представления индивида, которые не были обозначены им в дискурсе, однако о наличии которых мы можем предположить, исходя из прагматической составляющей коммуникативного акта. Целью настоящей работы является попытка, исходя из данных, отраженных в письмах крестьян (т. е. уровня формальной репрезентации) увидеть сквозь «одежды» крестьянской прагматики некие сущностные представления крестьянства о власти.

В историографии «письма во власть» нередко рассматривались как форма социального протеста крестьянства. Однако анализ их содержания свидетельствует скорей об обратном. Форма обращений к власти в письмах была крайне почтительной, характерной для нее была патетика. Исключением из этого правила были, пожалуй, лишь анонимные послания. Описания институтов власти в письмах сравнительно редки. При этом крестьяне нередко обращались к устойчивым, транслируемым политической пропагандой, формулам. Наконец, следует отметить, что в ходе подачи прошений выработался и специфический механизм критики. В частности, «письма во власть» содержат два необходимых элемента такого механизма. Во-первых, в них присутствовала ссылка на

непогрешимый авторитет высшей власти. Во-вторых, виновниками описываемых проблем назывались представители власти районного и местного уровней. Таким образом, протест крестьян в «письмах во власть» приобретал обтекаемые, дозволенные самой властью формы, становился частью более масштабного конформистского акта. Последнее свидетельствует отнюдь не о политической доверчивости крестьянства, а лишь о том, что в основе прагматики крестьянских писем лежали мотивы политической лояльности советской системе.

Закономерен в таком случае вопрос: каковы были крестьянские представления об ожидаемой интеракции власти? Показательна широта вопросов, с которыми обращались крестьяне 1930-х годов в органы власти. Создается впечатление, что в представлении жителей села власть была должна решать любые проблемы (даже те которые они могли решить непосредственно сами). Еще одним важным аспектом взаимодействия было то, что крестьяне не предполагали своего участия в деятельности власти. Власть конструировалась крестьянами отдельно от остального общества, как надсоциальная сила, которую можно только просить. Таким образом, в большинстве своем авторы писем изначально ставили себя в пассивное положение перед объектом коммуникации. Безусловно, такое понимание крестьянством власти в целом способствовало устойчивости советского политического режима.

А.Ю. Безденежных (Екатеринбург)

Письма крестьян как исторический источник по изучению повседневной жизни

Одним из важнейших источников по изучению повседневной жизни крестьян являются их письма во властные органы. Среди них особый интерес представляют прошения раскулаченных крестьян. Данные документы хранятся в различных архивах, в том числе и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО).

Письма при советской власти крестьяне писали всегда, однако апогеем их обращений можно считать период 1930–1936 гг. Именно за эти годы отложилось наибольшее количество писем.

В ГАСО все письма крестьян собраны в единый фонд р-88 (Облсполком), здесь они были распределены по описям, по хронологическому принципу (в большинстве случаев). Опись № 8 содержит более 70 писем за 1928–1929 гг. В описи № 10 находится 1174 письма за 1930 г., в описи № 11 – 1051 дело за 1931 г., в описи № 12 – 917 писем за 1932 г., в описи № 13 – 1320 дел за 1933 г., 2779 писем за 1935–1936 гг. находятся в описи № 8. В общей сложности данный фонд содержит 7311 писем раскулаченных крестьян.

Дела составлены по каждой личности или ряду лиц. Условно, материалы этих дел можно разбить на две части. Первая – это документы, отправленные самим крестьянином, вторая часть – это сопроводительные документы, которые направлялись вместе с письмом из первичных административных органов.

В письмах можно найти большое количество статистических сведений о состоянии хозяйства каждого раскулаченного (по описям имущества, которые встречаются в большинстве дел), уровень грамотности (по письмам), отношение к властям.

Вероятно, вся повседневность раскулаченных крестьян сужалась до пределов поиска правды, выхода из тяжелейшей жизненной ситуации и преодоления стресса, который был получен в результате процедуры раскулачивания и последующего искусственного разделения семьи, а также переселения на другую территорию. Такие выводы можно сделать, анализируя разнообразные документы, которые были подшиты к делу каждого раскулаченного. Эти письма очень разнообразны, но во всех прослеживается общая убежденность крестьян в том, что произошла ошибка или неправильное действие со стороны местных властей (сельсовета или райисполкома). Таким образом, многие из них сохраняли прежнюю ментальную основу – непогрешимость высшей власти. В этих письмах люди старались всячески оправдать себя. Одни сообщали, что относят себя к категории середняков, другие приписывали себя к беднякам, третьи заявляли, что они добровольно вступили в колхоз и отдали туда 50% имущества, четвертые писали о том, что всегда добровольно самооблагались середняцким налогом, прочие пытались показать свои заслуги перед Красной

Армией. При этом пострадавшие люди прикрепляли всяческие справки, платежные квитанции, выдержки из протоколов, бумаги с подписями жителей деревни в оправдание конкретного человека, свидетельства, которые говорили о добросовестности подателя прошения, его политической лояльности и благонадежности, экономической правильности и имущественном положении. Все это очень похоже на попытку любым способом оправдаться перед суровой властью.

Данный источник информативно насыщенный. Он содержит сведения по экономической и социальной истории советской деревни, а также повседневной жизни раскулаченных крестьян.

Л.В. Изюмова (Вологда)

Делопроизводственная документация как источник изучения колхозного социума 1930-х – 1960-х гг.

Среди многочисленных документов по истории колхозной деревни особое место занимают делопроизводственные, возникающие в процессе работы государственных органов, учреждений и различных организаций. Данный вид источников является информационно насыщенным, содержит обильный конкретно-исторический материал, в том числе позволяющий исследовать проблемы сельской повседневности, правовое и экономическое положение колхозного социума в целом, а также его отдельных категорий.

При изучении колхозного социума важное место занимает делопроизводственная документация центральных и местных сельскохозяйственных органов (Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства сельского хозяйства РСФСР, областных и районных отделов сельского хозяйства). В ее составе значительный массив относится к организационно-распорядительному типу документов (циркуляры, инструкции, распоряжения и т.п.), которые регулируют отношения государства с колхозами и колхозниками.

Учетно-статистические материалы сельскохозяйственных органов содержат информацию об отдельных категориях колхозного социума – регулярно составлялись сведения о составе предсе-

дателей колхозов, о колхозных управленцах среднего звена, о специалистах сельского хозяйства, в том числе велся учет их образовательного уровня, стажа работы, партийности и т.п. Имеются также ценные сведения об условиях работы и размерах оплаты труда. Данные сводных годовых отчетов колхозов, обобщенные в таблицах «Основные кадры сельхозартелей», «Производственные бригады и звенья», «Выдача по трудодням колхозникам и трактористам», «Дополнительная оплата труда», позволяют проанализировать численность, состав, стаж работы основных кадров сельхозартелей (председателей колхозов, работников животноводства, счетных работников и др.), изменения в оплате труда колхозников и рабочих тракторных бригад.

В процессе работы сельскохозяйственные органы регулярно командировали на места (в отдельные области, районы, колхозы, МТС) специальных уполномоченных, в отчетах которых содержатся сведения, позволяющие воссоздать структуры сельской повседневности, анализировать отношения внутри колхозного социума.

Весьма ценные документы по социальной истории послевоенной деревни отложились в фонде Совета по делам колхозов при правительстве СССР (РГАЭ. Ф. 9476). В Совете по делам колхозов проходил активный поиск эффективных методов, способов, механизмов оптимизации производственной деятельности в общественном хозяйстве. В связи с этим требовалась информация с мест, отражающая реальное положение в аграрной подсистеме. Кроме того, в Совет поступали многочисленные предложения, проекты по реорганизации колхозного производства от руководителей колхозов, специалистов сельского хозяйства, партийных функционеров. Также отложился значительный пласт документов, созданных рядовыми колхозниками – письма, жалобы, предложения, которые позволяют выделить глубинные основы менталитета сельских жителей, проследить его трансформацию.

Значительные возможности для исследования колхозного социума дают делопроизводственные материалы финансовых, заготовительных, судебных, дорожных, лесозаготовительных и других ведомств. Например, в фондах Министерства юстиции РСФСР (ГА РФ.

Ф. А-353) сосредоточены материалы о судебной практике по различным правонарушениям, в том числе связанным с хищением сельскохозяйственной продукции, нарушением Устава сельхозартели, превышением полномочий со стороны должностных лиц и т.п.

В работе с делопроизводственной документацией необходимо учитывать, что она создавалась исходя из внутриведомственных потребностей. В совокупности с другими источниками делопроизводственная документация позволяет объективно анализировать основные тенденции социальной трансформации села в период становления и развития колхозного строя.

М.А. Безнин, Т.М. Димони (Вологда)

Источники по аграрной истории России 1930 – 1980-х годов и методы их исследования

Источниковый комплекс по аграрной истории России колхозного времени, используемый историками-аграрниками для описания производства, трудовых ресурсов и т.д., сложился уже к концу 1970-х гг. С тех пор задача обобщения фактологических и статистических сведений о развитии сельского хозяйства, как ее понимали советские историки, в целом была решена. Необходимость перехода к новому этапу осмысления этого периода аграрной истории России потребовала серьезного обновления источников, мобилизации прежде малоиспользуемых сведений уже вовлеченных в научный оборот источников, обращения к «нетрадиционным» источникам (художественной литературе, публицистике, фольклору и др.), разработки новых методов работы с документами.

В составе источников большое значение приобретает работа с законодательными актами, в том числе изучение законопроектов, материалов обсуждения партийных и государственных решений, включая ранее засекреченные. Чрезвычайно актуальным для историков становится подготовка и издание полного свода законов, постановлений, инструкций, положений и т.д., вышедших в советское время. Особое значение приобретает изучение работ Сталина, Андреева, Жданова, Вознесенского, Хрущева, Суслова, Брежнева, Кулакова и др. государственных деятелей, а также потока публи-

каций, оценивавших партийно-государственные решения о сельском хозяйстве – прежде всего советских и зарубежных экономистов, финансистов и статистиков.

Историки должны осмыслить новые возможности статистических источников, особенно таких, как материалы народнохозяйственных балансов, бюджетных обследований, сводных годовых отчетов сельхозпредприятий и т.д. Например, данные хозяйственных балансов из сводных годовых отчетов колхозов практически никем из историков в научный оборот не вовлеклись, но именно эта часть документов позволяет судить о движении физического, финансового капитала, а также о формировании капитала «социальной» направленности. Фискальная деятельность государства создала источники, которые, вероятно, позволят историкам найти ответы на вопросы о капиталах колхозных дворов, что пока остается одним из самых «темных» и мифологизированных мест нашей историографии.

Интереснейшие возможности дают источники, возникшие в результате разных уровней художественной рефлексии по поводу трансформации советского общества. Прежде всего, речь идет о художественной литературе, отразившей ощущения выдающихся представителей поколения, родившихся в 1930-е гг. и творивших в 1960–1970-е гг. – Белове, Тендрякове, Абрамове и др., а также публицистах, прежде всего Овечкине, Радове, Черниченко и др. Особое значение эти источники приобретают при анализе социального развития общества. Не менее важно изучение историками фольклора – частушек, представляющих собой фактически «параллельное» официальной науке историописание советского времени. Почти не используются историками визуальные источники – документальный и художественный кинематограф, фотодокументы, картины и т.д.

Методы работы историков с источниками достаточно известны и консервативны, подходы же к осмыслению исторических источников серьезно разнятся. Большую роль должно приобретать изучение исторических источников за длительные исторические периоды, увеличение роли экономических методик описания явлений (например, при анализе финансовых показателей, изучении

сопоставимости показателей за разные годы и т.д.). Нельзя забывать о том, что советское время отдалилось от нас на то расстояние, когда требуется учитывать его самобытную ментальность, делающую невозможным как механическое восприятие его самооценок современной историей, так и экстраполяцию современного понимания на экономику и социальную жизнь советского времени.

Л.Н. Мазур (Екатеринбург)

Аудиовизуальные источники по истории советской деревни: методические подходы к изучению

Информационная революция, связанная с появлением новых носителей и способов создания документов, привела к значительному расширению круга исторических источников. Среди них особое место занимают кинофотодокументы, содержащие уникальную аудиовизуальную информацию и позволяющие существенно расширить возможности исторических реконструкций. Художественные фильмы советского времени имеют принципиальное значение для понимания процессов модернизации села, поскольку в них нашли непосредственное воплощение общественные представления и мифы о сельской повседневности и образе жизни, а также определенные духовные и материальные приметы времени, позволяющие глубже понять произошедшие в деревне трансформации.

При анализе аудиовизуальных документов необходимо учесть их видовые особенности: специфическую (идеально-художественную) форму отражения реальности; технотронный характер; особые идеологические и информационные функции кино; механизм влияния художественного кинематографа на сознание и модели поведения людей.

Для изучения процессов урбанизации российской деревни в качестве источников были использованы художественные фильмы 1930–1980-х гг., в режиме реального времени отражающие проблемы и образы советской деревни, ее экономической, политической и социальной жизни. Особое внимание уделялось изучению визуальных аспектов информации, в том числе условий жиз-

ни сельских жителей, их одежды, обстановки, форм деятельности и общения. В качестве основы для отбора фильмов использована «Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия» (издание 2003 г.) – мультимедийная система, в которой представлены 8669 статей с аннотациями фильмов. Методом целевого отбора были выделены 209 фильмов, рассказывающих о проблемах деревенской и колхозной жизни в 1930–1980-е гг. После исключения ретроспективных картин сформировался массив, насчитывающий более 100 фильмов, достаточно представительный по тематике, жанрам и включающий фильмы разного уровня художественной ценности, что позволяет более уверенно судить о транслируемых стереотипах. Фильмы, посвященные сельской тематике, в целом составили не более 5–10% от всей кинопродукции СССР.

В 1930–1940-х гг. в художественном кинематографе деревня рассматривается как элемент традиционного уходящего общества, в контексте противопоставления городу, что подчеркивается в утрированно этнографических элементах одежды, обстановки, особенностях поведения и языка. Тематика фильмов ориентирована на формирование колхозных приоритетов и мотиваций. Характерной особенностью является преобладание жанра комедии, где деревенская жизнь рассматривается в шутовском, немного ироничном контексте («Гармонь», 1934; «Богатая невеста», 1937; «Трактористы», 1939; «Кубанские казаки», 1945 и др.). Кроме того, часто встречается жанр «агитки» («Учитель», 1939; «Бабы», 1940).

В хрущевский период растет интерес к деревне, что отражается в увеличении числа деревенских фильмов, расширении жанров (комедия, лирическая драма и т.д.). В центре сюжетных линий находятся экономические и социальные проблемы колхозной жизни, среди которых по частоте встречаемости выделяется тема повышения культурного уровня села. В качестве рецепта, тиражированного многими фильмами, выделяются сюжеты о создании колхозного театра или оркестра из скрипичных, духовых, но не народных инструментов («Калиновая роща», 1953; «Гость с Кубани», 1955; «В один прекрасный день», 1955; «Дело было в Пенькове», 1957 и др.). К концу 1950-х растет доля некомедийных фильмов.

В 1960–1980-е гг., с появлением нового поколения кинематографистов, намечается переход от лирических сельских сюжетов к социально заостренной тематике, где на первый план выходят размышления об отношении к земле, сельскому труду, малой родине, отражающие понимание значимости деревни как хранителя базовых этических и культурных ценностей общества. Жанровый разброс картин очень широк – от лирических комедий до драм («Артист из Кохановки», 1961; «Председатель», 1964; «Варька», 1971; «Вдовы», 1976; «Прощание», 1982; «Вот моя деревня», 1985 и др.).

Таким образом, на протяжении 1930–1980-х гг. происходит эволюция кинематографических представлений о сельской местности и путях ее преобразования: от противопоставления ее городу и стремления все изменить до признания важности и ценности деревни как носительницы народной культуры и поиска путей ее сохранения.

И.В. Кометчиков (Калуга)

Советская культура деревни Центрального Нечерноземья РСФСР 1945 – 1950-х гг. через призму статистики

Развитие советской культуры в 1945–1950-е гг. считалось одним из приоритетных направлений политики по преодолению последствий войны и налаживанию мирной жизни, что стало свидетельством стабилизации политического порядка на основе идеологии советского патриотизма и востребованных этой идеологией ценностей дореволюционной русской культуры. Реализация культурной политики через сеть культурно-массовых учреждений, кинопроката, массовые библиотеки, лекционную и радиопропаганду, по сути, являлась практическим воплощением идеологической доктрины, вплетенным в ткань повседневности.

Структура статистических отчетов о сети и кадрах учреждений культуры, культурно-массовой работе на селе, как и сама сеть культурных учреждений, сформировалась в основном, в довоенные годы. Тогда была создана достаточно стройная многоступенчатая система сбора и обобщения статистической информации, основными звеньями которой являлись советские органы (от сель-

совета до Совета Министров РСФСР и Комитета по делам культпросветучреждений РСФСР).

Важнейшими из статистических отчётов о состоянии и развитии советской культуры села являются годовые отчёты клубных учреждений и колхозных клубов, годовые отчёты самостоятельных библиотек Комитета по делам культпросветучреждений РСФСР (Министерства культуры РСФСР), годовые отчёты о наличии, движении, эксплуатации киноустановок Министерства культуры СССР и колхозных, годовые статистические отчёты Обществ по распространению политических и научных знаний СССР и РСФСР и областных лекционных бюро.

В основе вопросника форм отчётности о состоянии советской культуры в послевоенной деревне лежал плановый подход, в соответствии с которым требовалось установить полноту охвата культурной работой населения и интенсивность этой работы. Отчёты содержат данные о материальной базе учреждений культуры и её использовании, о кадрах работников культуры, масштабах, количестве и разнообразии форм культурно-массовой работы, финансировании учреждений культуры, читательских предпочтениях сельского населения и степени развития читательской культуры, о количестве платных и бесплатных лекций, прочитанных перед сельчанами, их распределении по тематике и отраслям знания, кадрах лекторов, масштабах применения радиопропаганды в лекционной работе, количестве присутствовавших на лекциях слушателей и т.д.

Анализ годовых отчетов учреждений культуры, областных отделов кинофикации и областных отделений Общества по распространению политических и научных знаний позволяет: во-первых, оценить динамику важнейших показателей культурного развития села Центрального Нечерноземья; во-вторых, сопоставляя состояние и активность культурных учреждений и деятельности приходов Русской Православной церкви, найти ответ на вопрос о соотношении официально продвигавшейся советской культуры и продолжавшей жить православной духовной и культурной традиции, их борьбе и взаимовлиянии; в-третьих, установить региональные

различия и особенности в культурном развитии деревни, в-четвёртых, дать оценку удельного веса и интенсивности индоктринации в общей массе форм и разновидностей культурно-массовой работы на селе; в-пятых, приблизиться к пониманию степени проникновения и усвоения ценностей официальной советской культуры в повседневной жизни сельского населения.

Изучение регионального среза форм отчётности о состоянии официальной культуры даёт возможность, проецируя друг на друга данные разных отчётов по одному региону за один период, создать «глубину» реконструкции прошлого, привязанную к конкретной территории, необходимую для оценки «плана» и реальных изменений культурного облика послевоенной деревни.

П.П. Полх (Калининград)

Стоимость трудодня в колхозах Калининградской области: источники и проблема достоверности

Феномен колхозного строя советской деревни еще долго будет порождать различные дискуссии в научном сообществе. Одним из самых «железных» аргументов противников колхозной системы остается форма оплаты труда колхозников через трудодни.

Ситуация с колхозами и оплатой трудодней в Калининградской области не совсем типична. Область не знала коллективизации 1930-х гг. и сопутствовавших ей проблем, хотя прибывшие в бывшую Восточную Пруссию переселенцы соответствующий социальный опыт имели. Начавшееся в 1946 г. формирование колхозов не сопровождалось потерей всего нажитого, напротив – многие калининградские колхозники получили от государства (ссуды на обзаведение коровами, продовольственную помощь, жилье, освобождение от налогов на годы обустройства). Таким образом, на примере Калининградской области можно изучать функционирование колхозной системы в «чистом виде», без предшествовавшей классовой борьбы.

Тем не менее, одной из задач власти было сформировать здесь типичную российскую область, со всеми атрибутами колхозной жизни. Сохранившиеся первичные источники – годовые отчеты колхозов, начиная с 1947 г. – вполне подтверждают эту тенден-

цию. Представленные в них таблицы, посвященные начислениям на трудодни, не дают оснований утверждать, что в Калининградской области колхозникам жилось лучше, чем в остальной РСФСР. Дневные денежные выплаты в пределах 50–70 копеек, выдачи в пределах 1,5–2 кг зерна, скудные и неповсеместные начисления картофеля и овощей, сена и соломы, в редких случаях молока и даже меда. Больше начисляли на трудодни работникам МТС, но при просмотре большого массива отчетов обнаруживается, что зерна и денег трактористам полагалось везде одинаково – в соответствии с требованиями типовых договоров. К тому же, заполненные графы таблиц с размерами задолженностей по трудодням указывают, что не все начисленное реально могло быть получено.

К другим источникам могут быть отнесены сводные районные отчеты по колхозам (представлявшиеся на тех же бланках), материалы фонда областного управления статистики, материалы партийного контроля за состоянием дел в колхозах, а также стенограммы совещаний передовиков сельского хозяйства. Последние две группы источников интересны не столько статистикой выдач, сколько методикой начисления самих трудодней – обидами на то, какую «выработку» приписывают себе члены правления колхоза, их родные и близкие друзья. Собственно, государство само поддерживало именно такое недовольство: судя по структуре отчета, более важной представлялась выработка трудодней всеми колхозниками, чем производимое ими.

Данное обстоятельство заставляет по-особому взглянуть на проблему достоверности источников в отношении оплаты трудодней. Укоренившаяся убежденность в повсеместных приписках не снимает вопроса о том, что же именно приписывали. Если чересчур большое количество трудодней (все работают, никто не отлынивает), то начисления на трудодень резко сокращаются. Если приписывать начисления, возникнет ничем необъяснимое сверхизобилие, которое нетрудно проверить. К концу 1950-х гг. структура отчета поменялась, государство стала интересоваться выработкой продукции на 100 га пашни, здесь приписки было представить проще, но опять же не в отношении расчетов и начислений по тру-

додням. В начале 1960-х гг. Калининградская область перевела все колхозы на оплату по «человекодням», за которыми стояли куда более реальные деньги и продукты.

В отношении же достоверности оплаты трудодней в 1940–1950-х гг. можно предположить, что, поскольку власть не проявляла большой заинтересованности в данном вопросе, то и больших приписок здесь не было. По крайней мере, в колхозах Калининградской области дела с оплатой трудодней лучше обстояли в тех колхозах и тех районах, которые считались передовыми по всем показателям. В этой связи первичные годовые колхозные отчеты должны признаваться ценными источниками по истории колхозного строя.

С.Н. Андреенков (Новосибирск)

**Сельскохозяйственная статистика как источник
по изучению аграрного производства Сибири
в середине 1950-х – начале 1960-х гг.**

Данные хозяйственной статистики являются важнейшим историческим источником, позволяющим плодотворно изучать проблемы экономического развития России в XX в. Материалы опубликованной статистики государственных заготовок и производства сельхозпродукции имеют особое значение для исследования истории сельского хозяйства.

Статистические материалы по сельскому хозяйству стали широко публиковаться с середины 1920-х гг. В конце 1930-х – начале 1950-х гг. их выпуск ограничивался. Нечасто издававшиеся в эти годы справочники содержали строго ограниченный набор сведений, отражавших исключительно «выдающиеся достижения». Широкая публикация данных статистики народного хозяйства возобновилась в середине 1950-х гг. В 1956 г. вышел в свет сборник «Народное хозяйство СССР», в 1957 г. – «Народное хозяйство РСФСР», ставшие ежегодными изданиями. В 1957 г. также были опубликованы статсборники «Посевные площади СССР» и «Численность скота в СССР». Увеличилось количество статистических публикаций регионального уровня. В отличие от справочников

конца 1930-х – начала 1950-х гг. статсборники 1950-х – 1970-х гг. предоставляли более широкий диапазон информации, были объективней. В то же время они не утратили пропагандистских функций, продолжалось издание статсборников, демонстрировавших достижения советской власти к определенным датам и юбилеям.

Проблемы объективности и репрезентативности статистических публикаций 1950-х – 1970-х гг. анализировались рядом исследователей (В.П. Мотревич, Ю.П. Денисов, И.Е. Зеленин и др.). В целом положительную оценку получили сборники «Сельское хозяйство СССР», вышедшие в свет в 1960 и 1971 гг. В них, например, включены достоверные показатели валовых сборов, урожайности и заготовке зерна. Вместе с тем публиковались не все материалы по сельскому хозяйству. Данные о развитии личных подсобных хозяйств населения представлялись не в полном объеме.

Важным событием в хозяйственной жизни Сибири являлось освоение целинных и залежных земель. Информация о темпах и масштабах их распашки представлена во многих статсборниках. Однако сведения о размерах вводимых в сельхозоборот земельных массивов подаются без увязки с данными о росте площади пашни и качестве осваиваемых земель, что не позволяет сделать объективные выводы о результативности целинной кампании. Из архивных данных следует, что после распашки значительные площади выводились из оборота и не использовались под зерновые посевы. Качественные показатели развития зернового хозяйства отражены статсборниками не полностью. Например, в них отсутствует информация о качестве производимого и сдаваемого государству зерна, без которой невозможно сделать объективные выводы о состоянии отрасли. Согласно архивным данным значительная часть заготавливаемого хлеба не соответствовала стандартам качества и поэтому не могла использоваться для выработки высших сортов муки, отгрузки на экспорт, закладки в государственные резервы и семенные фонды.

Наиболее проблемной отраслью сельского хозяйства оставалось животноводство. Верховная власть не желала демонстрировать низкие темпы его развития, поэтому важнейшие показатели,

представленные в статсборниках конца 1950-х – начала 1960-х гг., намеренно искажались. В них помимо мяса всех видов скота и птицы включался жир-сырец, мясные субпродукты. Подобные «статистические хитрости» применялись для того, чтобы улучшить картину по автономным республикам, краям и областям, где показатели выпуска мяса и молока росли крайне медленно, а в некоторых регионах упали ниже уровня 1953 г.

Значение опубликованной сельскохозяйственной статистики в изучении истории аграрного производства Сибири велико, поскольку статсборники общедоступны и содержат важную научную информацию. В то же время данный источник отражает не все аспекты и тенденции экономического развития и требует дополнения.

О.В. Кузнецова (Оренбург)

**Источниковая база повседневной истории целины:
репрезентативность, достоверность, верификация**

Основные проблемы источниковой базы повседневности целины своими корнями уходят в вопросы источниковедения самой «повседневной истории». Серьезное значение имеет новизна подхода к источнику через его дифференциацию на субъективные и объективные формы информации. Используя источники традиционной истории, исследователи повседневности на первое место выводили субъект, а не объект познания и все, что ему сопутствует. Это в свою очередь приводило к возникновению новых проблем: недостаточной информативности подобных источников относительно различных периодов; репрезентативности; выбору приоритетов (источники общенаучного и исторического характера или личные источники).

Подобные проблемы возникают и при формировании источниковой базы повседневной истории целины. Поэтому в основу исследования данной темы положен массив разнообразных источников. Важное место занимают опубликованные материалы (сборники статей, документов и воспоминаний) и архивные документы. Основные проблемы работы с такими источниками заключаются в официозности, узком хронологическом охвате, односторонности

изложения, незначительном количестве документов личного происхождения, частой повторяемости материалов в сборниках, посвященных круглым датам целины. Исключение составляют лишь некоторые очерки и статьи.

Проблема репрезентативности возникает при работе со статистическими сборниками, позволяющими составить представление о разнообразных аспектах повседневности целины на среднестатистическом уровне. Но нередко они характеризуются недостатком статистики в районном разрезе.

Периодическая печать, несмотря на значительную идеологизированность, помогает выяснить типичное в жизни целинников, компенсируя в некоторой мере недостаток материалов личного происхождения. Широкие информативные возможности данного источника следует считать следствием специфического восприятия периодики самими целинниками в качестве трибуны, с которой можно рассказать об успехах и проблемах.

Самым многочисленным видом источников по повседневной истории целины являются архивные документы, при анализе которых можно выделить несколько блоков, позволяющих верифицировать изучаемый материал: документы контролирующих и судебно-исполнительных органов, источники личного происхождения (письма, жалобы, докладные, анкеты, неопубликованные воспоминания), статистические данные общесоюзного масштаба.

Отдельно следует выделить источники личного происхождения: фотографии из домашних архивов, личная переписка, интервью с целинниками, а также предметы домашнего обихода, хранящиеся в фондовых коллекциях областных и районных музеев. Все это значительно углубляет представление о повседневности на целине.

В результате общего анализа комплекса источников по исследуемой теме мы пришли к выводу, что единых подходов к выявлению наиболее полных и адекватных источников для истории повседневности на данный момент не существует. Это, с одной стороны, позволяет сочетать массу источников, отдавая приоритет наиболее доступному виду для конкретного исследования и делая его основным, ведущим, исчерпывающим для раскрытия поставленных задач. А с

другой, влечет за собой сложность методической обработки источников, когда архивные материалы и документы личного происхождения в диаметрально противоположном направлении оценивают повседневные аспекты жизни первоцелинников.

Е.В. Пахомова (Оренбург)

Письма с целины как исторический источник

Письма участников целинной кампании занимают важное место в формировании источниковой базы по истории массового освоения новых земель. Одновременно эта группа источников является едва ли не самой малоизученной. Отчасти подобное положение обусловлено шаблонным восприятием писем первоцелинников как продукта системы пропаганды и агитации. Это утверждение является справедливым в отношении основной массы опубликованных писем.

Уже первый сборник по истории целинной кампании – «Письма с целины» (М., 1955) включал письма добровольцев-первоцелинников, отправленные ими в течение первого года крупномасштабной кампании (1954 г.) из районов освоения новых земель своим семьям, друзьям, а также на прежние места работы. Они свидетельствовали об исключительном эмоциональном подъеме, царившем среди первоцелинников, об их решимости внести свой вклад в превращение веками пустовавших степей в цветущий край. Письма содержали положительную оценку происходивших на целине преобразований. Издание данного сборника преследовало, прежде всего, агитационные цели, т.к. наряду с рассказами о героических буднях некоторые письма содержали также призывы приехать на постоянную работу в районы освоения.

На протяжении советского периода преимущественно публиковались письма, в которых содержалась положительная оценка событий тех лет. Между тем, изучение материалов центральных и региональных архивов свидетельствует о том, что письма первоцелинников были неоднородны по своему содержанию. Они поступали в редакции областных газет, в обкомы, райкомы и горкомы партии и комсомола. Однако из общего их числа в подлинном виде сохрани-

лась лишь мизерная часть, т.к. большинство из них перед появлением в печати подвергались редактированию. Следовательно, нельзя однозначно утверждать, что опубликованные письма действительно отражали преобладающие настроения первоцелинников, что, впрочем, не принижает их источниковой ценности.

Вместе с тем в ходе целинной кампании в районные и областные газеты попадали и письма, в которых вскрывались отдельные наблевшие проблемы повседневной жизни переселенцев. Однако в общем потоке опубликованных писем, написанные с агитационно-пропагандистских позиций доминировали в сравнении с критическими.

Среди неопубликованных писем преобладают те, в которых выражены жалобы переселенцев. В основном недовольство переселенцев вызывали вопросы их хозяйственно-бытового устройства. Так, в фондах центральных архивов имеются сводки писем, поступавших от специалистов сельского хозяйства и молодежи, занятых на освоении целинных земель, в редакцию газеты «Правда». Их авторы не ставили под сомнение вопрос о целесообразности проводившейся кампании, а поднимали наиболее актуальные проблемы жизни на целине, по ряду причин не решавшиеся на местном уровне, и с помощью прессы переселенцы стремились привлечь к ним внимание общества.

В целом письма с целины являются уникальным свидетельством истории повседневной жизни переселенцев. Они относятся к категории массовых источников, но в настоящее время единого комплекса писем первоцелинников не существует. В период самой целинной кампании целенаправленного сбора писем не производилось, т.к. изначально их ценность не осознавалась. Впоследствии сформировать корпус писем, написанных из целинных районов, стало невозможным из-за их утраты. Можно констатировать, что комплекс данного вида исторических источников представлен фрагментарно. В распоряжении исследователей имеются только отдельные, несопоставимо меньшие по численности его части. Однако, выражая субъективное отношение участников кампании к происшедшему, они имеют высокую информативную ценность.

А.И. Шевельков (Коломна)

Аграрная политика государства во второй половине XX века в статистических материалах из документов ЦК КПСС

Рассекреченные в последние годы документы ЦК КПСС позволяют воссоздать более объективную аграрную историю второй половины XX в.

Накануне сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС по просьбе Н.С. Хрущева была подготовлена справка «О размерах производства основных сельхозпродуктов, необходимых для удовлетворения потребностей населения», где делался вывод, что общая норма потребления всех продуктов в СССР отстает от показателей в США и Англии. Приведенная статистика подтверждала, что в нашей стране гораздо меньше потребляется молока, мяса, яиц, овощей и сахара, а больше хлеба и картофеля. Из сравнительной таблицы среднедушевых норм питания населения, рекомендованных Институтом питания РАН, и фактического потребления основных видов продовольствия следовало, что для удовлетворения потребностей населения по медицинским нормам необходимо было увеличить фонды потребления молочных продуктов в 3,5 раза, яиц – в 5,3 раза, сахара – в 2 раза, мяса и сала – на 185% и т.д. Для обеспечения потребностей населения в животноводческой продукции предстояло увеличить производство мяса и сала (в убойном весе) с 5,1 млн до 13 млн т, молока – с 35,7 млн – до 125 млн т, яиц – с 14,2 млрд до 74 млрд штук. Реализация этой задачи требовала увеличения поголовья КРС с 56,6 млн до 95 млн голов, в т.ч. коров – с 24,3 млн до 50 млн, повышения удоя молока – с 1373 до 2500 кг от одной коровы. Подобный рост поголовья скота требовал резкого увеличения производства всех видов кормов: грубых кормов – с 130 млн до 270 млн т, сочных кормов – с 46 млн до 330 млн т, а концентрированных кормов – до 130 млн, включая 111 млн т зерна. Для удовлетворения потребностей населения в продуктах земледелия предстояло довести только производство зерна с 92 млн до 160 млн т, а картофеля – с 66 млн до 92 млн т и т.д. Это требовало увеличения посевных площадей зерновых до 107,3 млн га при урожайности 15 ц/га против 8,6 ц/га в 1952 г., расширения картофельного поля страны до 8,5 млн га

и сбора 140 ц/га против 81 ц/га и т.д. По мнению составителей справки, осуществление этих задач было возможно только за 6–7 лет.

Как известно, сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС принял достаточно радикальные меры по развитию сельского хозяйства, что позволило в 1955–1959 гг. ежегодно в среднем увеличивать валовую продукцию на 7,6%. Видимо, высокие темпы роста валовой продукции сельского хозяйства «вскружили» голову Н.С. Хрущеву, который в 1957 г. и провозгласил лозунг – догнать и перегнать США по производству основных видов продовольствия в течение 2–3 лет. Форсированного рывка к продовольственному изобилию достичь не удалось. Более того, с 1960 г. начался спад сельхозпроизводства, а засуха 1963 г. на десятилетия сделала зерно одним из важных видов импорта. В стенограмме мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС был приведен незначительный объем статистического материала о развитии сельского хозяйства в годы семилетки (1959–1965 гг.). Большая часть негативной информации была скрыта даже от республиканской партийной элиты. В последующие годы изъятие правдивой статистики приобрело постоянный характер. Более того, в ряде докладов ЦК на съездах КПСС давались искаженные сведения, которые должны были подтвердить достижения так называемой «новой» аграрной политики, творцом которой был объявлен Л.И. Брежнев. Только рассекреченные документы мартовского (1965 г.) и ряда других пленумов ЦК КПСС, прежде всего статистические данные, дают основания делать вывод о неэффективности в 1960–1980 гг. аграрной политики, основанной на административно-командном диктате.

Н.А. Серогодский (Славянск-на-Кубани)

**Документы и материалы местных партийных организаций
КПСС как источник по изучению социальной сферы села
в 1980-е годы**

В 1980-е гг. в социальном развитии села произошли значительные изменения. Впервые в советской истории вопросы жилищного и культурно-бытового строительства становятся приоритетом в партийно-государственной политике. В 1982 г. была при-

нята Продовольственная программа СССР, в которой ставилась задача комплексного развития социальной и экономической сферы села. Наряду с решением производственных вопросов в программу были включены крупномасштабные меры социального переустройства сельских территорий.

Руководящую роль в реализации социальной политики на местах играли партийные органы областного и краевого масштаба. В связи с этим важным историческим источником являются протоколы заседаний пленумов обкомов и крайкомов КПСС, которые содержат сведения о состоянии социальной сферы села в различных регионах страны, а также позволяют выделить наиболее острые проблемы социального развития деревни. Они хранятся в фондах центров документации новейшей истории краев и областей, а также в Российском государственном архиве социально-политической истории, где в большей степени доступны для исследователей.

Известно, что в местной печати публиковались материалы пленумов обкомов и крайкомов КПСС, но они не в полной мере отражали те проблемы, которые обсуждались на их заседаниях. Только в протоколах заседаний пленумов, предназначенных для служебного пользования, содержится полная информация о проблемах, которые существовали в указанный период в социальной сфере села. Так, например, протокол № 10 от 14 сентября 1985 г. заседания пленума Калужского обкома КПСС, посвященного социальному переустройству села, содержит значительное количество фактов, которые раскрывают особенности развития социальной сферы. В протоколе приводятся сведения о том, что многие районы области не выполняли намеченные меры по социальному развитию. В выступлениях участников пленума имеются данные, свидетельствующие о недостатках в развитии жилищного строительства на селе, о проблемах сельского здравоохранения и образования.

Особый интерес для исследователей представляют подготовительные материалы к пленумам с достаточно объективной оценкой реального состояния дел в этой сфере.

Анализом положения дел в сельском хозяйстве занимались сельскохозяйственные отделы обкомов и крайкомов КПСС. В их фондах хранится значительное количество документов и материалов, анализирующих процессы, происходившие в социальной сфере. В аналитических справках сельхозотделов содержится ценный материал, позволяющий исследователям объективно оценить проблемы и достижения в социальном развитии деревни в этот период.

Важным историческим источником являются письма трудящихся в партийные органы, в которых описывается большое количество фактов в основном негативного характера, что позволяет выявить наиболее острые проблемы в социальной сфере села.

По заданию партийных органов в 1980-е гг. проводились социологические исследования среди сельских тружеников. Их отчеты находятся в фондах центров документации новейшей истории краев и областей. Материалы этих исследований представляют значительный интерес для историков-аграрников, так как они позволяют выявить отношение сельского населения к изменениям, происходившим в социальном развитии деревни.

Таким образом, материалы и документы местных партийных организаций КПСС, хранящиеся в центрах документации новейшей истории и в Российском государственном архиве социально-политической истории, дают возможность исследователям объективно оценить состояние социальной сферы села в 1980-е гг.

А.Г. Галлямова (Казань)

Новое Надырово как показательный системоген модернизации аграрной сферы в советский период

Новое Надырово Альметьевского района Республики Татарстан – старинное татарское село, основанное в начале XVIII в., являвшееся центром крупного административного образования – Надыровской волости, сравнимого по своей территории с Хивинским ханством. За советское время в Новом Надырово число хозяйств почти не изменилось, оно колебалось от 400 до 500. Во второй половине XX в. село прошло путь от первого в республике колхоза-миллионера до села, одним из первых распутившего кол-

хоз и в настоящее время фактически превратившегося в пригород нефтяной столицы Татарстана – г. Альметьевск. Данное село является удачным объектом для микроанализа модернизационных процессов в аграрной сфере в стремительно урбанизирующемся национальном регионе советского государства.

Исследование трансформации села осуществлялось посредством всестороннего изучения комплекса документов, отложившихся в советский период, и нового банка данных, созданного во время экспедиции летом 2006 г., осуществленной по инициативе руководства ОАО «Татнефть» с целью написания истории села в условиях изменения историографической ситуации. Придерживаясь аксиологического подхода, мы пытались избежать изображения сложившейся в советский период картины победной поступи колхозного крестьянства по пути к коммунизму, в то же время не подпасть под влияние ранней постсоветской историографии, зачастую рассматривающей советский этап как черную дыру в российской ретроспективе.

Используя принцип полисубъектности исследования, включенное наблюдение, качественное углубленное интервью согласно выборке, обеспечивающей репрезентативность результатов работы, в процесс сбора «устного» материала, мы ориентировались не на некоего среднего советского человека, априори приветствовавшего или осуждавшего интенсивно развивавшиеся в обществе модернизационные процессы. Цель поиска сбора новых источников заключалась в отражении многостороннего спектра жизненных установок, поведенческих ситуаций без излишнего упрощенчества и строгой обедняющей схематизации, сводящейся к показу бинарности социума, т.е. наличию в нем старого и нового. Неожиданно отрадным фактором исследования явилось множество неопубликованных дневниковых записей надыровцев. В основном это предоставленные родственниками записи руководителей и специалистов сельскохозяйственных структур, причем не только колхоза «Зай», но и выходцев села, работавших в соседних хозяйствах, районных структурах. В работе использована и текущая документация партийной организации колхоза, сохранившаяся благодаря личной инициативе последнего парторга колхоза Р. Мухаметова.

В процессе сбора и обработки материала как из неопубликованных, так и опубликованных источников мы вовсе не стремились к преднамеренному поиску порочной коннотации советской ретроспективы. Поэтому работе экспедиции предшествовала тщательная работа в республиканских и районном архиве. О селе Новое Надырово в них имеется много материалов: передовой колхоз не был обделен ни вниманием журналистов, ни вниманием органов власти. Но весь отложившийся в советскую эпоху материал отражает в основном победные реляции образованного здесь коллективного хозяйства «Зай», описывает счастливую жизнь надыровцев. Как известно, документальное отображение советского периода весьма богато, но своеобразно в силу известного идеологически обусловленного характера. Новый банк данных в основном воспроизводит тяжелый напряженный труд, суровую историческую реальность.

На основе комплексного использования свидетельств эпохи и ее очевидцев была написана книга «Новое Надырово» объемом 30 п.л., изданная в 2008 г. Представляя собой как бы слепок конкретной социальной реальности, она имеет не сухой, сугубо рационалистический характер, а обеспечивает чувственно-эмоциональное восприятие материала, а значит, несет существенную воспитательную нагрузку, хотя воссоздает морально неоднозначную картину модернизации аграрного производства в советский период. Гордость и ностальгия по славному советскому прошлому сочетаются с горечью ложной веры в высокий смысл жертвенности во имя светлого будущего.

О.В. Горбачев (Екатеринбург)

Сводные отчеты статуправлений как источник для изучения миграции сельского населения 1990–2000-х гг.

В течение нескольких последних десятилетий наблюдается изменение роли миграции в жизни российского общества. Из трех ее основных направлений (внутрирегиональное, межрегиональное и внешнее) очевидную актуальность для государства сохраняет лишь последнее. Традиционное для России перераспределение людских ресурсов с целью освоения окраинных территорий (межрегиональная миграция)

более невозможно ввиду отрицательного естественного прироста в большинстве обычных мест выхода мигрантов. Что касается внутрирегиональной миграции, то в течение большей части XX в. она реализовывалась в виде массового переселения жителей села в города. Преимущественно в такой форме осуществлялась урбанизация по советскому образцу. Людские ресурсы села большинства российских регионов оказались исчерпаны уже к середине 1980-х гг.

Вышесказанное не отменяет необходимости изучения сельской миграции в постсоветский период, однако вносит неизбежные коррективы в традиционное видение предмета. По нашему мнению, для изучения сельской миграции в 1990-е и в начале 2000-х гг. представляются значимыми следующие процессы:

1. Перемещение населения под влиянием урбанизации. Речь идет о постепенно затухающем движении из села в город и о начале агломерационного освоения территории вокруг мегаполисов.

2. Внутренняя миграция как результат мероприятий государственной политики и текущей экономической конъюнктуры (общее снижение числа переездов в 1990-е гг., активизация потоков город–село на фоне кризисов 1992 и 1997 гг., смена вектора «запад–восток» в межрегиональных миграциях на противоположный вследствие сворачивания ряда проектов и отмены части социальных льгот в районах нового освоения).

3. Переселение беженцев из стран «ближнего зарубежья» и внешняя трудовая миграция.

В местных статистических управлениях доступны сведения, позволяющие составить представление о миграционных процессах в рассматриваемый период. Они содержатся в ежегодных сводных статистических отчетах. По характеру информации выделяются массивы данных до 1996 г. включительно и более поздние.

В сводных отчетах первой половины 1990-х гг. имеется минимально необходимая статистика о характере миграций. Она включает цифры о числе прибывших и выбывших по городам и сельской местности, а также по основным видам миграции – внутри-, межрегиональной и внешней. Данные о национальном составе мигрантов представлены по городской и сельской местностям без

указания вида перемещения. Таким же образом даны сведения по половому и возрастному составу мигрантов.

Современная миграционная статистика, ведущаяся с 1997 г., гораздо более разнообразна. В связи с повышением роли внешней миграции представлены сведения о распределении мигрантов по национальностям и видам миграции, включена информация по государствам выхода (направления) миграций. Существенным изменением в миграционной статистике стало появление сводных таблиц с указанием мотивов переезда (выделено девять основных мотивов). Акцентирование мотивационной составляющей сделало ненужной, по мнению разработчиков, статистику по возрастной группе до 14 лет (она отсутствует), что делает уязвимой в остальном вполне репрезентативную действующую систему миграционного учета даже в сравнении с лапидарной статистикой начала 1990-х гг.

При всей информативности доступной статистики направление село-городских перемещений, очевидно, не является доминирующим в нынешней системе миграционного учета, что является отражением упомянутых выше тенденций. В сравнении с поздней советской статистикой оказывается невозможным проследить иерархию переездов (т.е. размеры поселений, привлекающих/отдающих мигрантов), а также долю мигрантов в постоянном населении и степень их приживаемости. Тем самым вне поля зрения исследователей рискуют остаться некоторые существенные тренды современного этапа урбанизации, для анализа которых явно недостаточно использования простейшей дихотомии «город-село».

А.Г. Новожилов (Санкт-Петербург)

Полевые археографические работы в современных сельских администрациях

Специфика современной архивации документов местного сельского управления (сельских администраций, волостей) северо-запада РФ заключается в том, что основной учётный документ – хозяйственные книги (Форма 1-С) не передаются в централизованные архивы, а остаются на хранение в этих учреждениях. Поэтому сбор статистического материала по демографии, экономике под-

собных хозяйств, а также сведений о надворных постройках крестьянских хозяйств 1990–2000-х гг. становится возможным только в экспедиционных условиях. Это обстоятельство заставляет нас перейти к полевой форме поиска источников и существенно скорректировать характер источниковедческого анализа.

С этой точки зрения, несмотря на очевидные недостатки новой формы архивации (децентрализация документов, их плохое хранение), необходимо отметить и её очевидные преимущества. Прежде всего, они проявляются в возможности проверки на месте достоверности архивной информации. Давно замечено, что наиболее достоверной информацией похозяйственных книг был учёт населения. Записи о прибытии и убытии, рождении и смерти, заключении и расторжении браков, появлении и ликвидации хозяйств отличались точностью и своевременностью. Достаточно достоверны сведения об образовательном уровне, специальности, месте работы и национальности сельских жителей. Хотя в этих разделах могли появляться неточности, связанные с недостаточной информированностью сотрудников администрации об изменениях социально-профессиональных характеристик населения или нежеланием самих респондентов эту информацию оглашать. Адекватность демографических сведений и большинства социально-профессиональной информации позволяет нам сохранить классическую архивную модель работы с этими материалами.

Иначе обстоит дело с изучением тех разделов похозяйственных книг, которые характеризуют хозяйство и быт крестьян. Их достоверность уменьшалась на протяжении всей второй половины XX в. От жёсткого учёта посевных площадей и видов содержащегося скота в личных подсобных хозяйствах, а также всех, даже временных, построек до катастрофической небрежности учёта современных хозяйственно-бытовых реалий. В некоторых сельских администрациях вовсе игнорируют эти разделы. В основном же сведения заносятся частично, например, только о скоте или только о капитальных постройках. Часто они заносятся бессистемно и небрежно.

Экспедиционные поездки для изучения похозяйственных книг на месте позволяют определить достоверность этого источника через

сверку описаний и реалий по крайней мере выборочных хозяйств. Источниковедческий анализ может быть расширен за счёт выяснения сведений о более ранних периодах, как минимум о 1950–1980-х гг. В данном случае можно использовать не только прямое наблюдение, но и опрос жителей, экспертный опрос сотрудников самих сельских администраций и анализ других документов сельсоветов. В этом плане наиболее продуктивно наблюдение числа и качества надворных построек, изменений в территориальном распределении общественного и личного земельного фонда.

Есть и другие преимущества полевой археографической работы, когда возможна оперативная сверка данных похозяйственных книг с другими материалами сельских администраций – книгами записей Актов гражданского состояния, документами по благоустройству и реконструкции поселений и т.п. В полевых условиях упрощается поиск документов, относящихся к хозяйствующим субъектам – бывшим колхозам и совхозам, архивы которых, хотя и разрозненны, но функциональны. Наконец, в личных архивах сельских жителей сохраняются документы, относящиеся к истории и современному состоянию личных подсобных хозяйств, которые позволяют уточнять скупые данные похозяйственных книг.

Таким образом, полевая археографическая работа в современных сельских администрациях позволяет использовать комплексные методики изучения демографии, экономики и быта советской и постсоветской деревни.

Г.Е. Корнилов (Екатеринбург)

**Продовольственная безопасность России:
исторический аспект**

Сфера производства продовольствия как составляющая экономики появляется в условиях модернизации России в конце XIX – начале XX вв. На протяжении XX столетия шло становление и формирование системы продовольственной безопасности.

Процесс модернизации сформировал специфические механизмы продовольственного обеспечения. Они находились в прямой зависимости не только от развития сельскохозяйственного произво-

дства, но и от аграрной инфраструктуры, обеспечивавшей хранение и транспортировку продовольствия, перерабатывающих отраслей, торговли, от сложившихся традиций потребления. До конца XIX в. обеспечение необходимого уровня продовольственной безопасности регулировалось с помощью традиции в рамках общины и натурального хозяйства. Низкий уровень сельскохозяйственного производства и неразвитость товарно-обменных отношений обеспечивали только минимальный уровень потребления.

Модернизация кардинальным образом изменила условия существования человека, складываются общепринятые нормы и структура потребления, изменяется механизм обеспечения продовольственной безопасности. На первой фазе аграрного перехода (модернизации аграрной сферы) в первой половине XX в. все большую роль играет государство и различные структуры, которые выступают как факторы организации производства и распределения продовольственных ресурсов. Учитывая особенности российской модернизации, можно выделить первое тридцатилетие, когда важнейшим инструментом продовольственного обеспечения населения был рынок, который через систему ценообразования, спроса-предложения влиял на формирование необходимых запасов и уровня потребления. До революции 1917 г. сложилась система продовольственного дела, включавшая общеимперский, губернский капиталы и крестьянские хлебозапасные магазины. Система продовольственных резервов в СССР формируется только со второй половины 1920-х гг.

Однако созданная система стабильного продовольственного обеспечения (как в имперский, так и в советский периоды) оказалась несовершенной и не могла в полной мере устранить последствия неурожая 1901, 1906–1907, 1911, 1921, 1931, 1932, 1936, 1942–1943, 1946–1947 гг., так как наличные средства борьбы с бедствием оказывались в резком несоответствии с размерами самой нужды.

С конца 1920-х гг. советская история дает пример другого механизма формирования продовольственной безопасности – народнохозяйственное планирование и централизованное распределение, которые в силу сложности объекта управления далеко не всегда справлялись с поставленной задачей – в первой половине XX в.

постоянно вспыхивали голодовки населения. Во второй половине XX в. (на второй фазе агроперехода) сохранялся продовольственный дефицит. Особое влияние на решение проблем продовольственной безопасности оказала деформированная структура советской экономики, в хозяйственной политике преимущественное внимание уделялось тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству, легкой и пищевой промышленности.

На третьей фазе агроперехода (с начала 1990-х гг.) в условиях перехода к рыночным отношениям проблема продовольственной безопасности превратилась в стратегически важную. Особенно острой она стала в условиях кризиса сельскохозяйственного производства, который обусловил высокий уровень зависимости от поставок продовольствия из-за границы. Проблему полного обеспечения населения продовольствием ни на второй, ни на третьей фазах агроперехода разрешить не удалось, поскольку большая часть продовольствия, необходимого для питания, производилась не за счет интенсивного, а экстенсивного развития сельского хозяйства.

Термин «продовольственная безопасность» введен в обиход в 1970-е гг. ООН. Означает обеспечение гарантированной государством физической и экономической доступности продуктов питания для каждого человека. В начале 1980-х гг. ООН была принята основная концепция мировой продовольственной безопасности. Многие страны, в т.ч. Россия, рассматривают проблему продовольственного обеспечения не столько на международном уровне, сколько на национальном и региональном уровнях. Государственная концепция продовольственной безопасности России только обсуждается, что актуализирует исследование исторических аспектов проблемы.

Е.Ю. Баранов (Екатеринбург)

Продовольственная ситуация в уральской деревне накануне и в период сплошной коллективизации: эскалация кризиса

На рубеже 1920–1930-х гг. хлебозаготовки, реализовавшиеся в интересах форсированной индустриализации, обусловили обострение продовольственной ситуации в деревне. В Уральской области весной-летом 1928 г. были зафиксированы факты голодания

бедноты, заболевания и смерти вследствие голода детей и взрослых, употребление в пищу суррогатов и трупов падших животных. На почве недостатка хлеба распространялись слухи о голоде, войне, скором свержении советской власти, проходили демонстрации крестьян.

Ускоренные в начале 1929/30 хозяйственного года темпы коллективизации и хлебозаготовок обусловили тяжелую ситуацию с продовольствием в весенне-летний период сельскохозяйственных работ 1930 г. В ряде округов Уральской области были зарегистрированы уже многочисленные случаи употребления в пищу суррогатов, заболевания людей по причине голодания. Для обеспечения себя пищей крестьяне вынуждены были забивать молочный скот и размалывать семенное зерно. Продовольственные затруднения вызвали волну массовых и групповых выступлений, в ходе которых крестьяне взламывали частные и общественные амбары и «растаскивали» хлеб, в том числе семенные фонды.

Стремление руководства страны максимизировать изъятие сельхозпродукции из деревни привело к завышению заготовительных планов в неурожайном 1931 г. и недородном 1932 г., планы хлебозаготовок которых превышали планы конца 1920-х гг. почти в два раза. В ходе хлебозаготовок изымалось даже зерно из семенных и кормовых фондов, а также предназначенное для личного потребления. В счет хлебозаготовок в эти годы из уральской деревни было вывезено по разным оценкам от 32 до 43–45% собранного зерна.

Острые продовольственные затруднения регион стал испытывать в конце 1931 г. Запасы хлеба в районах отсутствовали. Крестьяне питались в основном картофелем и суррогатами. Вследствие отсутствия питания закрывались детские и образовательные учреждения. В некоторых районах школьники голодали. Нечем было снабжать сельских специалистов. На почве голода в колхозах падала дисциплина, наряды на работы не выполнялись, колхозники не выходили на работу, повсеместно крестьяне самовольно уходили на заработки на промышленные предприятия.

Продовольственный кризис обернулся голодом 1932–1933 гг. Наиболее пораженными территориями стали районы Центрально-

го и Южного Зауралья, которые являлись основными сельскохозяйственными зонами Урала и в тоже время были главными недоуродными территориями. Продовольственные резервы региона истощились, в отдельных районах отсутствовали даже суррогаты. В колхозах началась паника, некоторые колхозы развалились. Продовольственный коллапс достиг своего пика. Известны факты антропофагии, трупоедства, употребления в пищу кошек, собак, самоубийств на почве голода. Голоду сопутствовали эпидемические заболевания.

Центральное и местное руководство спорадически реагировало на продовольственные затруднения в деревне. Остро нуждавшимся районам оказывалась продовольственная и семенная помощь, которая предоставлялась хозяйствам социалистического сектора в виде ссуд. Оказание подобной помощи преследовало цель обеспечения посевных и уборочных работ трудоспособными людскими ресурсами и семенным материалом. В отличие от городского населения на крестьян не распространялась карточная система снабжения продуктами питания.

Таким образом, продовольственный кризис в уральской деревне, симптоматически проявившись в виде продовольственных затруднений и единичных эпизодов голодания в периоды весенних сельскохозяйственных кампаний конца 1920-х гг., достиг апогея в форме голода в 1932–1933 гг. Партийно-государственные структуры не предприняли активных мер по ликвидации продовольственной проблемы деревни. Предложенный руководством страны механизм продовольственного обеспечения населения по отношению к жителям села носил дискриминационный характер.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ IV СЕКЦИИ
Современные информационные методы и технологии
в исследованиях по аграрной истории

С.З. Чернов (Москва)

Рекомендуемые форматы исторических карт средневековой России XIII–XVII вв.: уезд, волость (стан), земельная дача

Растущий интерес к изучению исторических территорий России закономерно ставит вопрос о создании нового поколения исторических карт. Интересные опыты в этом направлении принадлежат А.А. Селину (Новгородский и Ладужский уезды), А.А. Фролову и Н.В. Пиотух (Деревская пятина Новгорода), А.Л. Грязнову (Белозерский, Вологодский и Пошехонский уезды). Эти авторы предложили формат карты (атласа) уезда в масштабе 1:100000. Он сопряжен с локализацией на современной геоподоснове (речная сеть и рельеф) населенных пунктов, описанных в писцовых книгах конца XV – XVI вв. Систематическое привлечение материалов Генерального межевания (которые опубликованы в отдельном томе) позволило А.А. Фролову и Н.В. Пиотух локализовать 63% населенных пунктов писцовых книг.

Мною предложен формат карты средневековой волости (стана) (Волоцкий и Московский уезды). Он предполагает использование современной геоподосновы масштаба 1:25000 и локализацию (помимо границ волости и населенных пунктов) земельных владений (с точностью сопоставимой с Генеральным межеванием), храмов, дорог и крупных угодий. Создание подобных карт требует проведения микротопонимического исследования и локализации межей XV–XVII вв. Для территорий в пределах одной или нескольких земельных дач (княжеское, вотчинное, служнее владение), подвергнутых детальному археологическому и историко-ландшафтному исследованию, предложен формат карт масштаба 1:10000, где показаны поселения и могильники (археологические памятники) в их реальном масштабе, а также реконструкции исторических угодий.

Для выработки оптимальных форматов исторических карт важен консенсус по следующим вопросам:

1. Какие именно исторические реалии мы должны изобразить, чтобы дать представление о средневековом русском уезде, волости (стане), земельной даче.

2. Какую картографическую стилистику стоит использовать для наиболее адекватной передачи интересующей нас информации.

3. Как предлагаемые форматы исторических карт адаптировать с другими картами и планами данной территории – планами Генерального межевания, картами Военно-топографического депо XIX в., топографическими картами ГУГК XX в., ландшафтными картами географов, опорными планами городов и сельских территорий архитекторов, используемых в практике охраны культурного наследия.

До недавнего времени закономерности в деления уезда на волости и станы оставались не ясны. Определенным прорывом в изучении этой темы стало исследование Взвядского погоста, расположенного на южном берегу озера Ильмень, на пути из варяг в греки. Из грамот великих владимирских князей и Новгорода XIII в. было известно, что князья владели землями на Взваде. Обращение к писцовой книге Шелонской пятины 1551 г. показало, что древние княжеские земли Взвядского погоста сохранялись до середины XVI в. Смежно с ними располагались земли Чертицкого погоста. В писцовой книге 1501 г. они значатся как владения новгородских бояр. Локализация этих угодий (с использованием карт, описаний XVIII–XX вв. и опроса старожилов 1983 г.) показала, что земли в районе Взвады были поделены на четыре доли, которые сходились к Взваду как сектора к центру круга. Северная и южная доли принадлежали князьям, а западная и восточная – Новгороду. Эта структура деления датируется временем не позднее середины XIII в.

Взвяд не превратился в город и структура из четырех административных единиц не развилась в систему подгородных станов. Однако в округе тех древнерусских городов, которые изучались столь же детально, были прослежены аналогичные структуры. Примером может послужить Волок Ламский (на северо-западе ны-

нешней Московской области). Как свидетельствуют грамоты последней четверти XV в., Волоцкий удел (позднее уезд) делился на станы. Первое их упоминание относится ко времени Ивана Калиты. Локализация станов показала, что четыре стана, образующие «окологородье», сходились к городу как сектора к центру круга. В южном (Льяняниковском) стане доминировало княжеское землевладение. Села Пороховское, Холсниково, Рюховское и Спасское с земельными владениями в 1–3 тысячи десятин вереницей шли вдоль древнего волокового пути, соединявшего некогда бассейн Волги и р. Москвы. В северном (Староволоцком) стане также в конце XV в. доминировало княжеское землевладение. Здесь находилось село Старый Волок, на месте которого располагался первоначальный Волок Ламский, перенесенный на его нынешнее место Ярославом Мудрым. Иной характер землевладения фиксируется в западном (Раховом) и восточном (Ламском) станах. В первом из них в одной из грамот начала XVI в. фигурирует реликтовая повинность «посаднича половина», которая указывает на то, что некогда эти земли подчинялись Новгороду. В Ламском же стане до середины XVIII в. сохранялась вотчина Новгородского Юрьева монастыря – село Чернецкое. Таким образом, округа Волока Ламского, также как и Взвяд, были поделены на новгородскую и великокняжескую половины, причем каждая из них состояла из симметрично расположенных один напротив другой секторов (долей).

Не менее системным оказалось и внутреннее деление станов. В каждой изучавшейся административной единице того времени (волость или стан) удавалось выделить ядро, которое обычно представляло собой территорию, освоенную со второй половины XIII – XIV вв. и известную источникам конца XIV – XV вв. как черная волость или иная форма служебной организации, и периферию, где со второй половины XIV в. создавались боярские вотчины, с которых вассалы князя несли боевую службу. В ряде случаев удалось выделить и промежуточную территорию, где располагались так называемые «служные земли» – условные владения княжеских министерялов, на плечи которых ложились работа по устройению княжеского хозяйства и поддержанию правопорядка. Примером деления стана

является Сестринский стан на северо-востоке Волоцких земель. Северная, издавна освоенная его часть, расположенная на нижнем течении р. Сестры, в конце XV в. представляла собой черные земли, принадлежавшие князю Борису Волоцкому. Центр и периферия стана была занята вотчинами, основная часть которых сформировалась в 1350–1360-е гг. выходцами из северных смоленских уделов, захваченных Литвой (Толбузины, Ржевские, Полевы). Значительная их часть сохранялась за представителями этих родов до середины XVI в.

Д.А. Черненко (Вологда)

Методы картографирования и пространственно-статистического анализа структуры землевладения XVII–XVIII вв. в Центральной России

Представленный материал отражает одну из стадий работы по созданию Атласа «Пространственная структура землевладения в XVII–XVIII вв. в Центральной России (Суздальский край)». Впервые поставлена цель провести сплошное картографирование, сопоставительный анализ состава и границ владельческих комплексов XVII–XVIII вв. в масштабах целого уезда. В его основе лежит характерный для научной школы академика Л.В. Милова подход, согласно которому описание определенной территории (уезда) в источнике кадастрового типа понимается как своего рода генеральная совокупность данных, а оптимальным вариантом анализа такого источника является его сплошная детальная обработка на уровне отдельного владения или топонима. В данном исследовании этот подход реализуется применительно к кадастровым материалам как учетно-статистического, так и картографического характера.

Источниковую базу исследования составили материалы кадастрового типа XVII – первой половины XIX вв.: писцовая книга Суздальского уезда 1628–1630 гг., Экономические примечания к Генеральному межеванию (1780-е гг.), Генеральный план Суздальского уезда (конец XVIII в.), Атлас Менде Владимирской губернии (1850-е гг.). Анализ картографических источников показал высокую степень полноты их сведений применительно к поставленным задачам, они позволяют локализовать практически все населенные

пункты конца XVIII в., упомянутые в Экономических примечаниях. Очевидна также высокая точность межевых измерений и созданных на их основе карт XVIII – первой половины XIX в. Сопоставление этих материалов с обработанными сведениями писцовой книги 1620-х гг. открывает широкие возможности для ретроспективного картографирования структуры землевладения и в XVII в.

Начальным этапом исследования стало сплошное картографирование владений конца XVIII в. на основе как синхронных материалов Генерального межевания (Экономических примечаний и уездного плана), так и Атласа Менде, топонимика и нумерация дач которого идентичны с межевыми материалами. Комбинированное использование этих материалов позволяет выполнить крупномасштабную карту (2 версты в 1 дюйме или 0,84 км в 1 см.), на которую возможно нанести градусную сеть. На ней локализованы все населенные пункты уезда и пустоши, а также границы всех дач. Эта карта позволяет выявить внутренние различия между районами Суздальского уезда. Так, на юге уезда преобладали крупные села, для этой части уезда характерны достаточно крупные владения, включая бывшие вотчины Спасо-Ефимьева, Троице-Сергиева и других монастырей, а также Суздальского архиерейского дома. В северной части уезда преобладали средние и мелкие дачи, почти исключительно дворянские, здесь же располагался основной массив относительно мелких деревень и пустошей.

Следующий этап – ретроспективное картографирование структуры землевладения начала XVII в. на основе созданной карты и материалов валового письма 1620-х гг. Речь не идет о полной идентичности пространственной структуры землевладения на всем протяжении XVII–XVIII вв. Однако, учитывая установленный нами факт ранней стабилизации сети поселений, можно рассматривать межевые границы, зафиксированные Генеральным межеванием, как своего рода контуры внутренней перегруппировки пространственной структуры землевладения, сложившейся еще в начале XVII в. На данном этапе исследования возможен переход от вопросов техники картографирования и выборочного описания примеров локализованных владений к сплошному пространственному анализу всей уездной структуры землевладе-

ния. Он позволяет выявить четыре варианта существования семейного владельческого комплекса в XVII–XVIII вв.: расширение, стабилизация, преимущественная сохранность на основе совладения и постепенный распад.

Д.А. Хитров (Москва)

**Хозяйственная деятельность казны и ценообразование
в России в конце петровского царствования:
опыт количественного исследования**

Несколько десятилетий назад история товарно-денежных отношений в России XVII–XVIII вв. активно изучалась отечественными историками. В последние годы этот интерес заметно пошел на спад. На мой взгляд, это связано не только с общим для всей исторической науки сокращением внимания к проблемам истории хозяйства и общества, но и со своеобразной ситуацией «историографического пата», сложившейся в итоге обсуждения вопроса о времени формирования всероссийского рынка.

Изучение этого вопроса шло по двум направлениям. С одной стороны, исследовались товарные потоки, развитие торжков и ярмарок разного уровня. Благодаря труду многих исследователей (А.Ц. Мерзон, Ю.А. Тихонов, Н.В. Устюгов, Д.И. Тверская, Б.Б. Кафенгауз и др., в последние годы – Ю.А. Мизис) был накоплен значительный материал, позволявший уверенно говорить о том, что уже в XVII в. между различными регионами страны существовали устойчивые и значительные по объему товарные связи, возникла сложная и разветвленная торговая инфраструктура, в которой было занято большое число людей. Эта картина не соответствовала традиционным представлениям об эпизодическом, обусловленном, прежде всего, случайными факторами характере средневековой торговли, и исследователи сделали вывод о том, что уже в XVII в. формировался или сформировался национальный рынок.

С другой стороны, исследователи, рассматривавшие формирование рынка не как определенный этап в развитии сферы товарно-денежного обращения, а как систему, характеризующуюся специфическими механизмами ценообразования и складывания тор-

говой прибыли, сумели неопровержимо показать, что создание подобных механизмов даже на региональном уровне начинается не ранее середины XVIII в. и тесно связано с переносом центра тяжести в крестьянском хозяйстве Нечерноземья с земледелия на промыслы (Л.В. Милов, И.Д. Ковальченко, А.И. Комиссаренко и другие). Таким образом, результаты работы двух направлений в исследовании данной проблемы пришли к противоречию: система товарно-денежного обращения позднефеодальной России представляется сложной и высокоразвитой, однако не рыночной.

В западной исторической науке в последние десятилетия активно обсуждаются подходы к описанию подобных нерыночных систем; предложен ряд решений, связанных с характеристикой их как «перераспределительных» ('redistributive') или «даннических» ('tributary'). Развитие сферы денежного обращения в рамках таких подходов воспринимается как результат целенаправленной деятельности власти, облагающей население прямыми налогами в денежной форме и, таким образом, поневоле вовлекающей его в товарно-денежные отношения. Подобные структуры описаны в Латинской Америке эпохи испанского господства, в Африке, в Индии как до, так и после британского завоевания, и в ряде других стран и регионов мира.

Представляется, что такой подход может быть продуктивным и при изучении истории России. Наиболее интересны и показательны в этом плане последние годы петровского царствования, когда недавно введенная подушная подать доминировала как в структуре государственных доходов, так и среди повинностей податного населения.

Выявить устройство структуры товарно-денежных потоков можно, анализируя порайонное распределение государственных доходов в совокупности с показателями о ценах на важнейшие товары. Все эти данные давно введены в научный оборот: первые – благодаря публикации труда И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», вторые – монографии Б.Н. Миронова «Хлебные цены в России». С помощью количественных методов (корреляционного и факторного анализа) возможно реконструиро-

вать картину формирования и движения основных товарных потоков. Расчеты позволяют утверждать, что именно деятельность государства по взиманию податей и расходованию полученных средств была системообразующей для всего товарно-денежного обращения страны. В частности, достаточно определенная логика просматривается и в процессе ценообразования: движение цен зависело от положения того или иного района на карте товарных и денежных потоков, и их несинхронные колебания объясняются неодинаковой реакцией различных элементов системы на изменение «напряжения» во всей системе.

М.К. Акользина (Тамбов)

Миграции крестьян и их влияние на демографические процессы в городах первой половины XIX в.: первичные источники и методы их изучения (по материалам Моршанска Тамбовской губернии)

Моршанск как объект изучения процессов переселения крестьян в города интерес тем, что он, как и многие десятки уездных городов России, официально стал городом только в конце XVIII в., долго сохранял в своем составе удельных и других крестьян пригородных слобод, и, вместе с тем, постоянно пополнялся дворовыми крестьянами поселявшихся в городе помещиков и приезжими крестьянами разных категорий. Относительно небольшая численность населения города позволяет на персональном уровне выявить крестьян-мигрантов, вплоть до приезжавших в город по временным делам, их прямое влияние на демографическую ситуацию в городе.

Основными источниками для изучения крестьянской миграции служат в принципе известные, но еще мало изучаемые первичные данные светского и церковного учета населения: ревизские сказки, метрические книги, исповедные ведомости.

Обработка первичных массовых источников с помощью математических методов и компьютерных технологий позволяет усилить объективность получаемых результатов. Микроанализ ценен для понимания на конкретном личностном «живом» уровне тех масштабных миграционных процессов, которые обычно характе-

ризуются историками на макроуровне (города страны в целом, большие группы городов).

По материалам ревизских сказок можно проследить направления миграции крестьян. В них часто указывалась принадлежность крестьян конкретным помещикам или казне. Исповедные ведомости дают возможность узнать и о хозяйственном статусе приезжих крестьян в городе: владелец собственного домохозяйства, дворовый человек помещика, наемный работник или квартирант купца и т.д.

Пребывание в городе крестьян из других уездов и губерний разнообразно отразилось в метрических книгах. Записи в метриках фиксировали проживание в городе людей, которые зачастую не попадали в другие документы первичного учета. Особенно это касается крестьян-отходников, которые оставались официально, по ревизским сказкам, приписанными к конкретным помещикам или казенным селам, а реально подолгу, вместе с семьями жили в городах.

В метрических книгах церковей Моршанска зафиксированы многочисленные случаи рождений детей в семьях крестьян из разных уездов Тамбовской губернии, а также Рязанской, Пензенской, Владимирской, Нижегородской губерний. В графе восприемники при крещении новорожденных есть записи о крепостных крестьянах Рыбинского уезда Ярославской губернии, Муромского уезда Владимирской губернии, других отдаленных от Моршанска мест. Мигранты выявляются и в записях об обращении в православную веру молокан, других сектантов и иноверцев из крестьянской среды.

Одной из форм территориальной мобильности крестьян являлась брачность. В метрических книгах сохранилось немало сведений о браках жителей Моршанска с крестьянками: сыновья моршанских купцов женились на дочерях государственных крестьянин пригородной слободы, мещане нередко брали жен из вольноотпущенниц или государственных крестьянок отдаленных сел. В середине XIX в. в Моршанске наблюдался дефицит женихов. В метриках отмечены факты выдачи моршанских мещанских и купеческих дочерей за крестьян. Молодые семьи поселялись в Моршанске, т.е. невесты или женихи совершали брачную миграцию.

Миграции отразились и в метрических записях о смертях. В частности, в Моршанске умерли экономический крестьянин с. Отыясы того же уезда, однодворец с. Малые Пупки соседнего Козловского уезда, крепостной крестьянин г-на Шепелева с. Ляхов Меленковского уезда Владимирской губернии и другие приезжие крестьяне.

Ценность современных технологий при обработке массовых первичных источников состоит в том, они позволяют быстро собрать данные об одном человеке из разных источников, опять-таки быстро и разнообразно обчислить эти данные, наглядно представить их в виде графиков или на картах.

Д.С. Жуков, В.В. Канищев, С.К. Лямин (Тамбов)

**Моделирование микродемографических процессов
в аграрных регионах России в XX в.
средствами фрактальной геометрии**

Изучение микродемографических процессов важно для преодоления усредненности макро показателей. Особенно это важно для изучения демографии села XX в., когда ее специфика постепенно «растворялась» в общих для страны показателях, определившихся растущим городским сообществом. Демографию России XX в. изучать на микроуровне сложно ввиду неполноты комплектов метрических книг начала века и закрытости материалов ЗАГС за последние 80 лет. Приходится выявлять другие источники и применять методы моделирования демографических процессов. Одним из таких методов является фрактальное моделирование, позволяющее восстанавливать любую структуру из отдельных частей, подобных всей структуре. В данном случае это значит, что известные нам демографические характеристики единичных сельских населенных пунктов можно переносить на сотни им подобных.

Разрабатываемая модель «Демофрактал» на основе первичных демографических данных за разные временные «срезы» формирует изображения начального состояния совокупности данных и её конечных состояний (аттракторов), к которым стремится социум при заданных значениях факторов. Величины факторов рас-

считываются на основе экспертно отобранных индикаторов. Фрактальное моделирование предоставляет возможность типизировать изучаемые социумы по демографическим стратегиям.

Общеизвестно, что в сельских поселениях России начала XX в. существовал традиционный тип воспроизводства (высокая рождаемость и высокая смертность). Моделирование демографических показателей на микроуровне отдельных населённых пунктов Тамбовской губернии выявило наличие различных подтипов единого демографического поведения, которые по-разному развивались в последующие десятилетия XX в.

Методика фрактального моделирования позволяет изучать 4 условные группы аттракторов. На основе изученных по метрикам 4 приходов мы выделили 4 подтипа демографического поведения и попытались распространить их на 253 населенных пункта. По этим пунктам мы не имеем прямой информации о рождаемости, смертности и приросте, но располагаем данными о численности населения на разные годы и соответственно возможностью выявить темпы прироста населения, а также данными об условиях развития этих поселений на нескольких временных срезах второй половины XIX – XX в.

Для отрезка 1862–1917 гг. модель показала, что большинство поселений (1 тип) традиционно сочетали высокую рождаемость (св. 70‰) с высокой смертностью (ок. 70‰). Около четверти населенных пунктов (2 тип) сочетали высокую рождаемость с относительно невысокой смертностью (30–50‰), демонстрируя вступление в первую фазу демографического перехода. Примерно 20% поселений (3 тип) характеризовались высокой смертностью (более 70‰) и меньшей рождаемостью (ок. 60‰), что определялось оттоком молодежи и увеличением доли стариков. «Модернизированное» сочетание сравнительно низкой рождаемости (50–70‰) со сравнительно невысокой смертностью (30–50‰) было характерно для единичных сельских поселений (4 тип).

Для конца XIX – начала XX в. в модели учитывался только один существенный для крестьянской среды внешний фактор – наличие в селе земской больницы или фельдшерского пункта, что уже заметно

влияло на сокращение смертности, особенно младенческой. Для дальнейших отрезков XX в. мы вводим в модель большее разнообразие внешних для аграрного социума факторов: Первая мировая и Гражданская войны (особенно «Антоновщина»), усиленные конфискационной продовольственной политикой властей природно-циклические голодовки и эпидемии 1919–1922, 1932–1933, 1946–1947 годов, коллективизация и раскулачивание, Великая Отечественная война и ее последующее «демографическое эхо».

Введение в модель этих факторов, действовавших на местах с разной степенью интенсивности, дает возможность изучить разные подтипы демографического поведения в тамбовской деревне на протяжении XX в.

В.Л. Дьячков (Тамбов)

**О новых массовых источниках
в изучении социально-демографической истории России
во второй половине XIX – XX в.**

Более 20 лет назад ради более глубокого и точного анализа социально-демографических процессов мы начали сбор трех взаимосвязанных типов массовых источников по новой и новейшей социальной истории России – воспоминаний «рядовых» людей, студенческих генеалогий и анкет женщин, завершивших плодотворную деятельность. Тезисы посвящены познавательным возможностям двух последних.

Анкетирование женщин проводится по вопроснику, сложившемуся под давлением необходимости решения задач социальной истории, не решаемых на основе «обычных» источников. Взаимосвязанные вопросы женских анкет можно свести в два блока: 1) «стандартные» биографические данные (Ф.И.О., точные время, место, социальный слой рождения, уровень образования, род занятий, возраст замужества и возраст супруга, число браков, число и пол детей, детская смертность, миграции); 2) «интимный» блок: вопросы о начале респонденткой половой жизни, наличии и способах контрацепции, непроизвольных выкидышах и абортах, возрасте менархе, наличии и характере неестественных смертей ближай-

ших родственников. Такие же сведения собирались и о матерях опрашиваемых, что позволило вести историко-демографический анализ с 1880-х гг. Уровень точности и искренности ответов очень высок, доля отказов даже на некоторые вопросы «интимного» блока не превышает 0,5%. Сами отказы являются ценной социально-психологической информацией. Эти точность и искренность обеспечивается сбором анкет в кругу ближайших родственниц интервьюера, документальной проверкой части информации и пониманием опрашиваемых важности развития отечественной исторической науки.

На январь 2010 г. мы располагаем 6150 анкетами, информация которых развернута в 52 столбца-параметра таблицы Excel, что позволяет анализировать социально-исторические процессы в различных комбинациях факторов. Движение этих процессов отслеживается по 7-летиям 28-летнего природно-демографического цикла. На отрезке 1892-1975 гг. рождения мы имеем в каждом 7-летию от 200 до 900 анкет, что позволяет надежно раскрыть движение социально-демографического синергизма не только по 7-летиям, но и по годам рождения женщин.

Более 80% опрошенных женщин родились в селе. Также около 80% женщин родились в Тамбовской области, а остальные – в 98 регионах бывшего СССР. Подобный расклад при большом числе анкет обеспечивает различные репрезентативные комбинации сравнительно-исторического анализа. В обработке «женщины анкет» делятся на три группы: 1) родившиеся и жившие в сельской местности; 2) родившиеся в селе, но в плодовитом возрасте мигрировавшие в города и 3) горожанки.

Сходный электронный формуляр с 60 параметрами имеют и студенческие генеалогии с тем отличием, что в них отсутствует «интимный» блок, но в обоих полах и во всех поколениях до максимально возможной глубины подробно представлены «обыкновенные» биографические данные с детализацией социально-профессиональной составляющей. На сегодня переведены в электронную базу данных около 250 генеалогий с 10 тыс. их членов, родившихся от 1830-х гг.

Опросы женщин и генеалогии, обработанные в должной методике, позволяют историкам раскрыть непрерывное движение всех формирующих социально-исторических процессов в синергетической совокупности их факторов на отрезке в полтора века. В числе примеров частных, но важных попутных «раскрытий» назовем: а) детальное выявление «катастрофической» доминанты (в связке с факторами модернизации) в разрушении аграрной социально-демографической модели и российской популяции в целом; б) доминанта рода занятий женщины в кратном сокращении ее плодовитости и, в частности», снижение на 1,5–2 возможных детей одной только занятостью женщины в колхозе; в) природно-циклическая компонента возраста менархе и других биологических санкций плодовитости с большим плодовитым «гандикапом» у родившихся в фазы «женских атак» и т.д.

Р.Б. Кончаков (Тамбов)

Крестьяне и железная дорога: железнодорожная инфраструктура в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX в. Новые источники и методы изучения

Общеизвестно в принципе, но мало изучено конкретно заметное влияние формировавшейся вокруг железнодорожных линий инфраструктуры на социальное, экономическое и культурное развитие сельских населенных пунктов, входивших в зону тяготения (радиус в 10–20 верст от дороги). Главным признаком, определяющим этот объект, является пространственный фактор – удаление от линии или станции железной дороги. Отсюда важным инструментом исследования данной проблематики наряду с письменными источниками могут выступать геоинформационные системы – программы, предназначенные для создания и анализа электронных карт в совокупности с базами других данных.

ГИС-технологии позволяют посмотреть на зоны тяготения как своеобразные социокультурные фронтиры, в которых крестьяне встречались с новым укладом жизни. «Картографические срезы» за разные годы показывают, что при станциях в сельской местности быстро возникали самостоятельные поселки. Их изучение тре-

бует привлечения новых письменных источников. Так, выявлен циркуляр хозяйственного департамента МВД 1897 г., в соответствии с которым, спонтанный и масштабный процесс образования поселений при линиях железных дорог направлялся в планомерное русло. В ходе реализации циркуляра отложились многочисленные дела о составлении планов этих поселков, которые через картографические методы позволяют изучать приобщение традиционалистского сельского населения к современному «регулярному» построению населенных пунктов.

Привлечение новых источников позволяет увидеть, что жители этих поселков были заняты уже преимущественно не аграрными занятиями. Материалы жандармских управлений железных дорог, связанные с расстановкой охраны императорских поездов, содержат подробные сведения о населенных пунктах, предприятиях, постройках, находившихся вдоль линий (именах, возраст, занятия, состав семей жителей этих территорий). Специальные книги этих управлений регистрировали десятки крестьян, служивших при вокзалах поварами, буфетчиками, парикмахерами, грузчиками, сторожами и т.д. Для многих из них регистрация являлась промежуточным этапом на пути к приписке к городу. Также ценными источниками для исследования процесса переселения крестьян в города являются различные личностные документы о работниках железнодорожных мастерских и депо, которые во многих регионах России, особенно в аграрном Центрально-Черноземном регионе, изначально набирались из окрестных крестьян.

Текущая железнодорожная делопроизводственная документация дает информацию о своеобразных «железнодорожных промыслах» крестьян. Для тысяч из них работы по расчистке заносов в зимнее время стали обычным приработком. Иногда крестьяне извлекали доход, компенсируя ущерб, нанесенный железной дорогой, например, требовали возмещение за ущерб от таяния снежных сугробов вдоль дорог, что приводило к заболачиванию соседних крестьянских участков.

Совмещение данных жандармского и собственно железнодорожного делопроизводства, особенно данных о местах проживания

крестьян, так или иначе связанных с железной дорогой, с картографическим материалом позволяет увидеть конкретные пространственные масштабы влияния железных дорог на крестьянский социум.

Важное значение для установления социально-экономического влияния железных дорог на сельскую местность имеют сведения подворных переписей 1880-х гг. Отображенные на географическую карту эти сведения помогают выявить зависимость социально-экономических показателей от близости к железной дороге.

Привлечение новых первичных железнодорожных источников, обработка их и традиционной источниковой базы современными методами позволяет выявить новые факторы модернизации российского аграрного социума второй половины XIX – начала XX в.

Э.А. Морозова (Тамбов)

Возможности информационной системы «Первая всеобщая перепись населения 1897 г.» в изучении аграрной истории

Перепись 1897 г. давно и широко вовлечена в исторические исследования, обстоятельно изучена как исторический источник. Хотя уже в период публикации результатов переписи появилась масса упреков в небрежности проведения, сомнительности итогов, сжатости опубликованных данных, она остается уникальным срезом социально-демографических характеристик российского общества самого конца XIX в., в том числе его сельского сегмента вплоть до уездного уровня.

Работу с материалами переписи затрудняют некоторые обстоятельства, связанные с доступностью полного комплекта опубликованных результатов переписи только в нескольких крупнейших библиотеках; представлением материала в виде таблиц со сложными многоуровневыми группировками; трудоемкостью обработки огромного статистического материала «ручным» способом.

Решить эти проблемы можно путем создания электронной информационной системы, предоставляющей всем желающим доступ к материалам переписи и возможность анализа содержащихся в них данных. Шагом в этом направлении стал совместный проект Лаборатории социальной истории Тамбовского государственного

университета и кафедры Исторической информатики Московского государственного университета, поддержанный РГНФ.

В первые два года проекта в целом создана информационная система, размещенная в сети «Интернет» и позволяющая работать с оцифрованными изображениями страниц абсолютно всех книг Переписи 1897 г. Система позволяет работать с книгами, отдельными таблицами, страницами, объединять их в группы, создавать «тематические подшивки», в т.ч. по разнообразной аграрной проблематике.

Важной задачей, стоящей перед разработчиками, является дополнение оцифрованных изображений базой данных в доступном формате Excel. Используя таблицы Excel, исследователь сможет самостоятельно создавать и анализировать любые группировки данных. Информация нескольких таблиц может быть объединена в одном запросе. Это поможет по-новому взглянуть на возможности использования переписи в изучении аграрной истории, решить множество технических вопросов, встающих между исследователем и источником в его текущем состоянии. В частности, представляется важным объединение данных таблицы I (общедемографические сведения) и редко используемой таблицы II, которая включает данные о демографической структуре собственников и обитателей отдельных категорий хозяйств, в т.ч. располагавшихся в сельской местности.

Попутно решается несколько проблем, связанных со сложными многоуровневыми группировками данных издателями переписи. Была разработана надстройка для программы MS Excel, позволяющая преобразовывать такие таблицы в формат, удобный для анализа средствами статистических пакетов.

Одной из задач проекта является создание географического интерфейса, который позволил бы отображать на карте данные переписи, имеющие пространственную привязку. В составе первых выпусков «Результатов переписи» публиковались картограммы. Но в связи с сокращением программы разработки и публикации её материалов от них отказались. Имеющиеся картограммы не лишены недостатков, главными из которых являются отсутствие едино-

образной легенды, маркеров сторон света, несопоставимый масштаб карт, помещенных в разных выпусках. При изучении каждой картограммы в отдельности это не имеет значения, но сопоставлять картограммы для различных губерний, областей, уездов между собой трудно. Наша информационная система позволит создавать сопоставимый картографический материал, включая выделение сельских уездов разных губерний со сходными признаками и т.п.

В целом проект позволяет решить проблему доступности важного источника по аграрной истории конца XIX в. и облегчения способов его обработки.

А.Л. Аврех, В.В. Канищев (Тамбов)

Парадоксы «Сталинского плана преобразования природы». Геоинформационный метод изучения

Одним из наиболее громких мероприятий советской аграрной политики середины XX в. и, вместе с тем, наименее изученных историками сюжетов является «Сталинский план преобразования природы». Главным парадоксом в осуществлении плана были огромная шумиха и реально незначительные результаты.

Существенные возможности для изучения этих результатов дают геоинформационные системы (ГИС). Они позволяют разнообразно и «удобно» для исследователя совмещать картографический материал, статистические базы данных, письменные источники. Одна из ценнейших особенностей электронного картографирования состоит в возможности создавать любые карты, накладывать их друг на друга и изучать в одном экранном виде. Историкам это позволяет проследивать динамику пространственных процессов во времени.

С учетом этих возможностей и был избран в качестве объекта изучения «Сталинский план преобразования природы», который выполнялся в период, достаточно обеспеченный первичными картами и сопряженным с ними статистическим и описательным материалом. Для решения конкретно-исторических задач плана с помощью ГИС нужны карты с непосредственным обозначением основных «строительных объектов» плана – малых электростан-

ций, прудов, лесополос. Мы использовали в качестве основ несколько карт Тамбовской области 1940–1980-х гг. и размещенные в Internet современные космоснимки. При отсутствии «готовых» в нужном отношении карт можно самим создавать карты с соответствующими объектами.

Наиболее трудно «уловимыми» оказались малые сельские ГЭС, просуществовавшие недолго. Причины их недолговечности «видны невооруженным взглядом». В Тамбовской области они строились на средних и малых равнинных речках. Подключение к карте источников о гидрографии рек региона показывает, что их сток в сравнительно частые засушливые годы сокращался столь существенно, что функционирование ГЭС становилось невозможным. Делопроизводственные источники свидетельствуют, что не все станции, уже помеченные на картах, реально действовали. Из 55 ГЭС, строившихся в 1946–1948 гг., только 19 имели акты о сдаче в эксплуатацию. Анализ современных космоснимков мест расположения действовавших ГЭС позволил увидеть остатки только одной из них. При всей экономической неэффективности они не несли серьезного ущерба природе региона.

Иначе обстоит дело с прудами, созданными в конце 1940-х – 50-е гг. Почти все они сохранились до настоящего времени. Анализ базы данных о прудах области на начало 1960-х гг. (288 объектов) показал, что 87 прудов были построены до 1947 г. или в неизвестное время, 112 – в 1947–1954 гг., 89 – в 1955–1962 гг. Другими словами, подключение нового первичного источника показало, что «сталинский» план в значительной мере выполнялся уже в хрущевское время.

Еще одна база данных (о 312 колхозах Тамбовской области на 1960 г.) свидетельствует, что в 153 колхозах прудов не было вообще, а еще в 77 они имели «символичную» площадь до 5 га. Делопроизводственные источники конца 1940-х – начала 1950-х гг. говорят о том, что изначально «сталинские» пруды почти не действовали по назначению из-за нехватки насосов и другой оросительной техники. Анализ современных космоснимков показывает, что почти все эти пруды обросли по периметрам водорослями и явно не используются как оросительные сооружения.

Комплексный анализ источников позволил увидеть и особенности создания лесополос, которые во многом оказались не прямым результатом «Сталинского плана преобразования природы». До середины 1960-х гг. только накапливался опыт их возведения. В 1960 г. они были только в 40 колхозах из 312 и существенно не влияли на урожайность.

Уже первые результаты использования геоинформационных технологий позволяют говорить о том, что в итоге сталинский план существенно изменил ландшафт безлесных и безводных степных районов Тамбовской области. Но объекты плана оказались во многом бесполезными.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

<p>Аврех А.Л. 178
 Акманов А.И. 45
 Акользина М.К. 168
 Александров Н.М. 54
 Андреевков С.Н. 141
 Артамонова Л.М. 43
 Баранов Е.Ю. 158
 Башнин Н.В. 19
 Безгин В.Б. 59
 Безденежных А.Ю. 129
 Безнин М.А. 133
 Белова И.Б. 107
 Беляков А.В. 15
 Беспалов С.В. 63
 Бруиш К. 88
 Будкина Ю.Б. 79
 Вербицкая О.М. 97
 Галлямова А.Г. 150
 Глумная М.Н. 125
 Голубев А.В. 102
 Гончарова И.В. 115
 Горбачев О.В. 152
 Димони Т.М. 133
 Дмитриева З.В. 19
 Дубман Э.Л. 26
 Дьячков В.Л. 172
 Жуков Д.С. 170
 Жукова В.С. 113
 Земцов Л.И. 52
 Иванов А.Г. 36</p> | <p>Иванов В.А. 41
 Иванова Е.Г. 109
 Изюмова Л.В. 131
 Ильиных В.А. 104
 Кандаурова Т.Н. 8
 Канищев В.В. 170, 178
 Карпачев М.Д. 61
 Кедров Н.Г. 127
 Китанина Т.М. 86
 Ковалёв Д.В. 84
 Козляков В.Н. 17
 Кознова И.Е. 91
 Кометчиков И.В. 137
 Кончаков Р.Б. 174
 Корнилов Г.Е. 156
 Кудюкина М.М. 119
 Кузнецова О.В. 143
 Курцев А.Н. 75
 Лямин С.К. 170
 Мазур Л.Н. 135
 Манькова И.Л. 22
 Мизис Ю.А. 28
 Морозова Э.А. 176
 Наухацкий В.В. 123
 Никулин В.Н. 67
 Новожилов А.Г. 154
 Пахомова Е.В. 145
 Плеханова О.В. 111
 Полх П.П. 139
 Пьянков С.А. 73</p> | <p>Ратушняк В.Н. 47
 Роднов М.И. 65
 Рынков В.М. 93
 Саблин В.А. 99
 Сафонов Д.А. 95
 Свердлов М.Б. 10
 Севастьянова А.А. 56
 Серогодский Н.А. 148
 Сидоренко Т.Н. 81
 Слепнев И.Н. 49
 Смирнов Ю.Н. 39
 Соколова Н.В. 33
 Степанова Л.Г. 13
 Стэльмах М.К. 77
 Сухова О.А. 117
 Тимошечкина Е.М. 121
 Фигуровская Н.К. 83
 Филимонов В.Я. 106
 Хитров Д.А. 166
 Черкасова М.С. 30
 Черненко Д.А. 24, 164
 Черников С.В. 37
 Чернов С.З. 161
 Чеченков П.В. 24
 Швейковская Е.Н. 3
 Шевельков А.И. 147
 Щагин Э.М. 69
 Ячменихин К.М. 8</p> |
|--|--|---|

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ

Киевская Русь – середина XIX в.

<i>Е.Н. Швейковская</i> Источниковедческие аспекты в трудах В.А. Александра 1960–1970 годов.	3
<i>К.М. Ячменихин, Т.Н. Кандаурова</i> В. А. Федоров – участник Симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы.	8
<i>М.Б. Свердлов</i> Правда Русская как источник для изучения стратификации древнерусского сельского населения конца XI – первой трети XII в.	10
<i>Л.Г. Степанова</i> Применение картографического метода при изучении источников по аграрной истории средневековой России: новые поиски и перспективы	13
<i>А.В. Беляков</i> Статус земельных владений служилых Чингисидов в России XV–XVII вв. Интерпретация источников	15
<i>В.Н. Козляков</i> «Уложение» о крестьянах царя Василия Шуйского 9 марта 1607 г.: XVII или XVIII век?	17
<i>З.В. Дмитриева, Н.В. Башнин</i> О миграции населения монастырских вотчин до и после Соборного уложения 1649 г.	19
<i>И.Л. Манькова</i> Писцовая книга Верхотурского уезда 1621 г. – новый источник по истории крестьянской колонизации Западной Сибири.	22
<i>П.В. Чеченков, Д.А. Черненко</i> Документальные источники о нижнегородском служилом «городс» и землевладении в первой половине XVII в.	24
<i>Э.Л. Дубман</i> Источниковедческие аспекты изучения миграционных и демографических процессов на территории Южного Средневожья в XVII в.	26
<i>Ю.А. Мизис</i> Источники по государственному регулированию землевладения служилых людей на Юге Русского государства в XVII в.	28
<i>М.С. Черкасова</i> Архиперейские окладные книги как источник по землевладению и народонаселению в XVII в.	30
<i>Н.В. Соколова</i> Крестьянская община сквозь призму «теории конфликта»: источниковедческий аспект (на материалах монастырской деревни Центра России XVII – середины XVIII в.)	33

<i>А.Г. Иванов</i> Переписные книги и ревизские сказки о размерах ясачных платежей общин марийских крестьян первой четверти XVIII века.	36
<i>С.В. Черников</i> Материалы подушных переписей Ингсманландии 1730–1760-х гг. как источник по землевладению правящей элиты России.	37
<i>Ю.Н. Смирнов</i> Архивные материалы о крестьянском заселении и аграрном освоении юго-востока Европейской России во второй трети XVIII – середине XIX в.	39
<i>В.А. Иванов</i> Формулярные (послужные) списки как источник сведений о землевладении местной дворянской бюрократии России в предреформенное время.	41
<i>Л.М. Артамонова</i> Записи устных преданий как ценные дополнения к письменным источникам по истории крестьянской миграции XVIII века в Заволжье.	43
<i>А.И. Акманов</i> Документы Генерального межевания земель Оренбургской губернии – важный источник по социально-экономической истории Южного Урала первой половины XIX в.	45
ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ II СЕКЦИИ Вторая половина XIX – начало XX в.	
<i>В.Н. Ратушняк</i> Вклад П.Н. Зырянова в изучение русской пореформенной общины.	47
<i>И.Н. Слепнев</i> Источники по аграрной истории в трудах А.М. Анфимова.	49
<i>Л.И. Земцов</i> Решения волостных судов как источник по истории крестьянства 60–70-х гг. XIX в.	52
<i>Н.М. Александров</i> Земельная перепись 1877–1878 гг. как источник по изучению земельных реформ 60-х гг. XIX в. (на материалах Верхнего Поволжья).	54
<i>А.А. Севастьянова</i> Крестьянские антропологические характеристики по метрическим источникам рязанской и вятской округ конца XVIII – начала XX вв.	56
<i>В.Б. Безгин</i> Сход в повседневности русского села конца XIX века (на материалах Этнографического бюро кн. В.Н. Тснишсва).	59
<i>М.Д. Карпачев</i> Земские исследования как источник по истории аграрных отношений в России конца XIX – начала XX в.	61
<i>С.В. Беспалов</i> «Записки» представителей дворянства как источник по аграрной истории России конца XIX – начала XX в.	63
<i>М.И. Роднов</i> Латентная информация сельскохозяйственных переписей конца XIX – начала XX в.	65

<i>В.Н. Никулин</i> Крестьянские промыслы конца XIX в. в «Материалах по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии» (к вопросу об информационном потенциале массовых источников)	67
<i>Э.М. Шагин</i> О корпусе статистических источников по сельскому хозяйству Рязанщины и степени их достоверности и репрезентативности.	69
<i>С.А. Пьянков</i> Нормы потребления хлебов в исследованиях земских статистиков Пермской губернии конца XIX – начала XX в.	73
<i>А.Н. Курцев</i> Информационный потенциал земской текущей сельскохозяйственной статистики по изучению миграций крестьян на примере Курской губернии за 1898–1905 гг.	75
<i>М.К. Стэльмах</i> Модернизация продовольственного дела в России на рубеже XIX–XX вв.	77
<i>Ю.Б. Будкина</i> Источники для исследования взаимоотношений кредитной кооперации и местной администрации в Рязанской губернии в начале XX столетия	79
<i>Т.Н. Сидоренко</i> Источники изучения сельской кооперации Предкавказья начала XX в.	81
<i>Н.К. Физуровская</i> Материалы «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (1902–1905 гг.) как источник для исследования аграрной сферы России и путей ее реформирования.	83
<i>Д.В. Ковалёв</i> Документы земельных органов Временного правительства как источник по истории подмосковного крестьянства	84
<i>Т.М. Китанина</i> Экономический разрыв с Германией и законодательные акты русского правительства по стабилизации продовольственного рынка в период Первой мировой войны 1914–1916 гг.	86
<i>Катя Бруши</i> Организационно-производственное направление российской экономической мысли как вариант идеологии аграризма	88

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ III СЕКЦИИ

1917 г. – современность

<i>И.Е. Кознова</i> Хозяйствование на земле как культурная память: источниковедческий аспект (конец XIX – начало XXI в.).	91
<i>В.М. Рынков</i> Делопроизводственная документация земельных органов сибирской контрреволюции: новая грань информационного потенциала.	93
<i>Д.А. Сафонов</i> Социальная активность и общественное сознание российского крестьянства: проблема источников и их репрезентативности.	95

<i>О.М. Вербицкая</i> Крестьянские бюджеты в XX в.	97
<i>В.А. Саблин</i> Нормативно-правовая основа земельной аренды в российской деревне в 1917–1920-е годы	99
<i>А.В. Голубев</i> Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (На примере внешнеполитических представлений первой четверти XX века)	102
<i>В.А. Ильиных</i> Сельскохозяйственные переписи конца 1910-х – 1920-х гг.: поправки на недоучет посевов.	104
<i>В.Я. Филимонов</i> Материалы волостных обследований 1925 года как источник изучения деревенской микроструктуры.	106
<i>И.Б. Белова</i> Источники по проблеме переселения крестьян из Калужской губернии в районы Сибири в 1920 г.	107
<i>Е.Г. Иванова</i> Источники по истории Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи	109
<i>О.В. Плеханова</i> Фонды сельских советов как источник изучения дифференциации налогообложения крестьянских хозяйств во второй половине 20-х гг. XX в. (по материалам Московской, Рязанской, Тульской губерний)	111
<i>В.С. Жукова</i> Источники по социальной дифференциации крестьянства России в 1920-е годы.	113
<i>И.В. Гончарова</i> Сельскохозяйственная статистика и проблема расслоения крестьянства накануне коллективизации (на материале Центрального Черноземья)	115
<i>О.А. Сухова</i> Информационные сводки ОГПУ и проблемы властно-политического регулирования в 1920-е гг.: методика и методология изучения	117
<i>М.М. Кудюкина</i> Демографическая статистика голода 1932–1933 гг. (по материалам Российского государственного архива экономики)	119
<i>Е.М. Тимошечкина</i> Сводки районных административных отделений и окружного административного отдела как источник для исследования противодействия крестьянства проведению политики ликвидации кулачества как класса в Борнисоглебском округе ЦЧО.	121
<i>В.В. Наухацкий</i> Политотделы МТС Северо-Кавказского края: проблема источников	123
<i>М.Н. Глумная</i> Социальная структура колхозного социума в делопроизводственной документации партийных органов (на материалах колхозов Европейского Севера России 1930-х гг.)	125
<i>Н.Г. Кедров</i> Крестьянские «письма во власть» как форма политической репрезентации (на материалах северной деревни 1930-х годов)	127

<i>А.Ю. Безденежных</i> Письма крестьян как исторический источник по изучению повседневной жизни	129
<i>Л.В. Изюмова</i> Делопроизводственная документация как источник изучения колхозного социума 1930-х – 1960-х гг.	131
<i>М.А. Безгин, Т.М. Димони</i> Источники по аграрной истории России 1930 – 1980-х годов и методы их исследования	133
<i>Л.Н. Мазур</i> Аудиовизуальные источники по истории советской деревни: методические подходы к изучению	135
<i>И.В. Кометчиков</i> Советская культура деревни Центрального Нечерноземья РСФСР 1945 – 1950-х гг. через призму статистики	137
<i>П.П. Полх</i> Стоимость трудодня в колхозах Калининградской области: источники и проблема достоверности	139
<i>С.Н. Андреенков</i> Сельскохозяйственная статистика как источник по изучению аграрного производства Сибири в середине 1950-х – начале 1960-х гг.	141
<i>О.В. Кузнецова</i> Источниковая база повседневной истории целины: рспрезентативность, достоверность, верификация	143
<i>Е.В. Пахомова</i> Письма с целины как исторический источник	145
<i>А.И. Шевельков</i> Аграрная политика государства во второй половине XX века в статистических материалах из документов ЦК КПСС	147
<i>Н.А. Серогодский</i> Документы и материалы местных партийных организаций КПСС как источник по изучению социальной сферы села в 1980-е годы	148
<i>А.Г. Галлямова</i> Новое Надырово как показательный системогаген модернизации аграрной сферы в советский период	150
<i>О.В. Горбачев</i> Сводные отчеты статуправлений как источник для изучения миграции сельского населения 1990–2000-х гг.	152
<i>А.Г. Новожилов</i> Полевые археографические работы в современных сельских администрациях	154
<i>Г.Е. Корнилов</i> Продовольственная безопасность России: исторический аспект.	156
<i>Е.Ю. Баранов</i> Продовольственная ситуация в уральской деревне накануне и в период сплошной коллективизации: эскалация кризиса.	158

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ IV СЕКЦИИ
Современные информационные методы и технологии
в исследованиях по аграрной истории

<i>С.З. Чернов</i>	
Рекомендуемые форматы исторических карт средневековой России XIII–XVII вв.: уезд, волость (стан), земельная дача	161
<i>Д.А. Черненко</i>	
Методы картографирования и пространственно-статистического анализа структуры землевладения XVII–XVIII вв. в Центральной России	164
<i>Д.А. Хитров</i>	
Хозяйственная деятельность казны и ценообразование в России в конце петровского царствования: опыт количественного исследования	166
<i>М.К. Акользина</i>	
Миграции крестьян и их влияние на демографические процессы в городах первой половины XIX в.: первичные источники и методы их изучения (по материалам Моршанска Тамбовской губернии)	168
<i>Д.С. Жуков, В.В. Канищев, С.К. Лямин</i>	
Моделирование микродемографических процессов в аграрных регионах России в XX в. средствами фрактальной геометрии	170
<i>В.Л. Дьячков</i>	
О новых массовых источниках в изучении социально-демографической истории России во второй половине XIX – XX в.	172
<i>Р.Б. Кончаков</i>	
Крестьяне и железная дорога: железнодорожная инфраструктура в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX в. Новые источники и методы изучения	174
<i>Э.А. Морозова</i>	
Возможности информационной системы «Первая всеобщая перепись населения 1897 г.» в изучении аграрной истории	176
<i>А.Л. Аврех, В.В. Канищев</i>	
Парадоксы «Сталинского плана преобразования природы». Геоинформационный метод изучения	178
УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ	181

